

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

№ 4 (16-17) • 2014

СВИДЕТЕЛЬСТВО о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-38335 от 8 декабря 2009 г.

Главный редактор

А.Д. Воскресенский, д.полит.н., д.философии
(Манчестерский у-тет), профессор

Заместитель главного редактора

О.В. Гаман-Голутвина, д.полит.н., проф.

Ответственный секретарь

Е.В. Колдунова, к.полит.н., доц.

Редакционная коллегия номера

А.Д. Воскресенский

Е.В. Колдунова

И.Ю. Окунев

(ответственный редактор номера)

С.О. Савин

(техническая подготовка)

Редакционный совет

Т.А. Алексеева, д.филос.н., проф.,
Заслуженный деятель науки РФ

О.Н. Барабанов, д.полит.н., проф.

В.Я. Белокреницкий, д.и.н., проф.

В.В. Гриб, д.ю.н., проф.

В.И. Журавлева, д.и.н., проф.

М.В. Ильин, д.полит.н., проф.

Е.В. Колдунова, к.полит.н., доц.

В.Г. Леднев, д.филос.н., д. философии
(Манчестерский университет), проф.

М.М. Лебедева, д.полит.н., проф.,
Заслуженный работник высшей школы РФ

В.В. Михеев, д.э.н., проф.,
член-корреспондент РАН

О.В. Павленко, к.и.н., доц.

Е.В. Попов, к.ю.н., доц.

В.Д. Соловей, д.и.н., проф.

Л.В. Сморгун, д.полит.н., проф.

М.В. Стрежнева, д.полит.н., доц. философии
(Манчестерский университет), проф.

Д.В. Стрельцов, д.и.н., проф.

Т.А. Шаклеина, д.полит.н., проф.

А.Ю. Шутов, д.и.н., проф.

И.Н. Тимофеев, к.полит.н., доц.

Международный консультационный совет

Профессор *Ayşe Ditihs*

(Университет Анкары)

Профессор *Akihiro Iwashita*

(Университет Хоккайдо)

Профессор *Zhao Huasheng*

(Фуданьский университет)

Профессор *Klaus Segbers*

(Свободный университет Берлина)

Профессор *Anne de Tanguy* (Сьянс По)

(Свободный университет Берлина)

Профессор *Yu-Shan Wu*

(Институт политологии, Academia Sinica)

Профессор *Alexander Zhebit*

(Федеральный университет Рио-де-Жанейро)

Профессор *Charles E. Ziegler*

(Университет Луисвилла)

Профессор *А. Файзуллаев*

(Университет мировой экономики
и дипломатии Узбекистана)

Профессор *Li Xing*

(Пекинский педагогический университет)

Учредитель:

Издательская группа «Юрист»

Главный редактор

Издательской группы «Юрист»:
Гриб В.В.

Редакция:

Бочарова М.А.,
Лаптева Е.А.

Центр подписки:

(495) 617-18-88 (многоканальный)

Адрес редакции:

115035, г. Москва, Космодамианская

наб., д. 26/55, стр. 7

Тел. (495) 953-91-08

E-mail: avtor@lawinfo.ru;

http: www.lawinfo.ru

Отпечатано в типографии
«Национальная полиграфическая
группа». Тел. (4842) 70-03-57

Печать офсетная.

Физ.печ.л. — 27,0.

Усл. печ. л. — 27,0.

Общий тираж 3000 экз.

Цена свободная.

Номер подписан в печать: 27.11.2014 г.

ISSN — 2221-3279

© Воскресенский А.Д., 2014

© Сравнительная политика, 2014

© Издательская группа «Юрист», 2014

COMPARATIVE POLITICS

№ 4 (16-17) • 2014

MASS MEDIA REGISTRATION CERTIFICATE PI № FS77-38335 of December 8, 2009

Editor-in-Chief

A.D. Voskresenskij

Professor, Dr. Pol. Sc., PhD (U. of Manchester)

Deputy Editor-in-Chief

O.V. Gaman-Golutvina,

Professor, Dr. Pol. Sc.

Executive Secretary

E.V. Koldunova,

Cand. Pol. Sc., Associate Professor

Editorial Board of the Issue

A.D. Voskresenskij

E.V. Koldunova

I. Yu. Okunev

(editor of the issue)

S.O. Savin

(assistant to the editor of the issue)

Editorial Board

T.A. Alekseeva, doctor of philosophical sciences, professor,
Distinguished Researcher of the RF

O.N. Barabanov, doctor of philosophical sciences, professor

V. Ya. Belokrenitskij, doctor of historical sciences, professor

V.V. Grib, doctor of juridical sciences, professor

V.I. Zhuravleva, doctor of historical sciences, professor

M.V. Il'in, doctor of political sciences, professor

E.V. Koldunova, candidate of political sciences, associate professor

V.G. Ledyev, doctor of philosophical sciences, PhD,
(University of Manchester), professor

M.M. Lebedeva, doctor of political sciences, professor,
distinguished lecturer of RF higher school, professor

V.V. Mikheev, doctor of economic sciences, professor,
corresponding member of the RAS

O.V. Pavlenko, candidate of historical sciences, associate professor

E.V. Popov, candidate of juridical sciences,
associate professor

V.D. Solovjev, doctor of historical sciences, professor

L.V. Smorgunov, doctor of political sciences, professor

M.V. Strezhev, doctor of political sciences, PhD
(University of Manchester), professor

V.V. Sirel'sov, doctor of historical sciences, professor

T.A. Shakleina, doctor of political sciences, professor

A. Yu. Shutov, doctor of historical sciences, professor

I.N. Timofeev, candidate of political sciences, associate professor

International Consultative Board

Professor *Ayşe Ditihs*
(University of Ankara)

Professor *Akihiro Iwashita*
(University of Hokkaido)

Professor *Zhao Huasheng*
(Fudan University)

Professor *Klaus Segbers*
(Free University of Berlin)

Professor *Anne de Tanguy*
(Sciences Po)

Professor *Yu-Shan Wu*
(Institute of Political Science, Academia Sinica)

Professor *Alexander Zhebit*
(Federal University of Rio de Janeiro)

Professor *Charles E. Ziegler*
(University of Louisville)

Professor *A. Fajzullaev*
(University of World Economics
and Diplomacy of Uzbekistan)

Professor *Li Xing*
(Beijing Normal University)

Founder:
Publishing Group «Yurist»

Editor-in-Chief
of Publishing Group «Yurist»:
Grib V.V.

Editorial Staff:
Bocharova M.A.,
Lapteva E.A.

Subscription Centre:
(495) 617-18-88 (multichannel)
Editorial Office Address:
Bldg. 7, 26/55 Kosmodamianskaya Emb.,
Moscow, 115035
Tel.: (495) 953-91-08
E-mail: avtor@lawinfo.ru;
http: www.lawinfo.ru

Printed in typography
«National Polygraphic Group»
Tel.: (4842) 70-03-37

Offset printing.
Printer's sheet — 27,0.
Conventional printing sheet — 27,0.
Circulation 3000 copies.
Free-market-price
Passed for printing: 27.11.2014.
ISSN — 2221-3279

© Voskresenskij A.D., 2014
© Comparative Politics, 2014
© Publishing Group «Yurist», 2014

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ И ИНСТИТУТОВ

И.Ю. Окунев. Критическая геополитика
и посткритический сдвиг в исследовательской
парадигме геополитики

О.И. Ляховенко. Концепции критической геополитики
Дж. О'Тоала: на пути к осмыслению геополитики XXI века

А.М. Кучинов. Геополитика и постструктурализм:
возможности интеграции

Н.Н. Орлеанский. Пространственный аспект
биополитической концепции М. Фуко

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ГЕОПОЛИТИКА

А.В. Ренард-Коктыш. Геополитическое
и идеологическое пространства евразийского
нацистроительства

Л.С. Жирнова. Пространственные идентичности
в российских регионах (на основе анализа названий
предприятий общественного питания)

Д.Д. Полонская. Влияние политической мифологии
на имидж государства

Л.Н. Туров. Идеологический проект «Великая Албания»
на современной политической карте мира

В.А. Голованова. Региональная метрополия
Кавказские Минеральные Воды как геополитический
центр Юга России

Д.В. Егоров. Подходы к концепциям развития Сибири:
проклятие или сокровище?

Ю.А. Кабанов. Информационное пространство
как новое (гео)политическое пространство:
роль и место государств

Н.А. Пипченко. Социальные медиа
в современных политических процессах

А.В. Виловатых. Информационный фактор
в динамике современных геополитических процессов

Д.Н. Братина. Угрозы безопасности Украины
в информационном пространстве

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛОКАЛЬНОГО ОПЫТА

И.Ю. Окунев. Роль интерпретации пространства
в формировании идентичности (на примере
российско-европейского пограничья)

А.О. Доманов. Европейская идентичность
в приграничных регионах СЗФО (количественный анализ)

С.О. Савин. Географическое воображение
и пространственные мифы в устных свидетельствах
(на примере города Кронштадт)

В.П. Бахчиванжи. Особенности пространственной
идентичности (на примере города Выборг)

П.З. Талыбов. Особенности пространственной
идентичности – Санкт-Петербург

Д.В. Басова. Идентификация Кронштадта через
пространственные аллюзии прошлого

Л.С. Жирнова. Особенности пространственной
идентичности в г. Выборг (на основе анализа названий
улиц и предприятий общепита)

Н.А. Манжина. Особенности пространственной
идентичности в г. Кронштадт (на основе анализа
названий улиц и предприятий общепита)

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

CONTENTS

Note of the Editor

COMPARATIVE ANALYSIS OF CONCEPTS AND INSTITUTIONS

Igor Okunev. Critical Geopolitics
and Post-Critical Shift in Geopolitical
Research Paradigm

Oleg Lyakhovenko. G. Ó Tuathail's Conceptions of Critical
Geopolitics: Rethinking the XXI Century Geopolitics

Artemiy Kuchinov. Geopolitics and Post-Structuralism:
The Prospects for Integration

Nikolay Orleanskiy. Spatial Aspect of Michel Foucault's
Biopolitical Conception

COMPARATIVE POLITICS AND GEOPOLITICS

Anna Renard-Koktysh.
Geopolitical and Ideological Spaces
of Eurasian Nation-Building

Lidiya Zhirnova. Space Identity
in Russian Regions: Analysis of Street
and Food Services Names

Daria Polonskaya. The Influence
of Political Mythology on State Image

Nikita Turov. "Great Albania" Ideological Project
on Political World Map

Valentina Golovanova. Caucasian Mineral'nye
Vody's Regional Metropole as a Geopolitical Centre
of Russia's South

Daniil Egorov. Siberia's Development Theories:
A Curse or a Treasure?

Yury Kabanov. Information Space
as a New (Geo)Political Space:
The States' Role and Place

Natalia Pipchenko. Social Media in Contemporary
Geopolitical Processes

Anna Vilovatykh. Information Factor in the Dynamics
of Contemporary Geopolitical Processes

Dmitry Bratina. Ukraine's Security Threats
in Information Space

COMPARATIVE ANALYSIS OF LOCAL CASES

Igor Okunev. Role of Spatial Interpretations
in Identity Imposing in Border Cities
of EU-Russia

Alexey Domanov. European Identity in Russian Regions
Bordering on Finland: Quantitative Analysis

Sergey Savin. Space Imagination
and Space Myths in Verbal Sources:
The Case of Kronstadt

Valeria Bakhchivanzhi. Space Identity:
The Case of Vyborg

Polad Talybov. Space Identity:
the Case of St. Petersburg

Daria Basova. Kronstadt Identification
via Spatial Allusions of the Past

Lidiya Zhirnova. Space Identity in Vyborg:
Analysis of Street
and Food Services Names

Nadezhda Manzhina. Space Identity in Kronstadt:
Analysis of Street
and Food Services Names

ACADEME

INFORMATION FOR AUTHORS

ОТ РЕДАКЦИИ

Представляем вниманию читателей специальный выпуск журнала «Сравнительная политика», посвященный работе молодых ученых Клуба геополитических исследований Научного студенческого общества МГИМО. Геополитическая тематика регулярно освещается на страницах журнала «Сравнительная политика», однако обращение к данной проблематике в формате специального выпуска было вызвано рядом обстоятельств. Во-первых, в последнее время в данной дисциплине наметился существенный парадигмальный сдвиг, отражающий смещение методологической базы от классического реализма в сторону критического конструктивизма. Во-вторых, описанные методологические изменения предопределили разворот геополитики в сторону качественных эмпирических, в том числе регионального и локального уровня, что представляет интерес для сравнительной политологии и, следовательно, нашего журнала. Наконец, в-третьих, среди авторов журнала сформировалась группа молодых исследователей, интересующихся данным направлением и организующих специализированные исследовательские экспедиции. Подобные факторы приводят нас к выводу о том, что знакомство читателей с критической геополитикой в рамках одной статьи или рубрики будет неполным, и работы молодых исследователей по этому направлению можно было бы представить более широко и полно — в формате специального выпуска нашего журнала.

Клуб геополитических исследований НСО МГИМО был создан инициативной группой студентов в 2013

г. при непосредственной поддержке факультета политологии, кафедры сравнительной политологии и Фонда развития МГИМО. На его базе была воссоздана Исследовательская группа по политической географии и геополитике Молодежного отделения Российской ассоциации политической науки. Целью клуба является объединение заинтересованных студентов и приобщение их к научной деятельности путем проведения серии политико-географических эмпирических (в том числе и полевых) исследований и экспедиций. Особое внимание клуб уделяет вопросам критической геополитики и сравнительной политики, которые предлагают новые подходы и методы изучения насущных геополитических проблем. Клуб приглашает к участию и сотрудничеству студентов, аспирантов и молодых исследователей.

С 10 по 13 октября 2013 г. при поддержке гранта Фонда развития МГИМО были проведены исследования в Санкт-Петербурге и Ленинградской области. Участники экспедиции провели полевые исследования пространственных мифов и идентичностей в городах Санкт-Петербург, Кронштадт и Выборг. В рамках исследования фиксировались как осознаваемые, так и неосознаваемые проявления пространственного воображения, проводился сбор письменных и устных материалов, которые в дальнейшем были подвергнуты тщательному анализу.

Результаты и ключевые выводы экспедиции были представлены на конференции «Современные направления геополитических исследований: про-

странство, власть, политика» в МГИМО и вошли в данный специальный выпуск. Также в выпуск вошли теоретические и эмпирические статьи коллег, представ-

ляющих различные вузы России, которые имеют непосредственное отношение к вопросам сравнительной политики и критической геополитики.

КРИТИЧЕСКАЯ ГЕОПОЛИТИКА И ПОСТКРИТИЧЕСКИЙ СДВИГ В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПАРАДИГМЕ ГЕОПОЛИТИКИ

Окунев И.Ю.

Геополитика как научная дисциплина до недавнего времени исходила из предпосылки, что пространство в некоторой степени способно детерминировать международные отношения и мировую политику. Однако в последние десятилетия и ее — пожалуй, чуть позже других социальных наук — затронул постмодернистский сдвиг: появилось целое направление, которое, отказавшись от глобальных рассуждений, обратилось к анализу того, как формируются геополитические представления. Ученые данного направления предположили, что геополитика государств формируется не под влиянием фундаментальных естественных законов и структуры пространства, а через географическое воображение и пространственные мифы, т.е., другими словами, под влиянием мира идеального. Это предопределило и обращение к новым методам исследования, в частности дискурс-анализу, что до сих пор в рассматриваемой дисциплине казалось нонсенсом. Активно развиваемое новое направление получило название критической геополитики.

Свою историю критическая геополитика ведет, по-видимому, с 1992 г., когда Джерард О'Тоал и Джон Энью опубликовали статью «Геополитика и дискурс: практические геополитические рассуждения в американской внешней политике»¹, в которой была высказана

мысль о том, что все модели глобальной политики находятся под влиянием или даже непосредственно основаны на географических представлениях, чего совершенно не учитывала классическая геополитика.

Термин «критическая геополитика» был предложен Саймоном Дэлби и Джерардом О'Тоалом в конце 80-х годов; позже его стали использовать для обозначения нового направления в англо-американской политической географии. Появление данного направления было вполне закономерным: в конце периода холодной войны многие американские и европейские ученые чувствовали необходимость «ухватить» на тот момент едва уловимую связь между идеями и политическими практиками, связанными с территориальным экспансионизмом и доминирующей ролью пространства. Критическая геополитика критикует приверженцев традиционного подхода за поверхностную трактовку политической карты мира, евроцентризм, оправдание милитаризации, приведшей к гонке вооружений в Европе и других регионах в послевоенный период². Современная критическая геополитика отходит от традиционных бинарных оппозиций (внешний/внутренний, запад/восток и т.д.) и с

American foreign policy // Political geography . St. Louis, 1992. Vol. 11. P. 190–204.

² O'Tuathail G. Understanding critical geopolitics: Geopolitics and risk society // Journal of strategic studies. Florence, 1999. Vol. 22. № 2/3. P. 107–124.

¹ O'Tuathail G., Agnew J. 1992: Geopolitics and discourse: practical geopolitical reasoning in

учетом глобализации и информатизации предлагает вместо противопоставляющего «бинарного» (... или ...) «объединяющий» подход (... и ...).

По мнению О'Тоала, формальные географические рассуждения стоит отличать от практических рассуждений, которые используются ответственными лицами в международной политической практике, а также популяризируются СМИ.

Значение практических геополитических рассуждений может быть проиллюстрировано на примере термина «балканизм», обусловившего двойственность международной политики США в отношении распада Югославии. Беспощадность, имевшую место на Балканах, можно объяснить несколькими историко-географическими причинами. Подробно этот случай рассмотрен в работе Марии Тодоровой³. Случайное «перемещение» названия полуострова на название региона и жестокие войны в регионе способствовали укреплению на Западе стереотипа о Балканах как о неблагоприятном и опасном регионе. Балканы вообще стали символом жестокости и нестабильности. Их географическое положение «границы Европы» укрепляло стереотип о том, что Балканы не входят в состав Европы, являясь неким пограничным регионом между Европой и неевропейскими государствами. После Второй мировой войны с приходом коммунизма появилась возможность развеять сложившийся стереотип. Понятие Юго-Восточной Европы для обозначения данного региона появилось в конце XIX в., однако оно не прижилось,

поскольку его использование предполагало, что данная территория признается частью Европы, а дурная репутация Балкан и этнические конфликты мешали такому признанию. Как утверждает Тодорова, именно образ «чужой», «другой» земли воспрепятствовал Европе решительно вмешаться для прекращения конфликта летом 1995 г. и помешал НАТО ввести войска: это означало бы признание Балкан критически важным регионом Европы, требующим стабилизации. То же обстоятельство побуждало США видеть в регионе потенциальную угрозу. Критическая геополитика, по мнению автора, может способствовать изменению подобных стереотипов.

К концу 90-х годов критическая геополитика превратилась в междисциплинарную программу исследований, в рамках которой можно выделить четыре основных направления⁴: *практическая геополитика* (изучение географических и политических представлений/рассуждений в их практической реализации — политических практиках), *формальная геополитика* (изучение географического и исторического контекстов, в которых появились и развивались конкретные политические, географические и стратегические идеи), *популярная геополитика* (изучение воздействия геополитического образа на массовую культуру и формирование в обществе геополитических стереотипов), *структурная геополитика* (изучение влияния глобализации, информатизации и экономических преобразований на государственное управление).

³ Todorova M. Imagining the Balkans. N.Y. : OUP, 1997.

⁴ Dodds K. Political geography III: Critical geopolitics after 10 years // Progress in human geography. London, 2001. Vol. 25. № 3. P. 469–484.

Таблица 1. Основные направления критической геополитики

Тип геополитики	Объект исследования	Проблематика
Формальная геополитика	Геополитическая мысль и традиция	Персоналии ученых, институты и их политический и культурный контекст
Практическая геополитика	Практика управления государством	Практические размышления в сфере геополитике при осуществлении международной политики
Популярная геополитика	Массовая культура, СМИ и географические представления	Национальная принадлежность и создание образов других людей и мест
Структурная геополитика	Современное состояние геополитики	Глобальные процессы, тенденции и противоречия

Можно утверждать, что критическая геополитика отошла от традиционного понимания концептов «политический» и «географический», выйдя за рамки исследовательских задач, принимающих во внимание лишь физические границы, институт государственной власти и внешние условия; в сферу ее интересов вошли социальные науки, вопросы глобализации, идентификации и суверенитета.

Однако, помимо неоспоримых достоинств, критическая геополитика, по мнению Клауса Доддса, обладает существенными недостатками.

Во-первых, недостаточное внимание уделяется неевропейским геополитическим представлениям и формам правления (так, например, развитие геополитической мысли в России оказалось гораздо шире, чем его представляли на Западе).

Во-вторых, было выявлено, что в англоязычной критической геополитике практически не затрагивалась постколониальная проблематика: опыт постколониальных территорий и их развития критическая мысль не учитывала вообще. Подтверждением тому служит политика пищевой безопасности Китая, которая, по сути, поставила под сомнение

аналогичную западную политику, что является ярким примером влияния культурного контекста на формирование геополитических представлений.

В-третьих, несмотря на уверения в обратном со стороны приверженцев критической геополитики, государство не отступает перед лицом глобализации, а реагирует самым жестким образом — что подтверждается беспрецедентной жестокостью, продемонстрированной в Югославии и Руанде. И на фоне действий государства как института, призванного защитить права человека, который в то же время спонсирует массовые убийства, гуманитарная интервенция в большинстве случаев остается проблематичной.

В-четвертых, критическая геополитика напрасно не включает в сферу своих интересов военную и стратегическую области. В качестве иллюстрации данного тезиса автор приводит бомбардировку Китайского посольства в Белграде войсками США, которая согласно официальным заявлениям Вашингтона была трагической ошибкой, поскольку при наведении использовались устаревшие карты города. И это при том, что ежегодно в США немалые средства тратятся на разработку и развитие систем спут-

никового слежения. И если критическая геополитика и выделяет проблему милитаризма и готова предложить альтернативу этой идеологии, она должна обратить внимание на геополитические рассуждения конкретных государств, в данном случае США.

Кроме того, в рамках критической геополитики проводится недостаточно этнографических исследований, в том числе и посвященных тому, как геополитические концепты проникают или формируются в сознании обывателей. Например, как складываются так называемые воображаемые сообщества, т.е. как происходит идентификация определенного национального опыта и, как следствие, причисление себя к сообществу, члены которого обладают этим признаком (например, по способу сушки посуды: датчане вытирают ее полотенцем, а шведы предпочитают естественное высыхание). Таким образом, по словам Линде-Лорсен, история «территориализируется», а территория — «историзуется»⁵. Помимо прочего, критическая геополитика должна отражать отношения между географическими представлениями официальных лиц (практиков государственного управления), представителей науки и интеллигенции и массовыми рассуждениями, а также результат их взаимодействия с массовой культурой.

По мнению Клауса Доддса, недостаточное внимание критическая геополитика уделяет пока и гендерному вопросу. Интересным могло бы быть изучение секретариата политических учреждений

(по большей части состоящего из представительниц женского пола) не только на формирование политической программы государства как таковой, но и на формирование баланса сил внутри структур, а также на развитие политических интриг.

Англоязычная геополитика, очевидно, проявляет особую озабоченность вопросами этики и морали, в особенности такими, как права человека, этнические чистки и геноцид. В 1995 г. в боснийском городе Сребреница разворачивались кровавые события: сербские солдаты напали на мусульман, более 8000 человек было убито. Однако за жесткой критикой провальной политики безопасности ООН в Боснии, высказанной приверженцами критической геополитики, не последовало конкретных решений миротворческих вопросов или альтернативных стратегий по предотвращению массовых зачисток и резни. Доддс предлагает уделить большее внимание конкретным персоналиям миротворческих сил — официальным лицам, которые принимают решения о необходимости вторжения, обстрела или доставки гуманитарного груза непосредственно на местах. Степень общей вовлеченности критической геополитики в военную сферу должна существенно возрасти, равно как и тщательность исследований, посвященных влиянию географических представлений на организацию шпионажа, выбор цели, операции на местности и гуманитарную интервенцию.

Недавнее распространение демократии и возникновение демократических государств в Латинской Америке, Восточной Европе и Азии вызвали новый этап размышлений на тему демократии и космополитизма внутри критиче-

⁵ Linde-Laursen A. Small differences — large issues: The making and remaking of a national border // *South Atlantic quarterly*. Duke, 1995. Vol. 94. P. 1123.

ской геополитики. Доддс с сожалением констатирует существование опасности превращения демократии в оружие в руках мощных государств (что уже прослеживается на примере Великобритании и ее бывших колоний и США). Однако остается вопрос, как нам удастся организовать политическую жизнь таким образом, чтобы не прибегать к территориальному концепту сообщества (и демократии), который будет недостаточно универсален для применения в вопросах миграции, диаспоры и гибридных культур.

Еще одна область, которая вызывает интерес, — это осознание опасности, вызванной сначала успехом научно-технического прогресса, а затем его неизменным и избыточным присутствием в нашей жизни. Ульрих Бек полагает, что угроза окружающей среде представляет собой первостепенную проблему для общества риска⁶. И одним из самых актуальных станет вопрос, каким образом общество риска сможет препятствовать угрозам и защитить уязвимые места. Смогут ли структуры власти, ассоциируемые с глобальным капитализмом, признать собственную несостоятельность перед лицом конкретных кризисов или будут и далее увеличивать риски? Следует принимать во внимание и урон окружающей среде, причиняемый поддерживающим современные капиталистические структуры потреблением.

Новым этапом в развитии критической геополитики стала работа Фила Кейли «Критика критической геополитики»⁷. Работа посвящена сравнительному ана-

лизу традиционной и критической геополитики, проводимому по разным критериям. Будучи приверженцем традиционной геополитики, автор отмечает состоятельность обоих подходов и утверждает, что именно комплексное их рассмотрение дает возможность полнее представить геополитику в контексте как географии, так и исследований международных отношений.

Для проведения сравнительного анализа необходим новый уровень оценки, который бы позволил объективно сопоставить две тенденции в рамках геополитики, не примыкая ни к одному из существующих лагерей. Такой уровень Кейли называет *критикой критической геополитики*. Традиционному подходу он противопоставляет одно из двух течений, существующих внутри критического подхода, — *деконструктивистское* (оно предполагает исследование текстов и дискурса в контексте международной политики и традиционных геополитических утверждений и теорий), представленное ключевыми работами О'Тоала⁸. Сравнение проводится по девяти критериям:

Уровни анализа — иерархическая система причин и процессов в контексте международных отношений (от индивидуального уровня до национального и международного). Обычно внимание уделяется лишь одному из них. Критическая геополитика сосредоточивается на социальном уровне или уровне принятия решений. В классической внимание уделяется объективным причинам и процессам, возникающим из глобальных

⁶ Beck U. Risk society. L. : Sage, 1992.

⁷ Phil K. A critique of critical geopolitics // Geopolitics. St. Louis, 2006. Vol. 11. № 1 (spring). P. 24–53.

⁸ The geopolitics reader / O'Tuathail G., Dalby S., Routledge P. ; ed. by O'Tuathail G. — L.; N.Y. : Routledge, 1998 ; Understanding critical geopolitics: Geopolitics and risk society / O'Tuathail G., Dalby S., Routledge P.

или региональных структур, исследуется международный уровень.

Конфликт модернистов и постмодернистов — постмодернисты отрицают существование объективной истины, поддерживая идею субъективного мира и тем самым эпистемологически и онтологически отдаляются от классического подхода. Постмодернисты также отвергают структуралистские и позитивистские подходы, поскольку, по их мнению, в основе всех процессов лежат знание и власть. Постмодернистские взгляды не чужды критической геополитике. По мнению О'Тоала, на создание нового политического окружения повлияли многие процессы, в том числе глобализация корпораций и рынков, слияние информационных и коммуникативных технологий, детерриториализация национальных правительств и исчезновение государства в прежнем его понимании — процесс глокализации (слияние понятий *global* и *local*)⁹. Классической геополитике присущ «позитивизм», она исходит из предположения, что методология естественных наук применима к наукам социальным и позволяет получать некие объективные результаты; что все люди, включая государственных лидеров, при выборе поведения действуют из соображений «ожидаемой пользы» или вознаграждения.

Минусом критического подхода является необходимость постоянно перестраивать и «подгонять» концепты под изменяющийся объект исследования, что приводит к отсутствию точности, характерной для классических теорий.

⁹ O'Tuathail G. The postmodern geopolitical condition: States, statecraft and security at the millennium // *Annals of the association of american geographers*. N. Y., 2000. Vol. 90. № 1. P. 166–178.

Однако последние основаны на ложной послышке о неизменности социального и политического устройства. Автор убежден в необходимости учитывать оба подхода для продуктивного решения геополитических задач.

Цель «проблематизации» классической геополитики. Критический подход не принимает классическую теорию «как есть» и настаивает на открытости политической географии для методологических и концептуальных инноваций. Он предполагает поиск альтернатив нынешнему состоянию мира — в том числе решения проблем общества риска и проблем загрязнения окружающей среды. Классический подход не рассматривает геополитику как орудие управления государством: по словам О'Тоала, он крайне абстрактен и рассматривает геополитические процессы с высоты Олимпа¹⁰. Способность к наблюдению несомненно является сильной стороной классического подхода, однако он не уделяет должного внимания анализу социального значения наблюдаемых процессов.

Онтологическая перспектива. В понимании модернистов, объективная реальность наблюдаема извне. Для постмодернистов она не существует нигде. По мнению критического геополитика Лесли Хеппла¹¹, «геополитические тексты не являются объективными, они основаны на власти/знании и служат интересам определенных групп, помогая узаконить намеченные перспективы и

¹⁰ Introduction: Rethinking geopolitics: Towards a critical geopolitics // *Rethinking geopolitics* / G. O'Tuathail, S. Dalby. L.; N.Y. : Routledge, 1998. P. 6.

¹¹ Metaphor, Geopolitical Discourse and the Military in South America // *Writing Worlds: Discourse, Text and Metaphor in the Representations of Language* / L. Hepple, Barnes T., Duncan S. L; N. Y. : Routledge. 1992. P. 139.

интерпретации». Поскольку объективной реальности как бы не существует, традиционные теории, основанные на подвергшихся субъективизации фактах и обобщениях, не имеют смысла. В классической геополитике «внешний» мир существует, и политика государств определяется географическим положением в не меньшей степени, чем другими объективными и субъективными непространственными факторами.

Эпистемологическая перспектива.

Позиции двух направлений относительно возможности объективного научного объяснения политики также существенно различаются. Для критической геополитики наблюдения отдельных лиц, включая государственных деятелей, не могут быть объективными, поскольку объект наблюдений и наблюдающий неразделимы. По мнению О'Тоала, «западная геополитика до сих пор описывает воображаемый мир с имперской позиции»¹². В классической геополитике отношения между географическим положением и международной политикой могут быть установлены с помощью научных теорий, основанных на наблюдениях, интуиции и статистических исследованиях. Объект наблюдения и наблюдающий разделимы. Классический подход не нацелен на эмансипацию, он является инструментом в руках государственного деятеля, принимая в расчет в первую очередь географическое положение, а не социальные, политические и другие расчеты властной верхушки.

¹² O'Tuathail G. A strategic sign: The geopolitical significance of Bosnia in US foreign policy // *Environment and planning D: Society and space*. London, 1997. Vol. 7. P. 42; См. также: O'Tuathail G. "Cartesian perspectivalism" description of the classical in this regard: Critical geopolitics: The politics of writing global space. Minneapolis: Univ. of Minnesota press, 1996. P. 23–24.

Господство власти. Для критической геополитики география есть наука о власти, и изучение геополитики означает наделение пространственными характеристиками господствующих геополитических сил и государств. В классической геополитике сила государства и его развитие зависят от географических факторов, таких как континентальное либо морское положение, расположение в центре или на периферии, запасы полезных ископаемых на территории страны. Сила господствующих государств обусловлена более выгодным положением и географическими преимуществами. Функция геополитики здесь консультативная — советовать представителям власти, как грамотно использовать преимущества географического положения.

Предмет исследования. Как можно описать суть геополитики, что является наиболее значимым для ее применения? Приверженцы критического подхода утверждают, что геополитика представляет собой дискурс, касающийся отношений между властью/знанием и социальными/политическими отношениями. Они настаивают на интерпретативном понимании мировой политики, следовательно, их основная задача сводится к толкованию явлений внутри контекста теорий мировой политики, а не к усвоению некорректно сформулированных допущений и представлений традиционного подхода. Классическая геополитика изучает историю и географию, особенно их связи с дипломатией и стратегией для создания теории влияния географических факторов на создание международной политики, которая является полезным теоретическим и практическим средством для понимания определенных сфер международных отноше-

ний и для выработки международных политических мер.

Вневременной аспект геополитики (насколько динамично понятие геополитики, базируется ли оно на «вневременных» ценностях — пространстве и географическом положении или на «хронополитике» — высоких скоростях и киберпространстве). Критическая геополитика считает традиционную политику устаревшей. Мир поделился на «дикие» и «робкие» государства и сталкивается с угрозами, исходящими от «общества риска» — отрицательными последствиями индустриализации, глобализацией финансов, обособлением более бедных регионов и информатизации (возрастающих скорости передачи и количества информации). Большинство консервативных приверженцев классического подхода отстаивают постоянство географических факторов, оказывающих влияние на международную политику, и апеллируют к географическому положению как существенно важному ориентиру для любого политического деятеля.

Необходимость свободы. Критическая геополитика считает, что традиционная политика евроцентрична и придерживается определенных бинарных и иерархических характеристик, например дихотомии «мы — они», которая приводит к возникновению государств-изгоев, экологическим угрозам, стабильности в центрах и обратной ситуации на периферии. Однако Кейли замечает, что критический подход не предоставляет ни ясной картины возможных улучшений, ни путей решения все более усложняющейся ситуации¹³. В классической геополитике проблема борьбы за свободу, как и

проблема господства власти, остаются за пределами интересов традиционалистов, которые воспринимают уже существующие явления как факт, вне зависимости от их природы (демократической или недемократической). Классический подход не ставит своей целью переустройство международной системы.

По мнению Кейли, у обоих подходов есть свои достоинства и недостатки. Он соглашается, что основными минусами традиционного направления является отсутствие четко сформулированных целей и четко обозначенной сферы интересов, опора на рациональность, игнорирование актуальных процессов, проблем и технологий. В то же время он считает, что обвинения классического подхода в склонности к чрезмерным упрощениям беспочвенны, ибо упрощение — один из необходимых приемов обработки информации. Кейли полагает, что приверженцы критической геополитики незаслуженно недооценивают достижения традиционного подхода, что способствует углублению конфликта двух направлений (хотя для развития науки необходимо как раз обратное). В то же время сама критическая геополитика чересчур сосредоточена на дискурсе, уделяя недостаточно внимания процессу принятия решений.

С развитием критического направления появился миф о том, что география как наука является империалистическим явлением, которое не может идти в ногу с развивающимся миром, новыми технологиями и своевременно реагировать на возникающие процессы дегитерриториализации и глокализации государств. Как резонно замечает Кейли, сторонники традиционной геополитики, в свою очередь, могли бы упрекнуть сво-

¹³ Kelly P. A Critique of Critical Geopolitics // Geopolitics. 2006. № 1. P. 24–53.

их оппонентов в том, что они — на стороне радикалов.

Подводя итоги, Кейли говорит о неизменной пользе критического подхода, выполняющего информативную функцию по отношению к традиционному, утверждая, что оба подхода могут прекрасно дополнять друг друга. Он не теряет надежды, что в перспективе два противоборствующих направления смогут прийти к консенсусу, тем самым сделав огромный вклад в развитие геополитики. Если эти надежды оправдаются, можно будет говорить о переходе западной геополитики к

новой фазе своего развития — посткритической, в которой традиционный предмет геополитики (география международных отношений) уже рассматривается с учетом критики детерминистских представлений, получившей развитие в критической геополитике. Важным методологическим новшеством посткритической геополитики становится отказ от построения универсальных концепций геополитического обустройства мира и переход к глубинному анализу пространственных факторов, определяющих развитие политических процессов.

Критическая геополитика и посткритический сдвиг в исследовательской парадигме геополитики

Окунев Игорь Юрьевич, МГИМО (У) МИД России,
факультет политологии, кафедра сравнительной политологии,
старший преподаватель
E-mail: okunev_igor@yahoo.com

Аннотация. В статье представлен обзор новой области геополитики, получившей развитие на Западе в последние два десятилетия, — критической геополитики. Анализируются методологические и тематические инновации этого направления, его противостояние классической геополитике, а также перспективы объединения оппонентов в рамках посткритического сдвига в исследовательской парадигме.

Ключевые слова: геополитика, критическая геополитика, пространственное мифогеографическое воображение.

Critical Geopolitics and Post-Critical Shift in Geopolitical Research Paradigm

Okunev Igor Yurievich, Moscow State Institute of International Relations
(MGIMO University), School of Political Affairs,
Department of Comparative Politics, Assistant Professor
E-mail: okunev_igor@yahoo.com

Abstract. The article presents a review of the new geopolitics approach that developed in the West in the last two decades — the critical geopolitics. The article analyzes its methodological and thematic innovations, the contradictions between classical and critical geopolitics, and regards possible future cooperation of the opposing approaches as post-critical shift in geopolitics research paradigm.

Key words: geopolitics, critical geopolitics, spatial myth, geographical imagination.

КОНЦЕПЦИИ КРИТИЧЕСКОЙ ГЕОПОЛИТИКИ ДЖ. О'ТОАЛА: НА ПУТИ К ОСМЫСЛЕНИЮ ГЕОПОЛИТИКИ XXI ВЕКА

Ляховенко О.И.

Фигура Джерарда О'Тоала весьма примечательна и серьезно выделяется в ряду исследователей геополитики. Интерес представляет основательный и весьма разносторонний вклад родившегося близ границы двух Ирландий ученого в теорию геополитики и анализ конкретных геополитических кейсов. Между тем в России его работы и взгляды на геополитику, хотя и не являются совершенно неизвестными для научного сообщества, до сих пор получали значительно меньше внимания, чем, возможно, заслуживают того. Как следствие одной из целей настоящей статьи представляется реактуализация творчества Дж. О'Тоала, что, в свою очередь, может способствовать выявлению точек продуктивного соприкосновения между его концептуальным видением и теми вопросами, которые ставит перед собой отечественная геополитическая традиция.

Основные вехи образования и научной карьеры О'Тоала связаны с североамериканской академической средой. Если бакалавриат он заканчивал в 1982 г. в Колледже Святого Патрика, Ирландия (1982 г.), то получение степени PhD в 1989 г. происходит уже в США. В научном бэкграунде О'Тоала порядка полудюжины университетов Соединенных Штатов, из которых в числе наиболее примечательных следует назвать Университет Миннесоты, а также Виргинский технологический, научной работой в котором он занимается сейчас. Сре-

ди его учителей, а позднее и коллег присутствуют такие выдающиеся политические географы и теоретики геополитики, как Джон Эгню¹ и Тимоти Люк² — в значительной степени от их теоретических и концептуальных разработок стартуют самостоятельные изыскания О'Тоала.

Его собственный активный период научного творчества начинается в 1990-х годов. Именно с этого времени оформляются основные исследовательские направления О'Тоала. В самом общем виде их можно представить как историю геополитики (history of geopolitics), изучение современной традиции геополитики (contemporary geopolitical tradition), критическую теорию геополитики (critical geopolitics theory) и исследование конкретных геополитических кейсов (contemporary geopolitical affairs)³. Изящным интеллектуальным парадоксом, впрочем, вполне ожидаемым от исследователя постсовременных феноменов трансформации геополитической реальности, представляется тот факт, что обозначенные направления имеют не только тематическое, но и собственное темпоральное измерение. Интерес ко всем четырем направлениям изучения геополитики О'Тоал начал проявлять уже в первой половине 1990-х го-

¹ URL: http://www.geog.ucla.edu/people?lid=856&display_one=1&modify=1

² URL: <http://www.cddc.vt.edu/tim/cv.pdf>; <http://www.cddc.vt.edu/tim/papers.html>

³ URL: <http://toal.org/critgeo/>

дов⁴ и сохранял впоследствии. Однако если в фокусе внимания «раннего» О'Тоала находились такие вопросы, как история геополитических представлений и практик, современные геополитические вызовы и пока еще туманное и очень неопределенное, но уже отчетливо приближающееся будущее, то «поздний» О'Тоал отдает очевидный приоритет тому, что можно назвать изучением непосредственных геополитических практик и «полевых кейсов»⁵.

Безусловной чертой исследований О'Тоала на всех этапах его научного творчества является критический подход, проявляющийся как особая интенция, направленная на деконструкцию существующих представлений о геополитике — которые в конечном итоге оказываются либо глубоко увязанными с реальными пространственными и геополитическими практиками и потому служат их оправданию и легитимации, либо красивыми, эстетически совершен-

ными, но оторванными от реальности интеллектуальными построениями, ради элегантности схемы игнорирующими одни факты и искажающими другие. В этом ключе выдержаны работы, посвященные истории геополитики: концепцию «Хартленда» Х. МакКиндера⁶ О'Тоал рассматривает как интеллектуальную реакцию аристократической британской военной и политической элиты на принципиально новые вызовы начала XX в., связанные с индустриализацией и модернизацией⁷, а вклад Р. Штраус-Хупа в изучение американской геополитики — через призму его влияния на внешнеполитический курс США в 1940–1980-е годы⁸. Аналогично в современных международных и геополитических процессах О'Тоал вслед за Дж. Эгню и С. Корбриджем⁹ склонен разделять политические практики (как носящие очевидно гегемонистский характер) и выступающий апологетическим по отношению к ним дискурс¹⁰, а также показывать те исторические, социальные и геополитические условия, в которых конкуренция держав и сверхдержав давала жизнь совершенно конкретным оправдывающим ее идеологи-

⁴ Tuathail G.Ó. The Language and Nature of the “New” Geopolitics: The Case of US — El Salvador Relations // *Political Geography Quarterly* 5, 1986. P. 73–85 ; Tuathail G.Ó. At the End of Geopolitics? Reflections on a Pluralizing Problematic at the Century's End // *Alternatives: Social Transformation and Humane Governance* 22, 1, 1997. P. 35–55 ; Tuathail G.Ó. Problematizing Geopolitics: Survey, Statecraft and Strategy // *Transactions of the Institute of British Geographers* 19, 1994. P. 259–272 ; Tuathail G.Ó., Luke T. Present at (Dis)Integration: Deterritorialization and Reterritorialization in the New Wor(l)d Order / Co-authored with Dr. Timothy W. Luke // *Annals of the Association of American Geographers* 84, 1994. P. 381–398 ; Tuathail G.Ó. Foreign Policy and the Hyperreal: The Reagan Administration and the Scripting of “South Africa” // In *Written Worlds: Text, Metaphor and Rhetoric in the Representation of Landscape*. Routledge. 1992.

⁵ Tuathail G.Ó. Contradictions of a “Two-State Solution” // *Arab World Geographer* 8, 3, 2005. P. 168–171 ; Toal G., Dahlman C. *Bosnia Remade: Ethnic Cleansing and Its Reversal*. New York and Oxford : Oxford University Press, 2011.

⁶ Mackinder H.J. *The Geographical Pivot of History* // *Democratic Ideals and Reality*, Washington, DC : National Defence University Press, 1996. P. 175–194.

⁷ Tuathail G.Ó. Putting Mackinder in his Place: Material Transformations and Myth // *Political Geography*. 11, 1992. P. 100–118.

⁸ Crampton A., Tuathail G.Ó. Intellectuals, Institutions and Ideology: The Case of Robert Strausz-Hupé and American Geopolitics // *Political Geography* 15, 1996. P. 553–556.

⁹ Agnew J., Corbridge S. *Mastering Space: Hegemony, Territory and International Political Economy*. 1995.

¹⁰ Tuathail G.Ó. The Language and Nature of the “New” Geopolitics: The Case of US — El Salvador Relations // *Political Geography Quarterly* 5, 1986. P. 73–85.

ям, концепциям и парадигмам¹¹. Однако в отличие от авторов, которые могли бы поставить точку после развенчания и ниспровержения авторитетов, О’Тоал всячески стремится дистанцироваться от образа интеллектуального «разрушителя» и «ниспровергателя». Показывая связанность и в какой-то степени даже взаимную обусловленность пространственных практик и геополитического дискурса, он указывает на невозможность их разрыва, отделения друг от друга, а следовательно, и на необходимость для исследователя учитывать социальный контекст любой идеи, равно как и идейный и интеллектуальный контекст любого политического действия. Целью здесь является не упрощение нашего понимания (деконструкция ради деконструкции, по мысли О’Тоала, это тоже поверхностная и навязчивая схема, отрицающая ценности и смыслы и притом «дающая слишком мало взамен»¹²), а его расширение, достигаемое за счет признания относительности объяснительных схем и необходимости трансконструирования над ними.

Важным для О’Тоала является и направление критической геополитики, которое можно было бы назвать постсовременной, или постмодернистской геополитикой¹³. Она примечательна тем, что ставит в фокус внимания не только необходимость деконструкции существующих подходов и взглядов, что было бы очевидно бессмысленно без предложения того «нового», которое бы пришло на смену отброшенному «старому»,

но и актуальную потребность в концептуализации тех макросоциальных изменений, которые навязываются технико-технологическим прогрессом и развитием новых форм коммуникации и связи. Очень показательно, что одна из ключевых работ на эту тему — «Постмодернистская геополитика?» в сборнике «Rethinking geopolitics»¹⁴ — вышла в свет еще в 1998 г., когда развитие компьютеров, мобильных электронных устройств, социальных сетей, программного обеспечения и инфраструктуры сетевой коммуникации находилось в состоянии, которое с позиций 2013 г. может оцениваться как очевидно «неразвитое». Что, однако, не мешало О’Тоалу рассуждать о том, как телеметрическая визуализация начинает заменять собой картографическую, как телеметрическая и «мягкая» власть начинают доминировать над территориальной и «жесткой», как возрастает (и не просто возрастает, а начинает влиять на социальную и политическую жизнь) роль сетевого принципа организации и создаваемых им специфических конструкторов, как на смену территориальным угрозам с известным врагом и понятными маршрутами приходят угрозы внетерриториальные, а политика из «перспективистского театра» с четко определяемыми завязкой, развитием действия, кульминацией и финалом превращается в «крутящийся глобус CNN» — непрерывный процесс рождения новостей, повесток и все новых и новых ярких заголовков. Тогда очень многие из тех процессов и тенденций, о которых писал О’Тоал, казались похожими если не на научную фантастику, то

¹¹ Tuathail G.Ó. Postmodern Geopolitics? The Modern Geopolitical Imagination and Beyond // Rethinking Geopolitics. Routledge, 1998. P. 16–38.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Tuathail G.Ó. Postmodern Geopolitics? The Modern Geopolitical Imagination and Beyond // Rethinking Geopolitics. Routledge, 1998.

на футурологию. В 2008–2009 гг., когда статья О’Тоала была переведена и опубликована на русском языке¹⁵, описываемые им вещи за 10 лет до этого стали куда более осязаемыми. Тем, несомненно, более примечательным становится 2013 г., для которого — с бэкграундом в виде «арабской весны», политического протеста декабря 2011-го, Джулиана Ассанжа и Эдварда Сноудена — все эти «новые» тенденции становятся уже не прорывающимся в современность будущим, а частью воспринимаемой однозначным «настоящим» повседневности. Что, конечно, совсем не отменяет того факта, что списание со счетов реальной географии и реальной политики все еще является преждевременным: даже если география все больше располагает к тому, чтобы рассматриваться «как коннективность, а не как пространство»¹⁶, сам факт этого еще не упраздняет онтологию политической воли и тем более не ставит точку на политическом действии как смысловом и волевым акте. Вовлеченность в потоки информации и встроенность в коммуникационные узлы, несомненно, дает новые инструменты для политического влияния, но все еще не дает возможности абстрагирования от реальности мира вне сети.

Интерес представляет и такое направление исследований О’Тоала, как анализ практических кейсов и реальных ситуаций. Несмотря на высокую степень теоретизирования, предполагаемую самой спецификой его исследований, О’Тоал так и не стал чисто кабинетным ученым. Именно поэтому его внима-

ние в 1990-е годы привлекала ситуация в Боснии и Герцеговине (в конце концов, где исследовать природу пространства и его границ, как не там, где они возникают и исчезают?), а с 2000-х годов — еще и на Кавказе, в Чечне и Южной Осетии¹⁷. Оба региона он посещал не только как ученый, но и как консультант, и тем примечательнее, что именно в рамках его О’Тоал предпринял очень серьезные шаги, направленные на «сближение» высокой теории критической геополитики с политической реальностью и практикой.

Примечательно, что интерес к О’Тоалу в России проявился достаточно поздно, а в фокус пристального внимания отечественных исследователей вышел и вовсе буквально в последние годы. Хотя отдельные исследования, посвященные концепциям критической геополитики, появились уже в середине 2000-х годов, в результате чего были защищены даже несколько диссертаций¹⁸, важной вехой стал 2009 г. Именно в это время в российских журналах были опубликованы перевод «Postmodern geopolitics?»¹⁹ и целый ряд научных статей О’Тоала и

¹⁵ О’Тоал Дж. Геополитика постмодерна? Геополитические представления модерна и за их пределами // Политическая наука. 2009. № 1. С. 188–223.

¹⁶ Там же. С. 206.

¹⁷ Tuathail G.Ó. Localizing geopolitics: Disaggregating violence and return in conflict regions // Political Geography. 2010. № 29. P. 256–265; Toal G., Dahlman C. Bosnia Remade: Ethnic Cleansing and Its Reversal. New York and Oxford : Oxford University Press, 2011 ; Тоал Дж., Колосов В. Нестабильность на Северном Кавказе и современная российская геополитическая культура // Вестник общественного мнения. 2009. № 2 (100).

¹⁸ См., например: Шубина Ю.Г. Геополитическая культура как фактор современного политического развития российского общества : дис. ... канд. полит. наук. Ставрополь. 2006 ; Окунев И.Ю. Моделирование пространственных факторов развития микросоударств и территорий Океании : дис. ... канд. полит. наук. М., 2011.

¹⁹ О’Тоал Дж. Геополитика постмодерна? Геополитические представления модерна и за их пределами. С. 188–223.

об О'Тоале²⁰. В 2010-е годы внимание к творчеству О'Тоала не уменьшилось: были опубликованы новые статьи²¹, на русском языке вышли интервью с самим

О'Тоалом²². Однако число авторов, обращающихся в своих исследованиях к концепциям критической геополитики, пока что остается невелико, а потому творческое осмысление, переосмысление и, возможно, интеллектуальное преодоление работ О'Тоала будет оставаться важным направлением исследований и для отечественных геополитических школ.

²⁰ Тоал Дж., Колосов В. Нестабильность на Северном Кавказе и современная российская геополитическая культура // Вестник общественного мнения. 2009. № 2 (100) ; Окунев И.Ю. Географическое воображение как предмет исследования критической геополитики // Политическая наука. 2009. № 4. С. 126–137 ; Ляховенко О.И. Дж. О'Тоал: Критическая геополитика и ее критики // Политическая наука. 2009. № 1. С. 178–187.

²¹ Окунев И.Ю. Критическая геополитика и посткритический сдвиг в исследовательской

парадигме геополитики // Культурная и гуманитарная география. 2012. Т. 1. № 2. С. 152–158.

²² URL: <http://www.caucasustimes.com/article.asp?language=2&id=20292>

Литература

1. Ляховенко О.И. Дж. О'Тоал: Критическая геополитика и ее критики // Политическая наука. 2009. № 1. С. 178–187.
2. Тоал Дж., Колосов В. Нестабильность на Северном Кавказе и современная российская геополитическая культура // Вестник общественного мнения. 2009. № 2 (100).
3. Agnew J., Corbridge S. Mastering Space: Hegemony, Territory and International Political Economy. 1995.
4. Crampton A., Tuathail G. Intellectuals, Institutions and Ideology: The Case of Robert Strausz-Hupé and American Geopolitics // Political Geography 15, 1996. P. 553–556.
5. Mackinder H.J. The Geographical Pivot of History // Democratic Ideals and Reality, Washington, DC : National Defence University Press, 1996. P. 175–194.
6. Toal G., Dahlman C. Bosnia Remade: Ethnic Cleansing and Its Reversal. New York and Oxford : Oxford University Press, 2011.
7. Tuathail G. At the End of Geopolitics? Reflections on a Pluralizing Problematic at the Century's End // Alternatives: Social Transformation and Humane Governance 22, 1, 1997. P. 35–55.
8. Tuathail G. Contradictions of a "Two-State Solution" // Arab World Geographer 8, 3, 2005. P. 168–171.
9. Tuathail G. Foreign Policy and the Hyperreal: The Reagan Administration and the Scripting of "South Africa" // In Written Worlds: Text, Metaphor and Rhetoric in the Representation of Landscape. Routledge. 1992.
10. Tuathail G. Localizing geopolitics: Disaggregating violence and return in conflict regions // Political Geography. 2010. № 29. P. 256–265.
11. Tuathail G. Postmodern Geopolitics? The Modern Geopolitical Imagination and Beyond // Rethinking Geopolitics. Routledge, 1998. P. 16–38.
12. Tuathail G. Problematising Geopolitics: Survey, Statecraft and Strategy // Transactions of the Institute of British Geographers 19, 1994. P. 259–272.
13. Tuathail G. Putting Mackinder in his Place: Material Transformations and Myth // Political Geography. 11, 1992. P. 100–118.
14. Tuathail G. The Language and Nature of the "New" Geopolitics: The Case of US — El Salvador Relations // Political Geography Quarterly 5, 1986. P. 73–85.
15. Tuathail G., Luke T. Present at (Dis)Integration: Deterritorialization and Reterritorialization in the New World Order / Co-authored with Dr. Timothy W. Luke // Annals of the Association of American Geographers 84, 1994. P. 381–398.

Концепции критической геополитики Дж. О'Тоала: на пути к осмыслению геополитики XXI века

Ляховенко Олег Игоревич, МГУ имени М.В. Ломоносова,
факультет политологии, аспирант
E-mail: evilisinside@mail.ru

***Аннотация.** Фигура Джерарда О'Тоала весьма примечательна и серьезно выделяется в ряду исследователей геополитики. Интерес представляет основательный и весьма разносторонний вклад ученого в теорию геополитики и анализ конкретных геополитических кейсов. Между тем в России его работы и взгляды на геополитику, хотя и не являются совершенно неизвестными для научного сообщества, до сих пор получали значительно меньше внимания, чем, возможно, заслуживают того. Как следствие одной из целей настоящей статьи представляется ре-актуализация творчества Дж. О'Тоала, что, в свою очередь, может способствовать выявлению точек продуктивного соприкосновения между его концептуальным видением и теми вопросами, которые ставит перед собой отечественная геополитическая традиция.*

***Ключевые слова:** Дж. О'Тол, критическая геополитика, постмодернизм.*

G.Ó. Tuathail's Conceptions of Critical Geopolitics: Rethinking the XXI Century Geopolitics

Lyakhovenko Oleg Igorevich, Lomonosov Moscow State University,
School of Political Science, PhD Student
E-mail: evilisinside@mail.ru

***Abstract.** G.Ó. Tuathail's figure is quite notable and prominent among researchers in geopolitics. His fundamental and multi-faceted contribution to the theory of geopolitics and analysis of concrete geopolitical cases are interesting. However, although his works and views on geopolitics are not absolutely unknown in Russia's academic community, they have probably received much less attention than they deserve. This article's aim is to re-actualize G.Ó. Tuathail's works, which could facilitate the identifying points of coincidence between his conceptual vision and the issues raised by Russian geopolitical tradition.*

***Key words:** G.Ó. Tuathail, critical geopolitics, postmodernism.*

ГЕОПОЛИТИКА И ПОСТСТРУКТУРАЛИЗМ: ВОЗМОЖНОСТИ ИНТЕГРАЦИИ

Кучинов М.А.

Совсем недавно о «пост-гидденсианстве» в Великобритании писали¹ как об одном из наиболее современных направлений развития современной социологической теории. К сожалению, в России широкая распространенность современных британских постструктуралистских теорий весьма ограничена, разве что одним Э. Гидденсом. Сегодня геополитика ушла от устаревших социологических теорий вроде натуралистического редукционизма, но тенденция к применению социологических теорий в геополитике есть². Помимо многих рассмотренных нами в предыдущих публикациях направлений можно указать на функционализм Р. Коллинза³ и исследовать постструктурализм. Нам интересно, как можно применять современный британский постструктурализм для исследования геополитической проблематики.

Постструктурализмом называется направление в современной теоретической мысли, образовавшееся после первого структурализма в конце XX в. Современные британские теории часто исследуют общество по методологии structure-agency. Мир рассматривается как структура (правила и ресурсы),

которая изменяется деятельностью людей. Основы такого подхода заложены у Э. Гидденса⁴, однако есть и другие теории. Э. Гидденса критикуют многие современные ученые, такие как М.С. Арчер, Э. Кинг, Н. Мозелис и др.

Р.Р. Бхаскар — один из авторов реалистской теории науки и современного реалистского подхода⁵. Реализм в противоположность номинализму постулирует о том, что тот или иной объект реализма (в современной британской теории — структура) реально «существует», а не аналитически «называется». Реализм позволяет рассматривать любые общественные, в том числе геополитические, структуры, как уже существующие, **их нельзя создавать, можно только трансформировать**. Теории Р.Р. Бхаскара более оказываются философским основанием для исследований, однако понять многие другие более прагматически необходимые для геополитики теории без него невозможно.

Д. Локвуд считается основателем подхода, в котором разделяется системная и социальная интеграции⁶. Следу-

¹ Актуальные проблемы теории социологии // Социс (Социологические исследования). М. : ИС РАН, 2005. № 9. С. 3–9.

² См.: Кучинов А.М., Окунев И.Ю. Перспективы обновления и интеграции методов в современной геополитике // МЕТОД: Московский Ежегодник трудов общественных дисциплин. М. : ИНИОН РАН, 2013. № 4. (в печати).

³ См.: Розов Н.С. Теории исторической динамики Рэндалла Коллинза и контекст российской политики // Полис (Политические исследования). М. : ИС РАН, 2012. № 6. С. 126–141.

⁴ Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. 2-е изд. / пер. Тюрина И.М. : Акад. проект, 2005. 528 с.

⁵ Бхаскар Р. Общества / пер. с англ. А.Д. Ковалева // Социо-логос / пер. с англ., нем., франц. ; сост., общ. ред. и предисл. В.В. Винокурова, А.Ф. Филиппова. М. : Прогресс, 1991. С. 219–290 ; Bhaskar R. The possibility of naturalism: A philosophical critique of contemporary human sciences: Third edition. London ; New York : Routledge, 1998. XIII+215 pp. ; Bhaskar R. A realist theory of science. London ; New York : Routledge, 2008. XXXII+277 pp.

⁶ Lockwood D. Social Integration and System Integration // Social Change: Explorations, Diagnoses, and Conjectures / ed. by G.K.

ет разграничивать отношения между людьми и социальными образованиями. В геополитике, например, между геополитическим воображением жителей государства и официальными дискурсами, идеологиями. Новые результаты можно будет получить из исследования их взаимодействия.

М.С. Арчер — создатель теории морфогенеза⁷, где объединены подход structure-agency Э. Гидденса, реализм Р.Р. Бхаскара, системная и социальная интеграция Д. Локвуда и многие другие учения. Эта теория является интегрирующим микро- и макроуровень, качественные и количественные методы учением о том, как происходят социальные изменения. В теории есть то, что мы назвали бы «человеческим измерением политики». Именно эта теория, по нашему мнению, более подходит для геополитических исследований.

По теории морфогенеза можно исследовать происходящие изменения в геополитических воображениях, трансформацию любых институтов, в том числе влияющих на простран-

ственное устройство политики. Теория исследует институциональные изменения посредством исследования взаимодействия системных и несистемных элементов, в ходе любого взаимодействия возникают качественно новые, несводимые к сумме исходных составляющих «эмерджентные» свойства структуры.

Зарубежная гуманитарная география (human geography) применяет теории structure-agency в своих исследованиях с 1980-х годов⁸. В современной зарубежной науке постструктурализм не ограничен философскими постановками вопросов о деятелях и структуре, теория структуризации — вполне эмпирическая, по ней идут прикладные исследования, в которых есть и исследования пространства. В основном исследования базируются на положении о дуальности структуры⁹.

В заключение необходимо сделать акцент на том, что связи постструктурализма не могут ограничиваться лишь применением описанной Э. Гидденсом в «Устроении общества» «временной географии» Т. Хагерстранда, которая является теорией, схожей с теорией структуризации, но с пространственным измерением. Мы показали возможности более широкой интеграции геополитики с постструктурализмом и надеемся на скорое применение разных подходов в российских эмпирических исследованиях.

Zollchan, W. Hirsch ; With an Introduction by Don Martindale. New York : John Wiley & Sons, 1976. P. 370–383.

⁷ Арчер М.С. Реализм и морфогенез / пер. с англ. О.А. Оберемко // Теория общества. Сборник / пер. с нем., англ. / вступ. статья, сост. и общ. ред. А.Ф. Филиппова. М. : КАНОН-пресс-Ц ; Кучково поле, 1999. С. 157–195 (или: Социологический журнал. М. : ИС РАН, 1994. № 4. С. 50–68) ; Archer M.S. Being human: the problem of agency / Margaret S. Archer. Cambridge : Cambridge University press, 2000. X+323 pp. ; Archer M.S. Culture and agency: the place of culture in social theory / Margaret S. Archer. Cambridge : Cambridge university press, 2004. XXIX+ 351 pp. ; Archer M.S. Realist social theory: the morphogenetic approach / Margaret S. Archer. Cambridge : Cambridge university press, 1995. VII+354 pp. ; Archer M.S. Structure, agency and the internal conversation / Margaret S. Archer. Cambridge : Cambridge University Press, 2003. X+370 pp.

⁸ См.: Chouinard V. Structure and agency: contested concepts in human geography // The Canadian Geographer / Le Geographe canadien. Hoboken, New Jersey : Willey, 1997. Vol. 41. Is. 4. P. 363–377.

⁹ См.: Phipps A.G. Empirical applications of structuration theory // Geografiska Annaler. Hoboken, New Jersey : Willey, 2001. Vol. 83. Is. 4. P. 189–204.

Геополитика и постструктурализм: возможности интеграции

Кучинов Артемий Михайлович, МГУ имени М.В. Ломоносова,
студент кафедры российской политики факультета политологии
E-mail: arkuchinov@yandex.ru

Аннотация. Совсем недавно о «пост-гидденсианстве» в Великобритании писали как об одном из наиболее современных направлений развития современной социологической теории. К сожалению, в России широкая распространенность современных британских пост-структуралистских теорий весьма ограничена. Сегодня геополитика ушла от устаревших социологических теорий вроде натуралистического редукционизма, но тенденция к применению социологических теорий в геополитике есть. Нам интересно, как можно применять современный британский постструктурализм для исследования геополитической проблематики.

Ключевые слова: геополитика, постструктурализм.

Geopolitics and Post-Structuralism: The Prospects for Integration

Kuchinov Artemiy Mikhailovich, Lomonosov Moscow State University,
School of Political Science, Student at the Department of Russian politics
E-mail: arkuchinov@yandex.ru

Abstract. Quite recently in Great Britain “post-giddensian” sociology has been mentioned as one of the latest development trends of contemporary sociological theory. Nevertheless, the spread of contemporary British post-structuralist theories is rather limited in Russia. Nowadays geopolitics has retreated from outdated sociological theories such as naturalistic reductionism, but the tendency to employ sociological theories in geopolitics exists. This article seeks to understand the possible ways of implementing contemporary British post-structuralism in geopolitical research.

Key words: geopolitics, post-structuralism.

ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ АСПЕКТ БИОПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ М. ФУКО

Орлеанский Н.Н.

В последние годы интерес к понятию биополитики возрос как в западных гуманитарных и социальных науках, так и в отечественных. Само понятие биополитики становится предметом оживленной дискуссии, поскольку не существует конвенционально установленного определения или подхода к данному явлению. Впервые понятие биополитики появилось, по мнению ряда исследователей¹, в работах Рудольфа Челлена². В семидесятые годы двадцатого столетия Мишель Фуко изменил представление о биополитике как об органицистском термине и утвердил свое видение данной концепции, которое вскоре стало доминирующим³. Мишель Фуко утверждал, что биополитика — «совокупность процессов, включающих в себя пропорцию рождений и смертей, уровень воспроизводства, рост населения»⁴. Именно Мишель Фуко заложил новое содержание в концепцию биополитики, которое позволило уйти от ограниченности социобиологизма. Концепция Фуко активно

перерабатывалась, критиковалась, уточнялась и дорабатывалась в рамках континентальной философской парадигмы.

В Соединенных Штатах Америки позиция Фуко заняла достойное место, когда в 2004 г. на ежегодном собрании Американской ассоциации политических наук в Чикаго политические теоретики, следовавшие постмодернистскому взгляду на политическую науку, утвердили, что «биополитика» будет пониматься в контексте фуколядиантской традиции⁵. Можно говорить о том, что фуколядианский взгляд на «биополитику» стал доминировать в западной политической науке.

Тем не менее «биополитика» является не только теоретически проблематизируемым понятием, но и актуально обсуждаемой в текущей политической повестке проблемой. Уже Мишель Фуко говорил о современных либеральных обществах как об обществах, функционирующих в рамках биополитических диспозитивов. Его критику существующих обществ поддерживали ведущие европейские интеллектуалы Антоннио Негри, Майкл Хардт и Джорджо Агамбен. В России данная проблематика приобрела актуальность в связи с «Законом Димы Яковлева». Данный закон вско-

¹ Thomas Lemke. *Biopolitics: An Advanced Introduction* / NYU Press. 2011. С. 158.

² Юхан Рудольф Челлен (швед. Johan Rudolf Kjellén; 1864–1922) — шведский социолог и политолог.

³ Dr. Laurette T. Liesen Lewis University, Romeoville, IL Dr. Mary Walsh Elmhurst College, Elmhurst, IL The Competing Meanings of “Biopolitics” in Political Science: Biological and Post-modern Approaches to Politics. To be presented at the American Political Science Association’s Annual Meeting, Seattle, WA, September 1, 2011.

⁴ Фуко М. Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 уч. г. СПб. : Наука, 2005. С. 257.

⁵ Цит. По: Dr. Laurette T. Liesen Lewis University, Romeoville, IL Dr. Mary Walsh Elmhurst College, Elmhurst, IL The Competing Meanings of “Biopolitics” in Political Science: Biological and Post-modern Approaches to Politics. To be presented at the American Political Science Association’s Annual Meeting, Seattle, WA, September 1, 2011.

лыхнул общественную дискуссию о рамках проникновения тех или иных структур в частное, приватное пространство⁶. Новые вызовы, которые стоят перед политической наукой, создаются проникновением государства и иных институциональных образований в сферу контроля над телом. Биометрический паспорт, надзор и контроль над телесностью, создаваемый в современных западных обществах, поставил ребром проблему «биополитики».

Но при этом наблюдается относительно малое количество работ, посвященных рассмотрению пространственного аспекта в рамках биополитической концепции Мишеля Фуко. Биополитические техники властвования заменили дисциплинарные и были, по мнению Мишеля Фуко, ориентированы на контроль над человеком как над биологическим видом.

Биополитика зарождается как дополнение к дисциплинарной власти на рубеже XVIII и XIX вв., как совокупность практик, используемых для контроля над рождаемостью и смертностью, контролем над людьми.

В противовес дисциплинарным практикам, воспринимающим совокупность индивидуализированных соматических единиц, биополитика воспринимает их как население — множество объединенных общими характеристиками людьми.

В рамках курса «Безопасность, территория, население» он вводит понятие «безопасности» как методики управле-

ния населением. Биополитические техники при этом исполняют функцию защиты их здоровья и тел.

Представители англосаксонской и немецкой социологии, такие как Энтони Гидденс и Ульрих Бек, предлагали рассмотреть общества позднего модерна как общества риска. Рискогенность стала доминирующей чертой современных политических процессов, а потому базовая ценность, которую могут предложить национальные, транснациональные и мировые институты, — это безопасность. Мишель Фуко солидаризируется с ними, говоря, что существующее сейчас общество — это общество, где безопасность является доминирующей характеристикой существующего общества. Общества, где доминируют техники безопасности, сочетают в себе дисциплину и биополитику. Для обозначения тех новых типов власти он вводит понятие «правительственность» (*Gouvernementalité*⁷) и определяет как «совокупность институтов, процедур, анализов и рефлексий, расчетов и тактик, посредством которых реализуется весьма специфическая и чрезвычайно сложная разновидность власти, имеющая в качестве главной цели население, определяющего познавательного обеспечения — политическую экономию, а ключевого инструмента — устройства безопасности»⁸. Биополитика в этих условиях выполняет функцию заботы о теле, она рассматривает, в противовес дисциплине, совокупность со-

⁶ Десятова Е. Все мы — жертвы биополитики / Росбалт, 25/05/2013 00:06. URL: <http://www.rosbalt.ru/generation/2013/05/25/1132858.html>; Ямпольский М. Биополитика в городе Глупове (О последних инициативах Думы). URL: <http://archives.colta.ru/docs/12083>

⁷ В русском переводе Фуко М. «Безопасность, территория, население» переведено как управление.

⁸ Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году. СПб.: Наука, М. 2011. С. 162.

матических единиц как объединение под общим знаменателем населения. Если дисциплина стремилась индивидуализировать человека, сконструировать ему жесткую матрицу идентичностей, то безопасность, посредством медицинского здравоохранения, биополитических техник, проявивших себя в рамках либеральных и неолиберальных техник, способствует самостоятельному обнаружению и развитию индивида.

Основным инструментом биополитики является медицина, которая утверждает 1) гигиенические практики, 2) метод контроля над рождаемостью и смертностью. 3) Следующей группой феноменов, оказавшейся в поле ведения биополитики, были феномены, связанные с недееспособностью.

В частности, впервые в XIX в. поднимается проблема старости. Также это могут быть увечья, травмы, переломы — все то, что ограничивает способность человека к полезной деятельности. 4) Наконец, последняя группа феноменов — это феномены, связанные с проблемой окружающей среды, «на протяжении всей первой половины XIX века стояли проблемы болот, эпидемий, связанных с существованием болот. А также возникала проблема среды, но не естественной среды, а искусственной, которая оказывала дурное влияние на население, среды, им самим созданной»⁹.

Для суверенной власти пространство оказывалось территорией, на которой расположены властные институты, «суверен, все равно: индивидуальный

он или коллективный, — это тот, кто удачно размещен в пределах некой территории, а территория, которая хороша в качестве объекта властного воздействия со стороны суверена, — это та, что не имеет изъянов в плане своей пространственной композиции»¹⁰. Дисциплинарная власть стремилась создать искусственное пространство, контролируемое, просматриваемое, созданное для надзора и дисциплины, «нужно было разделять пространство и одновременно оставлять его открытым, обеспечивать присмотр, который одновременно был бы и общим, и индивидуальным, полностью и тщательно обособлявшим наблюдаемых индивидов»¹¹. Идея пространства Фуко состоит в том, что локализации выступают следствием действия механизмов власти¹².

Биополитика уже не стремится создать идеальное, но недостижимое «архитектураризированное» пространство. Для реализации биополитических техник уже нет нужды строить на расчищенном месте. Отсутствует там необходимость и в использовании «функционально значимой символической формы»¹³. Вместо этого там есть нужда в нейтрализации природной

⁹ Фуко М. Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 уч. г. СПб. : Наука, 2005. С. 258.

¹⁰ Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 уч. г. СПб. : Наука ; М., 2011. С. 31.

¹¹ Фуко М. Око власти. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / пер. с франц. С.Ч. Офертаса ; под общ. ред. В.П. Визгина и Б.М. Скуратова. М. : Праксис, 2002. С. 221.

¹² Лукашина Ю.И. Социология пространства и практико-теоретические модели современного государства // XIII Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества 2013 //

¹³ Фуко М. Безопасность, территория, население. С. 35.

угрозы, такой как болезнетворные миазмы. Проблема гигиены, необходимой для защиты здоровья. Во-вторых, там есть нужда в экономическом планировании, поскольку ключевая проблема биополитических техник — это проблема производства «Номо еconomicus». Поскольку искусство управлять человеком «осуществляется через деятельность рынка и общества»¹⁴. Вначале пространство — выражение сакральной силы суверена, чем его больше, тем блистательнее сила короля. Потом наступает период рационализации, индивидов выводят из подчинения природных сил и помещают в нейтрализованный паноптикум. Под конец пространство — это место извлечения ресурсов и распространение экономической мощи. Пространство теряет свое символическое значение, уплощается и теряет свою самодостаточность. Для суверена значимы два фактора: количество подданных и протяженность границы. Дисциплинарному обществу требуется возможность надзора и скорость изоляции неконтролируемых областей, а вот биополитика стремится защитить население, чтобы оно приносило прибыли и было здорово. Пространство обретает свою, новую вспомогательную функцию, функцию экономического благоприствования, которая оказывается политическим фактором контроля и надзора.

Биополитика, порожаемая либеральными практиками, используется для осуществления «политической власти принципами рыночной

экономики»¹⁵. Само пространство также становится местом распространения подобных практик. Пространство из мест символического присутствия властных институтов, выраженных в величественных объектах, становится местом осуществления биополитической техники безопасности. Оно должно максимально благоприятствовать экономическому росту и максимально благоприятствовать здоровью тела индивида. Само тело также становится пространством осуществления биополитических техник, отныне оно механизм для создания прибыли.

Фуко описывает эту новую парадигму отношения к пространству, заложенную в конце XVIII — начале XIX в., на примере проекта города инженера Виньи. А «город должен был соответствовать макрокосму, который, в свою очередь, — ибо государство само воспринималось как сооружение — выступал неким гарантом городского устройства»¹⁶. Таким образом, можно говорить о том, что в биополитической концепции Мишеля Фуко пространство теряет свою прежнюю функцию — свидетельства мощи и силы — и обретает новую — благоприствование человеку. Пространство отныне не место расположения объектов, обладающих большим символическим капиталом, и не нейтрализованная территория дисциплинарного надзора. Пространство — это место расположения угроз и выгод.

¹⁴ Лаццарато М. Биополитика / Биоэкономика. URL: http://multitudes.samizdat.net/IMG/pdf/Revue_des_revues-LAZZARATO-trad-russe.pdf

¹⁵ Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году // СПб. : Наука, 2010. С. 171.

¹⁶ Безопасность, территория, население. С. 32.

Пространственный аспект биополитической концепции М. Фуко

Орлеанский Николай Николаевич, МГУ имени М.В. Ломоносова,
факультет политологии, студент
E-mail: orleanskiyn@gmail.com

Аннотация. «Биополитика» является не только теоретически проблематизируемым понятием, но и актуально обсуждаемой в текущей политической повестке проблемой. В биополитической концепции Мишеля Фуко пространство теряет свою прежнюю функцию — свидетельства мощи и силы — и обретает новую — благоприятствование человеку. Пространство из мест символического присутствия властных институтов, выраженных в величественных объектах, становится местом осуществления биополитической техники безопасности. Пространство — это место расположения угроз и выгод.

Ключевые слова: пространство, биополитика, Мишель Фуко.

Spatial Aspect of Michel Foucault's Biopolitical Conception

Orleanskiy Nikolay Nikolaevich, Lomonosov Moscow State University,
School of Political Science, Student
E-mail: orleanskiyn@gmail.com

Abstract. Nowadays biopolitics is high on the current political as well as academic agendas. According to Michel Foucault's biopolitical conception, space loses its previous function as an attribute of power and might and acquires the new one — an encouragement to a human. Space evolves from the location of symbolic authorities' presence, demonstrated by majestic objects, to the place implementing biopolitical safety technique. Space is a location of threats and benefits.

Key words: space, biopolitics, Michel Foucault.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВА ЕВРАЗИЙСКОГО НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВА

Ренард-Коктыш А.В.

Начнем с того, что методологические основания геополитики весьма спорны, если они вообще есть. Их не было с самого начала: как известно, ни отец геополитики немец Фридрих Ратцель, ни его последователи — швед Рудольф Челлен, американец Альфред Мэхен, британец Халфорд Маккиндер и, наконец, немец Карл Хаусхофер — никаких ее методологических обоснований не создавали. Ратцель ограничился механистичным переносом метафоры дарвинизма в пространство мировой политики, и его ученики не представили доказательств справедливости и обоснованности такого переноса, сконцентрировавшись на легитимации либо сложившегося на тот либо иной момент политического статус-кво, либо экспансионистских амбиций держав, к которым вышеперечисленные авторы принадлежали. То есть, как известно, наиболее серьезный упрек критической геополитике по отношению к родоначальникам этого направления политической мысли, как известно, состоит в том, что достаточного убедительного объяснительного или прогностического потенциала не было сгенерировано.

Тот момент, что геополитика оказалась инструментом сферы пропаганды куда быстрее и эффективнее, чем инструментом научным, вполне возможно, объясняется спецификой *рефлексии ее конструкции*. То есть к сентенциям авторов за пределами критического на-

правления геополитики может быть предъявлена та же претензия, которую Пьер Бурдьё предъявлял к марксизму: отождествление потенции с экзистенцией, т.е. возможности быть или стать кем-то с тем, чтобы этим в действительности являться.

В частности, когда в геополитике речь идет о государство- и нациестроительстве, то между конфигурацией пространственного потенциала, с одной стороны, и реализацией вытекающих отсюда политико-экономических возможностей, с другой стороны, необходим промежуточный этап. Географически детерминированные имплицитные свойства государства, в терминологии Стейна Роккана, должны быть отрефлексированы его населением, чтобы в результате обрести успешное воплощение в легитимной национальной стратегии. Другими словами, для исследования формирования наций с общей идентичностью предлагается рассматривать:

геополитическое пространство, включающее территориальные ресурсы государства и интересы правящих элит относительно их перераспределения;

информационно-идеологическое пространство, к которому относятся установки населения (восприятие жителями ресурсного потенциала государства, надындивидуальные ценности жителей и их взгляды относительно места и стратегии своей страны в мире), с одной стороны, и направленная на их кор-

ректировку пропагандистская политика государства — с другой.

То есть схематично процесс формирования внешнеполитического процесса представляется так. На первом этапе — *назовем его геополитическим* — существует сумма объективных экономико-географических критериев, в числе которых, например, размер территории, количество соседей, морфология границ, ресурсная база, которые задают круг возможных при данном потенциале структур и стратегий. По поводу перераспределения этих ресурсов непременно возникает структура интересов в среде властных элит. На втором этапе — *информационно-идеологическом* — происходит легитимация власти преобладающими выбранным вектора политики, или, иначе говоря, формирование территориальной идентичности через продвижение национальной идеологии. Полноценная государственная идея имеет три уровня, регламентируя процедуры поведения, надындивидуальные ценности и мировоззрение граждан, направленные на благо государства и нации. Только в этом случае власти будут впоследствии иметь поддержку населения в непосредственном осуществлении этой стратегии.

В российском случае можно констатировать, во-первых, что обладание огромной территорией, наибольшим в мире количеством стран-соседей, множеством национальностей и достаточным запасом природных ресурсов исторически использовались смыслопроизводящими элитами для культивации идеи «исключительности» российского государства. В разные эпохи на уровне *tacit knowledge* это определяло властный стиль мышления как импер-

ский, что на практике превращалось то в расширение сфер влияния, то и вовсе во внешнюю экспансию.

Однако идеология СССР распалась, затем последовало разочарование в идеях свободного рынка и демократии, при этом новой идеи за пределами ресурсного освоения страны при трофейном способе хозяйствования сконструировано не было. Идеологическое конструирование в России было забыто, поскольку с началом 2000-х пришедшие к власти элиты могли не заботиться о легитимации своего статус-кво в глазах народа. Возросшие цены на нефтепродукты позволили вместо надындивидуальных ценностей разрешать социальные напряженности незначительным улучшением жизни населения. В результате общестрановой идентичности, необходимой с российским многообразием этносов и религиозных верований, не было сформировано. В информационно-идеологическом пространстве с начала 2000-х между строк транслировался политический миф о воцарении «золотого века» (процветания), непродуктивный в качестве основы для национальной идеологии, поскольку не побуждает граждан к действиям ради общенациональной цели.

Хотя преувеличением было бы говорить, что о поиске национальной идеи никто не заявлял, тема конструирования идеологий была маргинальной до последних месяцев, пока политическое руководство страны не заговорило о необходимости создать идеологию, лежащую вне принципов коммунизма, монархизма и ультралиберализма. Также в информационном пространстве появились сообщения о планах ввести ответственных за идеологию работников в учебных заведениях. Все это сделало исследование

вопросов идентичности и нациестроительства в России сегодня актуальным и опережающим время.

Интересно, что в Посланиях В. Путина Федеральному Собранию за время его пребывания у власти неоднократно звучал призыв реализовать неполитические ценности: «...трудиться на хорошей, интересной работе, строить бизнес, обзаводиться жильем, создавать большую и крепкую семью, воспитывать много детей, быть счастливым» (2012 г.). Однако такие личностные по масштабу ценности, по словам В. Путина, могут также становиться и надындивидуальными, то есть одним из «трех китов» идеологии. В выступлении Президента на встрече с представителями общественности по вопросам патриотического воспитания молодежи в сентябре 2012 г. говорилось, по сути, что получение гражданами качественного образования или их персональная забота о здоровье является личным вкладом каждого в формирование конкурентоспособной нации.

С другой стороны, в последний срок президентства Путина для России — на геополитическом уровне — была заявлена задача создания Евразийского союза интеграции с Белоруссией и Казахстаном. Идеологического наполнения объединение пока не получило, так как метафора евразийства на сегодняшний момент не обрела единого толкования: прагматически в основе лежит идея объединения экономик в объеме 300 млн населения, но примиряющей противоречия ценностной и мировоззренческой базы на сегодняшний день нет. К примеру, в отношениях с Евросоюзом это оказалось критическим еще при подписании Соглашения о партнерстве и сотрудничестве 1994 г., которое подраз-

умевало установление отношений на основе общих ценностей — погранных в результате Чеченской кампании и отставленных с установлением путинской парадигмы.

В сегодняшней ситуации создается впечатление, что ведение государственной политики сообразно с нравственными принципами приносит заметные дивиденды. Иллюстрацией может служить принципиальная победа российского руководства над американским по вопросу миротворческих бомбардировок в Сирии, когда В. Путин озвучивал риторику в духе не обычного в последние десятилетия реализма (страна борется за господство, потому что иначе ее съедят), а конструктивизма (у страны могут быть государства-союзники и международные обязательства). Пример обратного Россия демонстрирует по отношению к Украине, допуская порядок международного политического торга в духе «кто больше предложит», а не опираясь на привлекательную — пусть и не всегда за рамками информационно-идеологического аспекта — территориальную идентичность.

В конечном счете, если в российскую геополитическую стратегию входит распространение сфер влияния на пространстве Евразии в лице стран СНГ, и не только, форматы могут не сводиться к привлечению стран в интеграционные объединения. По Ч. Тилли, в эпоху постмодерна контроль над территорией не сводится к силовому, а подразумевает также и моделирование информационно-идеологического пространства. Для России вопрос тем острее, чем активнее на роль знаменателя в евразийском экономическом процессе сближения претендует Турция, продвигающая

принципы суннитского ислама. Для уменьшения издержек на транзакции без информационно-идеологического консенсуса здесь не обойтись.

Выстраивать помимо институциональной еще и ценностную основу отношений с соседями следовало бы вкуче с интеграцией российских меньшинств в единое культурное целое, формируя но-

вую российскую идентичность центра евразийской интеграции. В этом может помочь привнесение в геополитику компонента рефлексии, которая позволяет превратить это направление из архаичного во вполне функциональное, удовлетворяющее как требованием объяснительности, так и прогностичности, и ставить новые задачи.

Геополитическое и идеологическое пространства евразийского нациестроительства

Ренард-Коктыш Анна Витальевна, магистрант МГИМО(У) МИД России по направлению «Политическая экспертиза и GR-стратегии»
E-mail: renard.anna@gmail.com

***Аннотация.** В российском случае можно констатировать, во-первых, что обладание огромной территорией, наибольшим в мире количеством стран-соседей, множеством национальностей и достаточным запасом природных ресурсов исторически использовалось смыслопроизводящими элитами для культивации идеи «исключительности» Российского государства. В разные эпохи на уровне tacit knowledge это определяло властный стиль мышления как имперский, что на практике превращалось то в расширение сфер влияния, то и вовсе во внешнюю экспансию.*

***Ключевые слова:** геополитика, идеология, нациестроительство, Евразия.*

Geopolitical and Ideological Spaces of Eurasian Nation-Building

Renard-Koktysh Anna Vitalievna, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), Master's Student in Political Science
E-mail: renard.anna@gmail.com

***Abstract.** Russia's case demonstrates that huge territory, the biggest number of neighbouring countries in the world, numerous ethnic groups and sufficient reserves of natural resources have been historically used by elites to cultivate the idea of Russian state's exclusiveness. Over the various epochs it has determined the authorities' thinking style as an imperial one on the level of tacit knowledge, which has practically turned into extending the spheres of influence as well as into expansionism.*

***Key words:** geopolitics, ideology, nation-building, Eurasia.*

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ (НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА НАЗВАНИЙ ПРЕДПРИЯТИЙ ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ)

Жирнова Л.С.

Целью данного исследования было проследить пространственные идентичности в ряде российских регионов через анализ названий предприятий общественного питания. Подобный подход к исследованию идентичности лежит в рамках так называемой нефизической или культурной географии. В основе концепции исследования лежит предположение о том, что идентичность можно проследить и выявить через исследование не только опросов общественного мнения, но и косвенных признаков в материальной культуре, которые являются неосознанными свидетельствами пространственных предпочтений. Таким образом, делается попытка выйти за рамки нормативного подхода к определению взаимодействия пространства и общества и перейти в конструктивистскую парадигму, предполагающую, что пространство воздействует на общество через восприятие.

В то время как в отечественной науке подобные методики еще не получили большого распространения, в США существует целый ряд разработок в данной области. К примеру, очертить границы той или иной пространственной общности помогает анализ границ распространения определенных архитектурных элементов. Так, классик американской культурной географии В. Зелинский анализировал распространение культуры

крытых мостов, типичных для Новой Англии, а значит, свидетельствующих о границах ее распространения¹. Небезынтересны и исследования М. Болдуина, посвященные анализу ареала расселения болельщиков тех или иных команд².

В нашем случае сделана попытка не выделить ареал распространения того или иного явления или понятия, а систематизировать и классифицировать массив названий предприятий общепита, имеющих отношение к пространственному аспекту. То есть, вместо чтобы очертить регионы, имеющие ту или иную пространственную принадлежность, исследование направлено на выделение всей палитры идентичностей и отражение их конкуренции и наложения.

Стоит отметить, что в названиях предприятий общепита отражено представление не только о собственной идентичности, но и об идентичности желаемой, о стремлении ощутить принадлежность к престижной общности. Действительно, чтобы привлечь клиентов, хозяин ориентируется на свое пред-

¹ Смирнягин Л.В. О региональной идентичности // Пространство и время в мировой политике и международных отношениях. Материалы 4-го Конвента РАМИ. Т. 2. Идентичность и суверенитет: новые подходы к осмыслению понятий / под ред. И.М. Бусыгиной. М.: МГИМО-Университет, 2007. С. 102.

² Там же. С. 101.

ставление о престижной идентичности. Можно возразить, что хорошим рекламным ходом является открытие экзотического заведения с соответствующим названием, однако такое объяснение будет справедливо лишь для малой доли предприятий общепита, ведь цель большинства из них — привлечь клиентов на регулярной основе, лишь такой подход обеспечит предприятию стабильную прибыль.

При анализе названий указанием на регион считались не только топонимы, но и символы, к примеру, название «Фрау Марта» рассматривалось как указание на Европу. Кроме того, учитывалась и доля названий на латинице или же с транслитерацией иностранных слов — она воспринималась как указание на готовность жителей воспринимать иностранные слова, а значит, в некотором роде на уровень глобализованности.

Для целей исследования было решено исследовать проявления пространственной идентичности на примере Астрахани, Владивостока, Калининграда, Томска, Тулы и Чебоксар. Данные города выбраны с точки зрения приблизительного равенства численности населения, но принципиальных различий геополитического положения и культурно-исторического контекста развития. Астрахань — город на юге Поволжья, давно переставший быть ареной важных геополитических событий. Владивосток — важнейший порт Дальнего Востока, подверженный сильному влиянию Китая и Японии. Калининград — столица региона-эксклава, вошедшего в состав России только в 1945 г. Томск — один из крупных сибирских центров. Тула является примером традиционн

русского города. Чебоксары — столица национальной республики.

Анализ показал, что наибольшая доля географических названий кафе и ресторанов наблюдается во Владивостоке (40%), Калининграде (38%) и Томске (30,5%). И действительно, для истории, культуры и самосознания этих городов было особенно важно их географическое положение: перед нами два приграничных города, а также крупный город Сибири, в котором, вероятно, ощущает свою принадлежность к уникальной сибирской территориальной общности. Максимальное количество названий с использованием латиницы (41%) наблюдается во Владивостоке, что говорит о сильной глобализованности города, готовности жителей воспринимать иностранные слова.

Что касается географических общностей, примечательно, что во всех городах, кроме Владивостока, среди географических названий наиболее часто встречаются отсылки к Европе (к примеру, в Калининграде таких названий 57%, что неудивительно, учитывая географическое положение и историю города). Во Владивостоке же, напротив, почти половина названий (45%) отсылают к Азии.

Примечательно также, что только в Томске и Владивостоке количество условно азиатских названий больше российских. При этом в Томске довольно часто встречаются и упоминания Сибири.

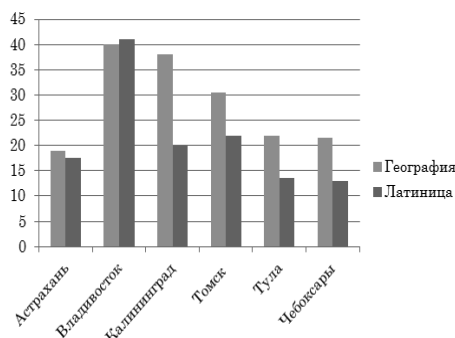
Наибольшее число названий, связанных с Россией, в Туле (29,5%), что еще раз подтверждает русский образ города. При этом довольно часто здесь встречаются названия, связанные со временами Российской империи, что, вероятно, является отсылкой к периоду наибольшего величия Тулы.

В Калининграде также довольно много названий, связанных с Россией, т.е. в городе есть запрос на российскую идентичность, желание подчеркнуть принадлежность к России.

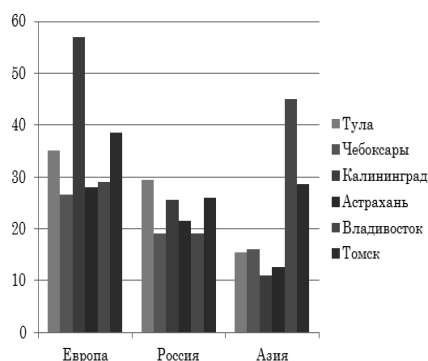
Хотя на первом месте по географическому названию крупный порт Владивосток, в Чебоксарах также можно встретить достаточно много нехарактерных для других городов названий, особенно американских. Вероятно, после разрушения советской идентичности город, который никогда не отличался особенной географической, политической или экономической значимостью, находится в состоянии поиска своего «я» в условиях, когда российская идентичность не воспринимается как в полной мере «своя», а местная не обладает достаточной привлекательностью. Отсюда получается географический разброс названий.

На диаграммах представлены некоторые сводные данные исследования.

Таким образом, анализ названий кафе и ресторанов ряда российских горо-

СРАВНЕНИЕ

дов позволил сделать некоторые выводы об их пространственной идентичности.

Пространственные идентичности в российских регионах (на основе анализа названий улиц и предприятий общепита)

Жирнова Лидия Сергеевна, магистрант МГИМО(У) МИД России по направлению «Зарубежное регионоведение»
E-mail: lidia.zhirnova@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуются проявления пространственной идентичности на примере Астрахани, Владивостока, Калининграда, Томска, Тулы и Чебоксар. Данные города выбраны с точки зрения приблизительного равенства численности населения, но принципиальных различий геополитического положения и культурно-исторического контекста

развития. При анализе названий указанием на регион считались не только топонимы, но и символы. Кроме того, учитывалась и доля названий на латинице или же с транслитерацией иностранных слов.

Ключевые слова: пространственная идентичность, пространственное воображение, российские регионы, критическая геополитика.

Space Identity in Russian Regions: Analysis of Street and Food Services Names

Zhirnova Lidiya Sergeevna, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), Master's Student in Regional Studies

E-mail: lidia.zhirnova@yandex.ru

Abstract. The article focuses on space identity in Astrakhan, Vladivostok, Kaliningrad, Tomsk, Tula and Cheboksary. These cities were chosen due to the approximately equal population as well as principal differences in geopolitical location and cultural and historical context of development. Not only toponyms, but symbols were taken into account as an indication of the region. The proportion of names in Latin characters or with transliteration of foreign words was also calculated.

Key words: space identity, space imagination, Russian regions, critical geopolitics.

ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МИФОЛОГИИ НА ИМИДЖ ГОСУДАРСТВА

Полонская Д.Д.

В ходе всего исторического процесса миф всегда являлся неотъемлемой частью любой культуры, а также инструментом социализации представителей любого общества. Особое место во всей совокупности мифов занимают мифы политические как часть политической культуры.

Ни одно политическое мировоззрение, ни одну идеологическую концепцию невозможно рассматривать в отрыве от политической мифологии, какими бы рационалистическими чертами данное мировоззрение или концепция ни обладали.

Несмотря на такую всеобъемлющую роль политической мифологии, ее зачастую рассматривают как малозначимую область, не представляющую существенный интерес для всестороннего научного анализа.

Одной из важных особенностей политических мифов является его характеристика как некоего радикального суждения на те или иные социально-политические вопросы и его попытка дать ответ, основанный на этом радикальном суждении.

Существует определенный набор сложившихся политических мифов, но вместе с тем традиционные мифы трансформируются под влиянием меняющихся социально-политических реалий как на региональном, так и на глобальном уровне. И эти трансформирующиеся мифы наравне с уже давно сформировавшимися ложатся в основу политического имиджа различных субъектов политических процессов на всех уровнях.

Безусловно, политическая мифология оказывает огромное влияние на формирование политического имиджа государств на международной арене. При этом влияние может быть как позитивное, так и негативное, использоваться с целью улучшения или ухудшения имиджа, а миф, в свою очередь, может быть как искусственно сконструированным, так и возникшим под влиянием каких-либо исторических событий. Так, например, политический имидж государства тесно связан с тем, насколько эффективно осуществляется процесс продуцирования национального мифа; не находится ли национальный миф в состоянии стагнации.

Особую роль политический имидж государства начинает приобретать в любой кризисной ситуации, на фоне которой зачастую обостряются все противоречия политического, экономического и иного рода. Чем серьезней политический кризис, тем широкимасштабнее разворачивается информационная война, в ходе которой мифам противостоят контрмифы.

Наибольшее значение противостояние мифов и контрмифов возникает в период военного конфликта как апофеоза кризиса межгосударственных отношений. В ходе информационной войны конфликтующие стороны формируют необходимые им новые политические мифы или используют старые, при помощи которых осуществляется как психологическое воздействие на участников противоборствующей стороны, так и мобилизация граждан государства, участвующего в конфликте. Кроме того, по-

литический миф используется для оправдания участия сторон в политическом конфликте. Можно с уверенностью утверждать, что в условиях постиндустриального информационного общества политический миф о каком-либо политическом процессе распространяется быстрее, чем когда-либо раньше. А следовательно, чем более доступно, убедительно и оперативно подана информация, тем более благоприятный политический имидж будет сформирован, а кроме того, от этого зависит то, насколько эффективен миф будет противостоять контрмифу.

В значительной мере именно под влиянием борьбы мифов и контрмифов происходит трансформация политического имиджа государства. Точно так же как модернизируется политический миф под воздействием изменений, происходящих в политической культуре, политический имидж не может оставаться неизменным. И хотя базовые мифы и стереотипы о каком-либо государстве зачастую переживают само государство, для эффективности политического имиджа необходима его постоянная корректировка в той или иной степени.

Влияние политической мифологии на имидж государства

Полонская Дарья Дмитриевна, аспирант кафедры политических наук РУДН
E-mail: dpolonskaya@yandex.ru

Аннотация. В ходе всего исторического процесса миф всегда являлся неотъемлемой частью любой культуры, а также инструментом социализации представителей любого общества. Особое место во всей совокупности мифов занимают мифы политические как часть политической культуры. В значительной мере именно под влиянием борьбы мифов и контрмифов происходит трансформация политического имиджа государства. Точно так же как модернизируется политический миф под воздействием изменений, происходящих в политической культуре, политический имидж не может оставаться неизменным.

Ключевые слова: политическая мифология, имидж государства, конструктивизм.

The Influence of Political Mythology on State Image

Renard-Koktysh Anna Vitalievna, Moscow State Institute of International
Polonskaya Daria Dmitrievna, Russian People's Friendship University (RUDN),
PhD Student at the Department of Political Science
E-mail: dpolonskaya@yandex.ru

Abstract. Throughout history, myth has always been an inherent part of any culture, as well as an instrument of socialization of any society's representatives. Political myths play a specific role within the whole complex of myths as a part of political culture. To a great extent, the state image transforms due to the influence of the struggle between myths and counter-myths. Political image could not remain unchangeable in same manner as political myth is being modernized under the influence of changes in political culture.

Key words: political mythology, state image, Constructivism.

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ «ВЕЛИКАЯ АЛБАНИЯ» НА СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРТЕ МИРА

Туров Н.А.

Проект «Великой Албании» является идеей албанцев по созданию государства, где албанский этнос является преобладающим. Идея была впервые озвучена в 1878 г. на территории современной республики Косово в Призрене, когда была создана Призренская Лига Албанского народа, которая выступала за автономию в составе Османской империи территорий, где албанцы составляли этническое большинство. Однако тогда эта идея не увенчалась успехом, так как в 1880 г. Призренская Лига Албанского народа была разогнана. Но именно тогда был впервые сформулирован проект по созданию «Великой Албании» [2]. Границы этого проекта являются границами проживания албанского этноса. На то время этой территорией являлись четыре албанских вилайета на территории Османской империи: Манастир, Янина, Шкодер и Косово. Сейчас это территории:

— в Сербии: территория Косово и Метохии, долина реки Южная Морава на востоке, от округа Топлица до Нишавского округа на северо-востоке, большая часть Рашской области на северо-западе;

— в Черногории: почти вся восточная часть Черногории до г. Подгорица;

— в Македонии: целая территория западнее р. Вардар, территории севернее и северо-восточнее г. Скопье;

— в Греции: северо-западная часть Греции (греческая часть Эпира), территория до Амбракийского залива.

Реализация проекта «Великой Албании» на практике состоялась во время

итало-немецкой оккупации 1939–1944 гг. В апреле 1941 г. немцы оккупировали Югославию. Контроль над Косово был разделен между Италией и Германией. Немецкие и итальянские войска были приняты как освободители, так как надеялись, что им окажут помощь в создании единого национального албанского государства. При них было создано Великое Герцогство Албания (кроме Албании туда входили территории Метохии, центрального Косово и западной Македонии), как следствие происходили этнические чистки сербов. После выхода Италии из войны территория Великого герцогства перешла в состав фашистской Германии. Была сформирована Вторая Призренская Лига, в которой принимали участие албанские националисты. Руководство Второй Призренской Лиги открыто объявляло о необходимости переселения сербов с территории Великого Герцогства. В конце войны большинство албанцев было готово к защите этнических границ. Однако партизанские движения под руководством КПЮ смогли взять контроль над Косово, а Великое Герцогство Албания пало. Сегодня данный проект не потерял своей актуальности, так как албанцы пытаются воссоздать германо-итальянскую идею 1939–1944 гг. [1].

К ключевым документам «Великой Албании» стоит отнести «Меморандум» Форума албанских интеллектуалов Косово от 26 октября 1996 г. и «Платформу решения албанского национального

вопроса» Албанской академии наук, составленную летом 1998 г. Эти документы были переведены на английский язык и распространены по всему миру

В соответствии с этой концепцией борьба будет вестись следующим образом:

1. Косово с южными землями Сербии (муниципалитеты Прешево, Буяновец и Медведжа) должны стать независимым государством с гарантиями равной открытости как Сербии, так и Албании. Минимум, на что албанцы согласны, — статус третьего государственного образования в содружестве СиЧ.

2. Проблема албанцев на территории Македонии, составляющих 35% населения страны, может быть решена двумя способами: или Македония становится двунациональным государством, либо в составе Македонии будет образована автономная албанская национальная область.

3. Территории Черногории, где преобладают албанцы, должны стать автономной областью со столицей в Улцине.

4. В Греции должны расширить права албанцев путем разрешения преподавания им в начальных школах албанского языка и ввести на албанском языке предметы «История Албании», «История албанской литературы» и другие. Впоследствии выделение в автономную область муниципалитета Чамерия.

На втором этапе эти государства должны объединиться с Албанией в единое государство. Причем важнейшую роль в создании «Великой Албании» должно сыграть независимое Косово, которое должно сыграть передовика в создании национального албанского [3].

Албанцы в Черногории

По переписи Черногории за 2011 г. [5], число албанцев в стране составляет 30 439 человек, что составляет 4,91% от всего населения Черногории. Албанцы занимают 4-е место по численности после черногорцев, сербов и боснийцев. Лишь в одном регионе — Улцинь албанцы составляют большинство. Крупные группы албанцев проживают также в регионе Плав (18,88% от всего населения Плава). Более 5% албанцев проживают в Баре, Подгорице и Рожае. Стоит отметить, что все эти регионы являются пограничными с Албанией. В остальных же регионах процент албанского населения не превышает 1% [5].

По сравнению с другими странами, где проживают албанцы, Черногория является самым спокойным регионом. Албанцы пока мирно сосуществуют с черногорцами и даже представлены в местном парламенте — Скупшине. В парламенте представлены две албанские партии и два албанских блока, имеющие по одному мандату, — Демократический союз албанцев, «Новая демократическая сила — ФОРЦА», албанский список «Демократический союз в Черногории — Албанская альтернатива», албанская коалиция «Перспектива». Всего же в Скупшине 81 место.

Албанцы в Македонии

Албанцы являются крупнейшим этническим меньшинством на территории Республики Македония. Из 2 022 547 граждан Македонии, 509 083, или 25,17%, являются албанцами по результатам последней национальной переписи населения, проходившей в 2002 г. [7]. Стоит отметить, что перепись 2011 г. не состоялась, так как именно албанское население бойкотировало ее. Албанское

меньшинство живет в основном в северо-западной части страны.

Если брать в процентном соотношении, то из 84 муниципалитетов в стране 16 имеют албанское большинство. Это муниципалитеты Желино, Осломей, Заяс, Липково, Боговинье, Арачиново, Сарай, Теарце, Врпштиште, Тетово, Студеничави, Гостивар, Дебар, Чаир и Струга. Причем в семи регионах процент албанцев превышает 90%: муниципалитеты Желино, Осломей, Заяс, Липково, Боговинье, Арачиново. В регионе Желино доля албанцев максимальна и равна 99,2%. В основном это районы на границе с Албанией и Косово [7].

С конца Второй мировой войны население Социалистической Республики Македонии неуклонно растет, при этом наибольший рост происходит в этнических албанцев. В 1953 г. албанцы составили 19% от общей численности населения. Численность населения снизилась до 13% в 1961 г., но снова выросла в 1971 г. до 17%. К 1981 г. доля албанцев выросла до 19,7%, а в 1991-м до 21%. На последней переписи населения в 2002 г. доля албанцев равнялась 25,17%. Стоит отметить, что именно албанцы сорвали перепись населения Македонии в 2011 г.

Сейчас в парламенте Республики Македония представлено несколько албанских партий: Демократический союз за интеграцию (ДСИ) и Демократическая партия албанцев. В 2008 г. на выборах в парламент Македонии ДСИ набрал 11,3% от общего числа голосов, в то время как ДПА получила 10,1%. В 2011 г. в результате аналогичных парламентских выборов албанские партии получили 20,96% от общего всенародного голосования. ДСИ получил 10,2% голосов, что дало ему 15 мест. Это потеря 3 мест

по сравнению с предыдущими выборами. ДПА получила 5,9% голосов, выиграв 8 мест, которые тоже потеряли 3 места от выборов 2008 г. Третья партия албанцев (Национальная демократическая партия возрождения) получила два места с 2,7% голосов. В 2011 г. албанские партии получили 25 из 120 мест в парламенте Македонии, в 1990–1994 и 1994–1998 гг. их было около 20 депутатов из албанских политических партий. Этнические албанцы в Республике Македония также занимают высокопоставленные руководящие должности в государственных предприятиях, армии, полиции, а также органах самоуправления.

Количество столкновений албанцев с македонцами за последние пару лет снова возросло. В 2012 г. зафиксировано 25 межэтнических столкновений, в которых пострадали 38 человек, сожжены две православные церкви. Основные столкновения зафиксированы в Скопье и Тетово. Сейчас албанцы, получившие определенные права в 2001 г., пытаются добиться конституционного признания албанского нацменьшинства в республике в качестве второй государствообразующей нации и закрепления за албанским языком статуса государственного. В будущем же албанцы планируют получить автономию или вхождение в состав национального государства «Великая Албания».

Албанцы в Сербии

Албанцы проживают в южных частях страны, а также составляют большинство в Косово и Метохии. Перепись Сербии обладает подробными данными по этническому и национальному составу населения до уровня муниципалитетов. Из-за неопределенного статуса Косово на современной ПКМ перепись не охватывает данную территорию. Кроме

того, из-за бойкота албанцев переписи населения 2011 г. [8] данные в 3 муниципалитетах, таких как Прешево, Буяновац и Медвешча, неверные, поэтому для этих регионов были взяты данные переписи 2002 г. [6]. Албанцы проживают в южных частях страны, а также составляют большинство в Косово и Метохии. По данным переписи 2002 г. [6], в Сербии проживают 61 647 албанцев, а косовские албанцы переписью не учитываются. Из них 59 952 живут в долине Прешево на юге Сербии недалеко от границы с Косово. Они в основном проживают в муниципалитетах Прешево и Буяновац, а также в части муниципалитета Медведжа. Однако преобладают албанцы только в муниципалитетах Прешево и Буяновац, а также на всей территории Косово и Метохии. На эти территории и претендуют албанцы.

По данным переписи 1991 г., албанцы составляли большинство в 23 из 29 муниципалитетов Косово и Метохии. Сейчас таких муниципалитетов 25. Это муниципалитеты Дечани, Призрен, Драгаш, Липлян, Сербича, Гаковица, Малишево, Глоговац, Косовска-Митровица, Гнилане, Ново Брдо, Сува-Река, Исток, Обилич, Урошевац, Качаник, Ораховац, Косовска-Каменица, Печ, Вунитрн, Клина, Подуево, Штимле, Косово поле, Приштина. Сербь преобладают только на территориях муниципалитетов Зубин — Поток, Лепосавик, Штрпце и Звечан. Однако в 2011 г. [4] уже силами независимого Косово была проведена своя перепись, в результате доля албанского населения составила 92,93%. Эту перепись частично бойкотировало сербское население, однако это наиболее актуальные данные на сегодняшний момент, так как прошлая перепись в Косово была проведена в 1991 г.

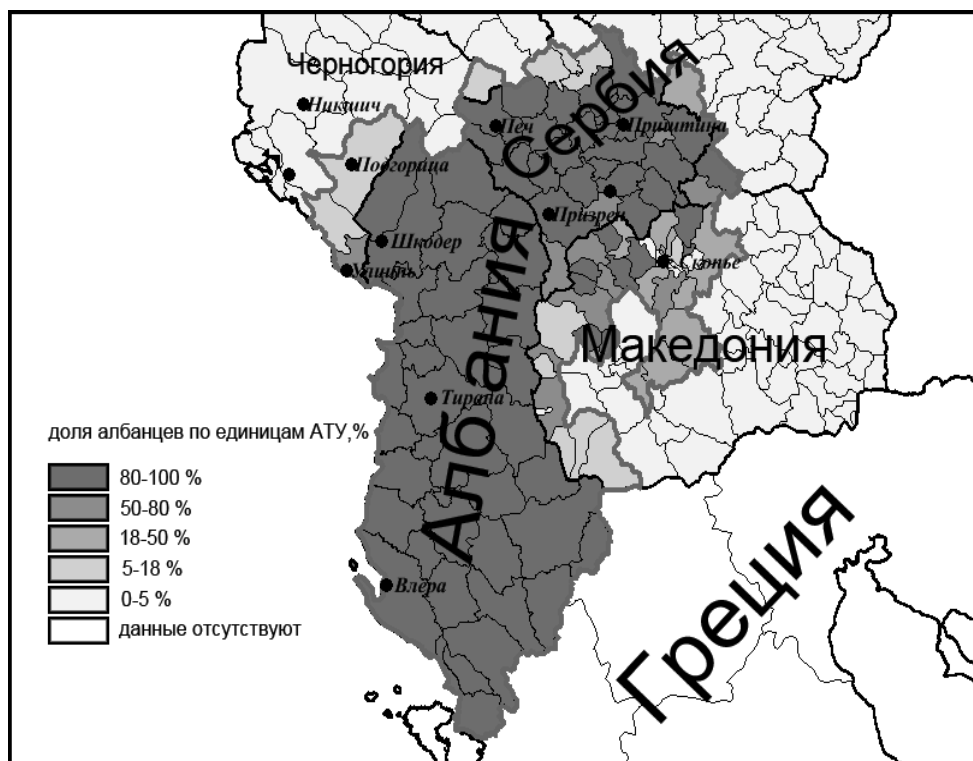
В 2008 г. сербская территория Косово и Метохия провозгласила независимость от Сербии как Республика Косово. На конец апреля 2013 г. независимость Республики Косово признали 99 стран мировой общественности. Таким образом, фактически Косово стало независимой страной и стало первым шагом к созданию «Великой Албании». Следующим шагом может стать повторение конфликтов в Южной Сербии и провозглашение Прешево, Медведжи и Буяноваца частью «Великой Албании».

Албанцы в Греции

Проблема албанцев в Греции стоит не так остро на данный момент, однако и там периодически вспыхивают конфликты. Албанцы преобладают здесь всего в одном муниципалитете Чамерии в области Эпира. В этом муниципалитете сейчас периодически случаются демонстрации албанцев с лозунгами.

Сейчас греческое правительство закрывает глаза на демонстрации албанцев, так как, во-первых, опасается усиления мусульманского вопроса внутри страны (во Фракии остро стоит вопрос конфликта с турками), а во-вторых, Греция не хочет обострять албанский вопрос, дабы не дестабилизировать региональные и межкультурные отношения.

Сейчас проект «Великой Албании» в разных странах реализуется по-разному. Этот проект поддерживается государственными властями, которые открыто объявляют о необходимости присоединения территорий с преобладающим албанским населением. Албания выделяется тем, что отличается от своих соседей по религиозно-конфессиональному признаку, поэтому она заручилась поддержкой всего исламского мира. Кроме этого, Албания заняла такую позицию в систе-

Картосхема 1. Границы идеологического проекта «Великая Албания».
Составлено автором по [4], [5], [7], [8]

ме международных отношений, что пользуется поддержкой и стран Запада. В Сербии произошла война, в результате которой на 16 марта 2013 г. уже 99 стран мира признают Косово. В Македонии албанцы живут в северо-западных частях страны и принимают активное участие в политической жизни страны. После инцидентов в Косово начались столкновения с местным населением, после которых ал-

банцы фактически получили автономию. В Черногории и Греции пока албанцы мирно сосуществуют на одной территории, ограничиваясь демонстрациями в целях увеличения прав албанцев. Все это соответствует плану по созданию «Великой Албании», который был развернут во времена фашистской итало-немецкой оккупацией и который непосредственно реализуется на современной ПКМ.

Литература

1. Dr Jovan Bazić, Velika Albanija postaje stvarnost, Univerzitet u Prištini, ок 2005 //
2. Арш Г.А. Краткая история Албании. М. : Наука, 1992.
3. Дретсун М. Савез албанске државе до 2010, 2006 //
4. Estimation of Kosovo population 2011, Pristina, 2013.
5. Popis stanovništva, domaćinstava i Stanova u Grnoj Gori 2011.
6. Popis stanovništva, domaćinstava i Stanovay 2002. Knjiga 1: Националнаили Етничкапринадност, 2003
7. Попис на населението, домаќинстава и становите во република Македонија, 2002.
8. Попис становништва, домаћинстава и станова 2011. у Републици Србији: Национална Припадност, Подаци по општинама и градовима, 2011.

Идеологический проект «Великая Албания» на современной политической карте мира

Туров Никита Леонидович, Санкт-Петербургский государственный университет, факультет географии и геоэкологии, кафедра региональной политики и политической географии

E-mail: nikitaturov@yandex.ru

Аннотация. Проект «Великой Албании» является идеей албанцев по созданию государства, где албанский этнос является преобладающим. Идея была впервые озвучена в 1878 г. во время создания Призренской Лиги Албанского народа, которая выступала за автономию в составе Османской империи территорий, где албанцы составляли этническое большинство. Реализация проекта «Великой Албании» на практике состоялась во время итало-немецкой оккупации 1939–1944 гг. Сейчас проект «Великой Албании» в разных странах реализуется по-разному. Этот проект поддерживается государственными властями, которые открыто объявляют о необходимости присоединения территорий с преобладающим албанским населением. Албания выделяется тем, что отличается от своих соседей по религиозно-конфессиональному признаку, поэтому она заручилась поддержкой всего исламского мира. В Македонии албанцы живут в северо-западных частях страны и принимают активное участие в политической жизни страны. После инцидентов в Косово начались столкновения с местным населением, после которых албанцы фактически получили автономию. В Черногории и Греции пока албанцы мирно сосуществуют на одной территории, ограничиваясь демонстрациями в целях увеличения прав албанцев.

Ключевые слова: «Великая Албания», албанский национализм, политическая карта мира.

«Great Albania» Ideological Project on Political World Map

Turov Nikita Leonidovich, St. Petersburg State University,
School of Geography and Geoecology,
Department of Regional Policy and Political Geography

E-mail: nikitaturov@yandex.ru

Abstract. «Great Albania» project is an idea of the Albanians to create a state with the Albanian ethnic group prevailing. The idea was announced for a first time in 1878 by Prizren League of the Albanian Nation, which called for autonomy within the Ottoman Empire with the Albanians' ethnic majority. The project was realized in practice during fascist occupation in 1939–1944. Nowadays it is being implemented differently in various countries. Government authorities, who urge to annex territories with the dominant Albanian population, support this project. The Macedonian Albanians live in the north-west of the country and actively participate in the state's political life. Following the development in Kosovo they have received de facto autonomy. In Montenegro and Greece the Albanians live peacefully, only protesting for extending their rights.

Key words: Great Albania, Albanian nationalism, political world map.

РЕГИОНАЛЬНАЯ МЕТРОПОЛИЯ КАВКАЗСКИЕ МИНЕРАЛЬНЫЕ ВОДЫ КАК ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР ЮГА РОССИИ

Голованова В.А.

Под метрополитизацией в современной науке традиционно понимается процесс образования географического центра или ареала (города, иногда страны либо ее части), обладающего зависимой (в хозяйственном, политическом, культурном отношении) территорией (периферией, колониями) [5]. Таким образом, метрополитизация воплощает фактическую, универсальную, реализуемую в конкретной геопространственной форме способность одних территорий осуществлять «свою волю» относительно других территорий.

Результатом протекания метрополитизационных процессов является формирование региональных метрополий. Региональная метрополия является продуктом совокупного действия процессов глобализации и регионализации, характеризующимся устойчивой территориально-экономической структурой и функционирующим в условиях экономической и политической доминанты над пространством [3]. Региональные метрополии обычно образуются из крупнейших городских агломераций с дифференцированной отраслевой структурой, значительными демографическими ресурсами и играющих значительную роль в формировании мезоэкономического пространства и управления территорией.

Для Юга России характерен особый процесс протекания метрополитизации, обусловленный факторами периферийности, руральности и полиэтничности и

проявляющийся в усилении территориально-социальной сегрегации, повышении роли экзогенных факторов, незначительном взаимодействии ведущих метрополий [2].

В системе метрополий Юга России, включающей три уровня — федеральный, областной и агломерационный [5], особое положение занимает формирующийся многоуровневый центр метрополитизации в регионе Кавказские Минеральные Воды (далее — КМВ), геополитическое значение которого сильно выросло после создания нового федерального округа (Северо-Кавказского) с центром в одном из городов КМВ.

Образование региональной метрополии в регионе КМВ произошло в 2010 г.: помимо соответствующих урбанистических, социально-демографических и экономических параметров метрополии, агломерация получила основной, управленческо-политический, критерий: город Пятигорск стал ядром не только миллионной конурбации, но и официальной столицей новообразованного Северо-Кавказского федерального округа.

На настоящий момент агломерация КМВ обладает обширной зоной влияния, выраженной общероссийской и международной специализацией, устойчивыми социальными, экономическими и политическими связями с другими метрополиями и полюсами роста как в границах России, так и за ее пределами, на основании чего можно сделать вывод о

формировании на ее основе полноценной региональной метрополии.

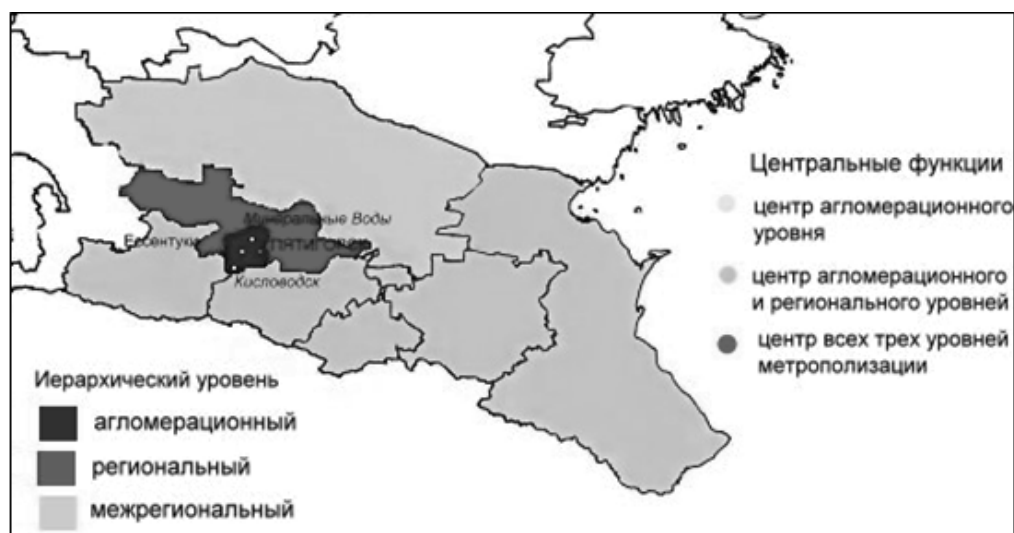
Любая метрополия формируется на базе доминирующего центра (ядра) [1], однако в случае с исследуемым регионом КМВ выделение такого центра является спорным: функции ядра разделены между несколькими городами, занимающими относительно равное положение в иерархической структуре агломерации, однако на разных уровнях метрополизации их позиции дифференцированы.

Важнейшими полюсом притяжения в метрополии следует считать Пятигорск — крупнейший и наиболее динамичный город региона, демографический, политический и экономический центр агломерации. Начиная с XIX в. он оспаривает статус региональной столицы своего региона у Ставрополя [2]. Геополитическое влияние Пятигорска не ограничивается пределами Ставропольского края: на уровне макрорегиона СКФО Пятигорск выполняет столичные функции и является управленческим

центром федерального значения. Выбор Пятигорска как столицы СКФО не случаен: этот город, располагаясь почти на границе, имеет связь со всеми субъектами округа; через него проходит главная транспортная магистраль Северного Кавказа «Краснодар — Баку»; в пространственном плане он находится в географическом центре нового округа и в то же время располагается на относительно спокойной территории.

Также центральные функции в метрополии выполняют города Ессентуки (административный центр), Кисловодск (крупнейший курорт и транспортный центр), Минеральные Воды (крупнейший транспортный узел как агломерации, так и макрорегиона) [7].

В процессе исследования было установлено, что региональная метрополия КМВ имеет сложную иерархическую структуру, в которой автор на основании выполняемых функций, доминирующих центров и контроля над территорией выделил три уровня (карта 1).

Карта 1. Распределение центральных функций на разных иерархических уровнях метрополии Кавказские Минеральные Воды

На агломерационном уровне границы периферии метрополии совпадают с границами агломерации КМВ, а метрополия является полицентрической: центральные функции распределены между четырьмя основными центрами, наблюдается децентрализация. Метрополизационные процессы на этой территории начались еще в XIX в., границы метрополии постоянны, на основе чего можно утверждать, что на агломерационном уровне метрополия является сформировавшейся, развитие ее происходит равномерно.

Региональный уровень включает зону влияния региона КМВ: Предгорный, Минераловодский, Георгиевский, Кировский, Андроповский и Кочубеевский районы Ставропольского края [8]. Основные центральные функции разделены между двумя городами — Пятигорском и Ессентуками, причем функциональное значение этих городов по сравнению с предыдущим уровнем остается неизменным. Для регионального уровня характерна постоянная конкуренция за раздел сфер влияния между Ставрополем и Пятигорском, что не позволяет говорить о сформированности и законченности метрополизационных процессов на данном уровне.

Межрегиональный уровень включает территорию СКФО; он является наиболее молодым (процессы метрополизации начались под административным давлением с 2010 г.) и наименее сформированным. Метрополия моноцентрична: единственный полюс — город Пятигорск. Он выполняет управленческие функции, однако не воспринимается таковым большей частью населения региона.

Необходимо отметить, что фактически центр метрополии КМВ кон-

тролирует только агломерационный и региональный уровни, сформировавшиеся в процессе исторического развития в соответствии с особенностями геопространства и под воздействием его факторов. Межрегиональный уровень был создан искусственно для реализации управленческих решений государственной власти, однако на уровне восприятия населения фактическими центрами новообразованного округа являются Махачкала или Грозный, исходя из чего региональную метрополию КМВ в пределах СКФО следует считать искусственной [5].

Дальнейшее развитие региональной метрополии напрямую связано с реализацией проекта по объединению курортной агломерации КМВ, не имеющей на настоящий момент официально закреплённого статуса агломерации, в единое муниципальное образование — Минеральные Воды с населением более 1 млн человек, общей схемой территориального планирования и стратегией экономического развития, оптимизированной системой управления [8]. Следствием этого станет значительное повышение метрополитенского потенциала КМВ на всех иерархических уровнях и на политической карте появится крупный центр влияния, полностью меняющий ситуацию на Юге России.

Если на настоящий момент важнейшими центрами роста и притяжения населения, инноваций и капитала в макрорегионе являются метрополии городов-миллионников Краснодара и Ростова-на-Дону, то в результате объединения городов региона КМВ в единое политическое образование с интеграцией всех населенных пунктов в единое урбанистическое пространство произойдет

формирование региональной метрополии высшего уровня, которая станет фактическим, экономическим, политическим

и идеологическим центром Северного Кавказа и сможет претендовать на статус главного города Юга России.

Литература

1. Грицай О.В, Иоффе Г.В, Трейвиш А.И. Центр и периферия в региональном развитии. М., 1991. С. 5–6, 26–29, 31, 60–64, 83.
2. Дружинин А.Г. Демографо-экономическая динамика регионов Юга России: долговременные тренды и новые тенденции в российском и глобальном контексте // Южно-российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география. 2012. № 1. С. 17.
3. Дружинин А.Г. Исследование феномена метрополитизации как приоритетное направление развития социально-экономической географии «вглубь» // Социально-экономическая география: теория, история, методы, практика : сб. Смоленск, 2011. С. 201–205.
4. Дружинин А.Г. Пространство региональной метрополии: возможности и барьеры постиндустриального развития // Южно-российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география. 2012. № 2. С. 4–6.
5. Зимина Н.В. Региональные метрополии: функциональная структура городов, как основа реализации потенциала агломерирования // Рубикон. Вып. 42. Ростов-на-Дону, 2007. С. 5, 14–21.
6. Указ Президента РФ № 309 «Об особо охраняемом эколого-курортном регионе РФ — Кавказских Минеральных Водах //
7. Стратегия социально-экономического развития особо охраняемого эколого-курортного региона РФ — Кавказских Минеральных Вод до 2020 года // С. 3, 8–12, 16–18, 28, 32.
8. URL: <http://www.skfo.gov.ru/>
9. URL: www.gks.ru

Региональная метрополия Кавказские Минеральные Воды как геополитический центр Юга России

Голованова Валентина Андреевна, Санкт-Петербургский государственный университет, факультет географии и геоэкологии, студентка
E-mail: valenti92@yandex.ru

Аннотация. В системе метрополий Юга России особое положение занимает формирующийся многоуровневый центр метрополитизации в регионе Кавказские Минеральные Воды, геополитическое значение которого сильно выросло после создания Северо-Кавказского федерального округа с центром в одном из городов КМВ. Если на настоящий момент важнейшими центрами роста и притяжения населения, инноваций и капитала в макрорегионе являются метрополии городов-миллионников Краснодара и Ростова-на-Дону, то в результате объединения городов региона КМВ в единое политическое образование с интеграцией всех населенных пунктов в единое урбанистическое пространство произойдет формирование региональной метрополии высшего уровня, которая станет фактическим, экономическим, политическим и идеологическим центром Северного Кавказа и сможет претендовать на статус главного города Юга России.

Ключевые слова: метрополия, макрорегион, юг России, Кавказские Минеральные Воды.

Caucasian Mineralnye Vody's Regional Metropole as a Geopolitical Centre of Russia's South

Golovanova Valentina Andreevna, St. Petersburg State University,
School of Geography and Geoecology, Student
E-mail: valenti92@yandex.ru

Abstract. *Shaping multilevel centre of metropolization in Caucasian Mineralnye Vody region, which geopolitical importance has significantly increased following the creation of North Caucasian Federal District. If million-plus cities Krasnodar and Rostov-on-Don remain the main centers of growth, attracting the people, innovations and capital, in this macro-region, as a result of the integration of the Caucasian Mineralnye Vody region's cities into the political unity integrated all inhabited localities into the single urban space, there would take place the formation of the higher level regional metropole, which would become a de facto economic, political and ideological center of North Caucasus and could seek the status of the main Russian South's city.*

Key words: *metropole, macro-region, Russia's South, Caucasian Mineralnye Vody.*

ПОДХОДЫ К КОНЦЕПЦИЯМ РАЗВИТИЯ СИБИРИ: ПРОКЛЯТИЕ ИЛИ СОКРОВИЩЕ?

Егоров Д.В.

«Острой проблемой являются огромные города, жители которых исчисляются сотнями тысяч или даже перевалили за миллион, — такие как Иркутск, Якутск, Хабаровск, Красноярск, Омск, Новосибирск, Челябинск, Пермь и Екатеринбург... Многим из их жителей следовало бы переехать в западную часть страны, чтобы облегчить бремя российской экономики... Если уж Россия стремится стать управляемой и экономически жизнеспособной, ей надо «сжать» себя — не путем отказа от земель, а путем пространственной реорганизации своей экономики. Людям желательно мигрировать на запад, тем самым уменьшая крупные города в самых холодных и удаленных регионах» [1]. Текст авторов книги «Сибирское проклятье» словно напоминает слова Маргарет Тэтчер о том, что Сибирь должна стать ресурсным придатком Европы. А идея, что территории останутся за Россией, без постоянно проживающего населения, автору данной статьи кажется ошибочной, это можно наблюдать последнее десятилетие на Дальнем Востоке. Возвести новые экономические комплексы на западе страны кажется возможным. Что касается населения, то в западной части страны оно в 2,5 раза больше, чем в восточной. Из этого вытекает вопрос: а так ли необходимо переселение людей с востока на запад? Выдвину гипотезу относительно Красноярска, на данный момент это самый динамично развивающийся город Сибири. Отчего такая

уверенность? Выгодное географическое положение в центре страны, на судоходной реке, тяжелая промышленность — наследие Союза. Строящаяся ж/д дорога до Тывинских месторождений угля, близость Канско-Ачинского, Ванкорского месторождений, региона Нижнего Приангарья. Возможно, это обуславливает то, что Красноярск — ныне город с положительным естественным приростом, который в рамках плановой экономики 30 лет пытался достигнуть миллиона жителей, в рамках рыночной за 20 лет наवरстал более 150 тысяч жителей и достиг заветной планки. Центр самого богатого края страны, где такие объекты, как Красноярская ГЭС, КРАЗ и «НорНикель», края, в котором содержится вся периодическая система таблицы Менделеева. Основываясь на всем этом, плюс затраты, необходимые для универсиады, которая должна пройти в 2019 г., Красноярск феноменально популярен для инвестиций. Рискну предположить, что ближайшие пару десятков лет Красноярск по всем показателям обгонит нынешнюю столицу СФО Новосибирск.

А.П. Паршев считает, что любое производство на территории России характеризуется чрезвычайно высоким уровнем издержек. Соответственно, во-первых, российская промышленная продукция, оказывается выше по себестоимости и при реализации по мировым ценам приносит нам убыток. Во-вторых, наши предприятия оказываются невыгодным объектом для привлечения ка-

питаловложений из-за рубежа и для отечественных инвесторов. Андрей Петрович пишет о своем фундаментальном выводе: «...для создания жизнеспособного государства на российской территории нужно лишь одно: внутренний российский рынок должен быть изолирован от мирового» [2].

Способна ли полная автаркия помочь России? Я считаю, что нет. Хотя можно проанализировать 20-30-е годы XX в. в СССР, когда страна жила в таком положении. Но в рамках современных отношений, в том числе рыночных, это кажется утопичным. Несмотря на то что на территории страны имеются все необходимые ресурсы для автономного существования, такой переход (если он возможен), должен очень долго и тщательно подготавливаться и прорабатываться. Например, развитием производственных комплексов, которые у нас в стране либо отсутствуют, либо слабо развиты. Такого пока мы не наблюдаем, именно поэтому такой переход сейчас считаю невозможным.

Татьяна Михайлова пишет, что современное размещение населения и промышленности в России холоднее и восточнее, чем могло бы быть. То есть восточная часть страны заметно перенаселена по сравнению с гипотетическим рыночным размещением, в то время как западная часть страдает от относительного дефицита населения. Избыток населения в Сибирском и Дальневосточном регионах, по разным подсчетам, составляет от 10 до 15,7 миллиона человек [3]. По данным последней переписи, население СФО и ДВФО равно 19 278 201 и 6 251 496 соответственно. Получается, Михайлова утверждает, что больше половины населения региона избыточно.

И это в связи с известными проблемами недонаселения на Дальнем Востоке и частично в Восточной Сибири и отрицательным естественным приростом, даже при помощи мигрантов. Я полностью солидарен с мнением господина Безрукова, который, критикуя данный тезис, заявляет, что переселение сибиряков не только нереально с экономической точки зрения, но и нежелательно по геополитическим, военно-стратегическим, этническим, культурно-психологическим, медицинским и прочим причинам [5].

«Пора прекратить создавать мифы о Сибири. Россиянам стоит начать думать о бескрайних зауральских пространствах как о российском пространстве, а не как о России. Зауралье — это периферия. Сибирь следует начать вновь рассматривать как отдаленный «ресурсный рубеж» [1]. Искреннее недоумение и отрицательные эмоции вызывает данный текст американских авторов о Сибири. Только анализа XX в. и роли Сибири в истории страны уже хватит, чтобы опровергнуть выше написанный тезис. Благодаря освоению глубинных «ресурсных» районов народно хозяйственный комплекс СССР сложился в основном самодостаточным, что гарантировало социалистической стране независимость от ведущих капиталистических держав. В годы ВОВ в значительной мере за счет накопленного экономического потенциала малоуязвимых для неприятеля восточных территорий и эвакуации туда предприятий с запада СССР выстоял и одержал победу над Германией. В послевоенные десятилетия ресурсы глубинных районов, в первую очередь Сибири, Поволжья и Урала, служили важнейшей материально-производственной основой превращения страны во вторую

супердержаву мира. В наше время независимые подсчеты Л.А. Безрукова показали ранее скрытые цифры, а именно: «В расчете на 1 жителя Сибирь дает больше, чем страна в целом, промышленной продукции — в 2,3 раза, экспорта — в 3,9 раза, бюджетных доходов — в 2,9 раза. Таким образом, промышленность Сибири, и прежде всего ее мощных ТПК, характеризуется в действительности высокой эффективностью, «превышающей» влияние удорожающих сибирских условий» [5].

«Азиатская Россия де-факто субсидирует европейскую, а не наоборот. Так что вопрос о том, что является бременем, а что — локомотивом благосостояния, в российских условиях не столь уж ясен... Чего стоит Сибирь? Я лично уверен, что она стоит того, чтобы ради нее

кое-чем поступиться» [4]. Господин Лунев — один из тех, кто поддерживает идею развития Сибири, и, ее естественном синтезе с Россией. Необходимо констатировать, что подобные мнения в российской научной среде не многочисленны и слабо освещены. Печальна ситуация, в которой о таком богатом и территориально большом регионе страны написано мало научной литературы на русском языке. Позиция же автора данной статьи такова: Сибирь не стоит «отрывать» от остальной России, эта такая же территория государства, как и другие, хоть и со своими особенностями. Рыночная экономика постепенно сама отрегулирует такие процессы, как миграционные. А идею «заморозки» производственных, военных и других комплексов в Сибири считаю нерациональной.

Литература

1. Хилл Ф., Гэдди К. Сибирское проклятие. Просчеты советского планирования и будущее России. М., 2003. 270 с.
2. Паршев А.П. Почему Россия не Америка. М. : Крымский мост, ЭД-Форум, 1999.
3. Mikhailova T. The Cost of the Cold. Pennsylvania State University, 2003.
4. Лунев С.И. Чего стоит Сибирь? // Международные процессы. 2004. № 1 (4).
5. Безруков Л.А. Сибирский холод и экономика России // Журнал институциональных исследований. 2011. Т. 3. № 1.

Подходы к концепциям развития Сибири. Проклятие или сокровище?

Егоров Даниил Владимирович, Санкт-Петербургский государственный университет, факультет географии и геоэкологии, магистрант
E-mail: gelios92@mail.ru

Аннотация. В статье дается обзор пяти публикаций на тему развития Сибири: затрагиваются проблемы ресурсного проклятия, пространственной реорганизации экономики России, дефицита населения или, напротив, перенаселенности Сибири.

Ключевые слова: развитие, Сибирь, ресурсное проклятие, миграция.

Siberia's Development Theories: A Curse or a Treasure?

Egorov Daniil Vladimirovich, St. Petersburg State University,
School of Geography and Geoecology, Master's Student
E-mail: gelios92@mail.ru

Abstract. *The article analyses 5 publications focused on Siberia's development. It touches upon the problems of resource curse, spatial reorganization of Russian economy, Siberia's small or, on the contrary, huge population.*

Key words: *development, Siberia, resource curse, migration.*

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК НОВОЕ (ГЕО)ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: РОЛЬ И МЕСТО ГОСУДАРСТВ

Кабанов Ю.А.

Информационное пространство (ИП) как объект исследования представляет интерес как для геополитики, так и для международных отношений. Вследствие этого появляются представления об информационной геополитике¹, об информационной парадигме геополитики, согласно которой «судьба пространственных отношений... определяется прежде всего информационным превосходством в виртуальном пространстве»². В науке о международных отношениях ИП рассматривается как «новое политическое пространство»³, как общее или «неразделенное» пространство⁴. Относительная новизна и виртуальность ИП порождают дискуссии как о его природе, так и о месте и роли государств как акторов ИП.

Единого понимания ИП по-прежнему нет. Среди его определений можно выделить: синергетическое (откры-

тая самоорганизующаяся система)⁵, технологическое (информационная инфраструктура)⁶, социальное (сфера информационных отношений)⁷ и др. Сложность определения связана с динамичной, социотехнической⁸ природой ИП.

Социотехническая природа обуславливает условное разделение ИП на информационно-психологическую и техническую компоненты⁹, а также на «традиционное» ИП («бумажные» и телевизионные СМИ), и киберпространство (cyberspace — Интернет, другие глобальные сети). На наш взгляд, именно киберпространство становится центральным сегментом ИП, куда переходят все больше СМИ, концентрируются глобальные потоки экономических и политических транзакций, социальных взаимодействий. Поэтому под ИП в данной работе мы будем понимать прежде всего киберпространство.

¹ Нурышев Г.Н. Информационная геополитика: теоретико-методологические вопросы // Геополитика и безопасность. 2010. № 3 (11). С. 37–38 ; Быков А. Информационная сущность геополитики // Космополис. 2008. № 3 (22). С. 26.

² Василенко И.А. Геополитика в информационном обществе: новые виртуальные стратегии в борьбе за пространство // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2005. № 6. С. 7.

³ Международные отношения в «новых политических пространствах» / под ред. А.Д. Богатурова. М., 2011. С. 169–191.

⁴ Мегатренды: Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке : учебник / под ред. Т.А. Шаклеиной, А.А. Байкова. М., 2013. С. 389.

⁵ Кириленко В.И. Информационное пространство как категория геополитики // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2012. № 2. С. 121.

⁶ Международные отношения в «новых политических пространствах». С. 169.

⁷ Быков А. Указ. соч. С. 26.

⁸ Socio-Technical Theory. URL: <http://www.istheory.yorku.ca/sociotechnicaltheory.htm> (дата обращения: 12.04.2013).

⁹ См.: Гриняев С.Н. Поле битвы — киберпространство: теория, приемы, средства, методы и системы ведения информационной войны. Мн., 2004 ; Манойло А.В. Государственная информационная политика в особых условиях. М., 2003 и др.

ИП виртуально и довольно трудно сопоставимо с более конкретным, физическим понятием «территория»¹⁰, что порождает актуальные для геополитики споры о значении географии и принципа территориальности, о связи виртуального и физического пространств.

С одной стороны, ИП мыслится как качественно новый феномен, к которому малоприменимы старые категории. Так, Дж. О'Тоал указывает на возникновение «третьей природы» геополитики: замену территориальности телеметричностью, государств — сетями. Пространство становится кибернетическим, а ландшафт — информационным¹¹. По С. Шпигелю, для высокотехнологичных «государств XXI века» физическая территория и география перестают играть существенную роль¹². М. Грэхем вообще предлагает отказаться от метафоры пространства как от не имеющей никакой связи с реальной сетевой архитектурой Интернета¹³. С отсутствием в ИП границ и территории согласны и некоторые отечественные исследователи¹⁴.

Подобная точка зрения оспаривается прежде всего географами (С. Брунн¹⁵,

М. Зук, М. Додж, Р. Китчин¹⁶). Так, М. Зук полагает, что Интернет не означает конца географии, а становится стимулом для развития «новых географий» взаимодействия людей и территорий в техническом, социальном, политическом, культурном, экономическом и других измерениях¹⁷.

Характер географии действительно меняется, но она по-прежнему важна для развития ИП, визуализации и понимания его взаимосвязи с реальным пространством. Во-первых, и инфраструктура, и акторы ИП обладают конкретным географическим положением. Во-вторых, вследствие «цифрового разрыва», по земному шару ИП распределено неравномерно. Наблюдается и обратная зависимость. Примеры «Twitter-революций» в Африке и на Ближнем Востоке, деятельность «Wikileaks» и т.п. демонстрируют все большее влияние ИП на реальное пространство. Представляется, что по мере расширения, эволюции, роста числа акторов ИП взаимосвязь двух пространств будет увеличиваться.

С проблемой неопределенности ИП связана дискуссия о роли и месте в нем государств. С одной стороны, «эрозия» суверенитета и «размывание» границ в реальном пространстве вследствие глобализации, интеграции и роста новых акторов, с другой стороны, кажущаяся безграничность и свобода киберпространства породили сомнения как в существовании государств как акторов ИП, так и в судьбе государственных границ, территории и суверенитета. Так,

¹⁰ Международные отношения в «новых политических пространствах». С. 44.

¹¹ О'Тоал Дж. Геополитика постмодерна? Геополитические представления модерна и за их пределами // Политическая наука. 2009. № 1. С. 208, 211.

¹² Spiegel S. Traditional space vs. Cyberspace: the changing role of geography in current international politics // Geopolitics. 2000. Vol. 5. № 3. P. 115–116, 121.

¹³ Graham M. Cyberspace. URL: <http://www.zero geography.net/2011/11/cyberspace.html> (дата обращения: 12.10.2013).

¹⁴ Манойло А.В. Указ. соч. С. 73; Кириленко В.И. Указ. соч. С. 121.

¹⁵ Brunn S. Towards an understanding of the geopolitics of cyberspace: learning, re-learning and un-learning // Geopolitics. 2000. Vol. 5. № 3. P. 144–149.

¹⁶ Dodge M., Kitchin R. Mapping cyberspace. London — New York, 2001.

¹⁷ Zook M. The geographies of the Internet // Annual Review of Information Science and Technology. 2006. Vol. 40. Issue 1. P. 52–64.

еще в 1996 г. Дж. Барлоу в «Декларации независимости киберпространства» заявлял, что киберпространство находится вне суверенитета и границ любого государства¹⁸.

Однако все больше исследователей указывают на важную, если не определяющую роль государств в ИП. Как указывал М. Кастельс, в условиях «сетевого общества» и его «созидательного хаоса» именно правительства ответственны за регулирование информационных потоков¹⁹. Не исчезает из научного дискурса и концепт суверенитета, как «информационный»,²⁰ «сетевой»,²¹ «цифровой» суверенитет — «высшая власть установления порядка информационной коммуникации внутри государства, равное и независимое право государств создавать, передавать и использовать информацию без вмешательства извне»²². По мнению В. Гонга, данный тип суверенитета изменчив и отличается относительностью, открытостью, прогрессивностью и прагматизмом взамен абсолютного, закрытого, оборонительного и риторического характера классического суверенитета²³.

В действительности подтверждается, скорее, вторая точка зрения. Несмотря на то что в ИП негосударственные акторы (от СМИ до индивидов) вполне успешно конкурируют с государствами,

последние все активнее осваивают ИП как акторы и его главные регуляторы.

Многие страны пытаются связать физическое и виртуальное пространства, активно используя категории суверенитета и территории, хотя их подходы могут отличаться. Так, в КНДР доступ в Интернет крайне ограничен и включает лишь «одобренные» сайты, а инфраструктура поддерживается северокорейским программным обеспечением²⁴. Политика КНР, известная как «Великая Китайская Интернет-стена» (Great China Firewall), сочетает в себе массовое распространение Интернета с одновременной жесткой цензурой и блокированием доступа к сайтам²⁵. Российский вариант «цифрового суверенитета» включает противодействие иностранным спецслужбам, защиту информации и создание отечественного программного обеспечения²⁶. При этом РФ активно продвигает государство-центричный подход как принцип создания новых международно-правовых норм в рамках ООН, ШОС и БРИКС²⁷. Здесь показате-

²⁴ Северная Корея: Интернет в самой закрытой в мире стране. URL: <http://www.bfm.ru/news/202019?doctype=article> (дата обращения: 12.10.2013).

²⁵ См. подробнее: Ибрагимова Г. Стратегия КНР в области управления интернетом и обеспечения информационной безопасности // Индекс безопасности. 2013. № 1 (104). Т. 19. С. 169–184.

²⁶ Железняк — о путях обеспечения цифрового суверенитета России. URL: <http://er.ru/news/2013/6/19/zheleznyak-o-putyah-obespecheniya-cifrovogo-suvereniteta-rossii/> (дата обращения: 12.10.2013).

²⁷ Инновационные направления современных международных отношений / под ред. А.В. Крутских и А.В. Бирюкова. М., 2010. С. 131; Декларация, принятая по итогам саммита БРИКС. г. Санья, о. Хайнань, Китай, 14.04.2011. URL: <http://www.mid.ru/brics.nsf/WEBdocBric/9AF718AA83D590FAC32578720022EB1A> (дата обращения: 16.03.2013); Заявление глав государств — членов ШОС по международной информационной безопасности. Шанхай,

¹⁸ Barlow J.P. A Declaration of the Independence of Cyberspace. URL: <https://projects.eff.org/~barlow/Declaration-Final.html> (дата обращения: 12.10.2013).

¹⁹ Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М., 2004. С. 134–135.

²⁰ Gong W. Information Sovereignty Reviewed // Intercultural Communication Studies. 2005. № 1.

²¹ Шарифов М.Ш. Суверенная власть в киберпространстве и в сетевом пространстве // Современное право. 2009. № 6. С. 44.

²² Gong W. Op. cit. P. 11.

²³ Ibid. P. 15.

лен пример российского проекта Конвенции о международной информационной безопасности, в которой говорится о суверенном равенстве государств в ИП, при этом суверенитет распространяется «на информационную инфраструктуру, расположенную на территории государства-участника или иным образом находящуюся под его юрисдикцией»²⁸.

В США и Европе отношение к суверенитету может иллюстрировать «Таллинское руководство по применению международного права к кибервойнам». В нем указывается, что существующее международное право, основанное на территориальности, применимо и к киберпространству, следовательно, государство обладает суверенитетом и юрисдикцией над инфраструктурой, расположенной на его территории²⁹. Однако далее следуют отличия от подходов, описанных нами выше. Во-первых, на Западе не считают необходимым создание новых международно-правовых режимов, так как ИП поддается регулированию и в рамках традиционных норм³⁰. Во-вторых, суверенитет рассматривается применительно лишь к инфраструктуре, поскольку нарушением суверенитета можно считать деятельность, не влекущую причинение физического ущерба (т.е. информационно-психологическую, шпионаж и т.п.)³¹.

В-третьих, суверенитет воспринимается не как «огораживание» или полный контроль государства, а скорее как принцип определения юрисдикции и международной ответственности. Это соответствует принятому в США и ЕС «многостороннему подходу» (multi-stakeholder approach)³², положениям об открытости, свободе ИП³³ как пространстве, управляемом «множеством людей и заинтересованных сторон»³⁴.

Разница в подходах может объясняться различными факторами: политическими, технологическими, экономическими. С этой точки зрения жесткий характер суверенитета будет характерен, скорее, для закрытых, авторитарных, «государств XIX и XX века» (в терминах С. Шпигеля), чья технологическая инфраструктура либо недостаточно развита, либо находится под контролем государства. Наоборот, для демократических, открытых и высокотехнологичных стран с развитым негосударственным сектором вопрос суверенитета в ИП не ставится, да и государственный кон-

15.06.2006. URL: <http://www.sectco.org/RU/show.asp?id=107> (дата обращения: 14.03.2013).

²⁸ Конвенция об обеспечении международной информационной безопасности (концепция). URL: http://www.pircenter.org/kosdata/page_doc/p2728_1.pdf (дата обращения: 12.10.2013).

²⁹ Tallinn manual on the international law applicable to cyber warfare / ed. M.S. Schmitt New York, 2013. P. 25, 71.

³⁰ Черненко Е. Виртуальный фронт // Коммерсантъ Власть. 2013. № 20 (1025). С. 14.

³¹ Tallinn manual... P. 25.

³² A strategy for a Secure Information Society — Dialogue, partnership and empowerment. Communication from the Commission to the Council, the European Parliament, the European economic and social Committee and the Committee of the Regions. Brussels, 2006. URL: http://ec.europa.eu/information_society/doc/com2006251.pdf (дата обращения: 3.02.2013). P. 7–9.

³³ United States of America International Strategy for Cyberspace: Prosperity, Security, and Openness in a Networked World. May 2011. URL: http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/rss_viewer/international_strategy_for_cyberspace.pdf (дата обращения: 12.10.2013). P. 5–7 ; Digital Agenda for Europe. URL: <http://ec.europa.eu/digital-agenda/en/our-goals/international> (дата обращения: 12.10.2013).

³⁴ Демидов О. Обеспечение международной информационной безопасности и российские национальные интересы // Индекс безопасности. 2013. № 1 (104). Т. 19. С. 136.

троль в полной мере в них едва ли осуществим.

Так или иначе концепт «суверенитет» важен для понимания других важнейших и взаимосвязанных трендов — милитаризации и секьюритизации ИП. Так, И. Панарин определяет геополитическое информационное противоборство как систему мер, «проводимых одним государством с целью нарушения информационной безопасности другого государства, при одновременной защите от аналогичных действий со стороны противостоящего государства»³⁵. Модель кибервоенного потенциала Р. Кларка также включает «защиту» и «нападение», потенциал которых во многом определяется «независимостью», которая отчасти соответствует понятию «информационный суверенитет». Кларк указывает на парадокс: чем менее развито ИП страны, тем больше ее независимость и устойчивость к угрозам³⁶. Однако очевидно, что информационное превосходство государства прямо пропорционально его включенности в информационные процессы. Данная дилемма заставляет государства искать оптимальные и сбалансированные варианты своего «цифрового суверенитета», силы и безопасности.

Стоит отметить, что война в ИП перестает рассматриваться лишь в терминах «информационно-психологической войны» или «мягкой силы», как «оружие массовых разрушений» (weapons of mass disruption)³⁷. Современные кибервойны могут приводить к серьезным послед-

ствиям в реальности³⁸, что доказывает усиление взаимосвязи ИП и физического пространства и объясняет повышенное внимание со стороны государств.

Акторство государств выражается не только в переделе пространства, но в сотрудничестве. Несмотря на различия подходов, идет формирование режимов международной информационной безопасности в рамках ООН, Совета Европы³⁹ и других организаций, «дипломатизация» глобального управления Интернетом⁴⁰. Набирает обороты «цифровая дипломатия» — использование новых технологий для решения дипломатических задач⁴¹. «Дипломаты» в ИП начинают играть не меньшую роль, чем «солдаты».

Таким образом, ИП как новое (гео)политическое пространство оказывает все большее влияние на мировые процессы. Несмотря на особую природу ИП, его связь с физическим пространством усиливается, при этом государства все активнее позиционируют себя как ведущие акторы ИП. Хотя подходы отличаются, в целом ИП воспринимается в

³⁸ Кларк Р., Нейк Р. Указ. соч. С. 136.

³⁹ См. подробнее: Maurer T. Cyber norm emergence at the United Nations. 2011. URL: <http://www.un.org/en/ecosoc/cybersecurity/maurer-cyber-norm-dp-2011-11.pdf> (дата обращения: 14.02.2013); Tikk. E. Developments in the field of information and telecommunication in the context of international security: Work of the UN First Committee 1998–2012. 2012. URL: <http://ict4peace.org/wp-content/uploads/2012/08/Eneken-GGE-2012-Brief.pdf> (дата обращения: 3.02.2013); Vatis M.A. The Council of Europe Convention on Cybercrime. URL: <http://cs.brown.edu/courses/csci1950-p/sources/lec16/Vatis.pdf> (дата обращения: 15.02.2013).

⁴⁰ Курбалия И. Управление Интернетом. М., 2010. С. 166.

⁴¹ Пермякова А. Цифровая дипломатия: направления работы, риски и инструменты. 2012. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=862#top (дата обращения: 10.10.2013).

³⁵ Панарин И. Информационная война и геополитика. М., 2006. С. 173.

³⁶ Кларк Р., Нейк Р. Третья мировая война: какой она будет? СПб., 2011. С. 182.

³⁷ Гриняев С.Н. Указ. соч. С. 97.

традиционных категориях суверенитета, границ и территории. Государства выступают катализаторами взаимосвязанных процессов милитаризации, секьюритизации и дипломатизации ИП, характерных и для других пространств.

Усиление данных тенденций и включение большего числа стран приводит к новым формам сотрудничества и конфликтов, что нуждается в пристальном внимании и анализе со стороны научного сообщества.

Информационное пространство как новое (гео)политическое пространство: роль и место государств

Кабанов Юрий Андреевич, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, отделение прикладной политологии, студент
E-mail: kabanov_igud@mail.ru

Аннотация. Информационное пространство как новое (гео)политическое пространство оказывает все большее влияние на мировые процессы. Несмотря на особую природу информационного пространства, его связь с физическим пространством усиливается, при этом государства все активнее позиционируют себя как ведущие акторы информационного пространства. Хотя подходы отличаются, в целом информационное пространство воспринимается в традиционных категориях суверенитета, границ и территории. Государства выступают катализаторами взаимосвязанных процессов милитаризации, секьюритизации и дипломатизации информационного пространства, характерных и для других пространств. Усиление данных тенденций и включение большего числа стран приводит к новым формам сотрудничества и конфликтов, что нуждается в пристальном внимании и анализе со стороны научного сообщества.

Ключевые слова: информационное пространство, киберпространство, геополитика, суверенитет, актор, государство.

Information Space as a New (Geo)Political Space: The States' Role and Place

Kabanov Yuriy Andreevich, National Research University "Higher School of Economics" in St. Petersburg, Department of Applied Political Science, Student
E-mail: kabanov_igud@mail.ru

Abstract. Information space as a new (geo)political space exerts an increasingly higher influence on the global processes. Despite its specific nature, its connection with physical space is growing, furthermore, the states describe themselves as leading actors of information space more actively. Although the approaches differ from one another, information space is being generally perceived in the traditional categories of sovereignty, borders and territory. The states serve as accelerators of interrelated processes of militarization, securitization and diplomatization of information space, which are typical for other spaces. Strengthening such tendencies and including a greater number of countries lead to new forms of cooperation and conflicts.

Key words: information space, cyberspace, geopolitics, sovereignty, actor, state.

СОЦИАЛЬНЫЕ МЕДИА В СОВРЕМЕННЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ

Пипченко Н.А.

Появление социальных медиа привело к формированию современных форм внешнеполитической коммуникации, которая трансформирует современную систему международных отношений, влияет на деятельность государственных институтов, формирует представления и отношение к стране в целом. Дипломатические учреждения также активно используют сетевые возможности для общения с внутренней и внешней аудиторией в режиме онлайн с целью формирования чувства причастности гражданина к внешнеполитическим шагам государства. Через создание пользовательских профилей в различных социальных сетях МИД и дипломатические миссии «рассказывают» о своей деятельности, формируют отношение к внешней политике государства, оказывают влияние на сознание целевых групп (создание ощущения «мое мнение является определяющим»), а также социальные сети способствуют обмену информацией между общественностью и государственными учреждениями.

В 2008 г. на конференции «Потенциальное влияние инструментов социальных сетей на борьбу с терроризмом и правительственными репрессиями, на примере Facebook» (г. Нью-Йорк, США) появляется термин «дипломатия Facebook» как особый вид дипломатической деятельности, связанный с потенциалом «мягкой силы». Эксперты пришли к заключению, что использование инструментов социальных медиа

можно эффективно преодолеть проблемы терроризма в мире, повысить уровень открытости общества, противостоять распространению негативной информации о деятельности правительственных учреждений. Такой вид дипломатии рассматривается американскими исследователями как гибрид публичной или общественной дипломатии, аналогично можно сравнить с другими социальными платформами, такими как Twitter («Twitter дипломатия»), Google («Google дипломатия») и другие [1].

Примером использования социальной сети Facebook в борьбе с экстремистскими группировками является организация широкомасштабных демонстраций в Колумбии против левых партизан FARC с помощью сети Интернет (февраль 2010 г.). Государственный департамент США также активно использует социальную сеть Twitter для общения с общественностью, в частности, дипломатические учреждения страны уже несколько лет создают собственные профили в различных социальных медиа для поддержания связи с различными целевыми группами [2; 3]. Эффективность распространения информации через подобные каналы демонстрирует исследование компании Sysomos, например, с 1,2 миллиарда записей на «Twitter», всего 29% привели к немедленному ответу на сообщение или его дальнейшей пересылке, при этом лишь 6% всех новых сообщений являются пересылкой чужих «новостей». Также в хо-

де исследования установлено, что более 97% обмена сообщениями происходит в первый час после появления оригинального сообщения [4].

Компания CNN также проанализировала каналы распространения новостей международными читателями. В результате исследования было установлено, что 43% новостей распространяются через социальные медиа, включая Facebook, Twitter, MySpace и YouTube. Среди других каналов распространения новостного контента электронная почта — 30%, SMS — 15% и мгновенные сообщения через систему ICQ. При этом лишь 27% пользователей распространяют 87% всех новостей, также существуют региональные особенности, в частности, лица, проживающие в Северной Америке и Европе, распространяют новости, которые они считают интересными, тогда как жители Азиатско-Тихоокеанского региона делятся историями, которые укрепляют их верования и позволяют выделить себя среди других пользователей [5]. Таким образом, современные медийные платформы разработаны для удовлетворения личностных потребностей самовыражения, потому что за пирамидой Г. Маслоу самовыражение является самой потребностью человека, опережая признание и общение. Социальные медиа стали технической и социальной основой создания своего виртуального «Я», каждый желающий получил возможность не просто общаться и творить, но и делиться своим опытом и достижениями с многомиллионной аудиторией.

В Украине также активно развиваются различные социальные медиа как составляющая не только личной, но и политической жизни. Хотя преимущественно неправительственные организации создают

профили в различных социальных сетях и общаются с разными целевыми группами, привлекая их к своей «не виртуальной» деятельности. Например, в апреле 2009 г. открылась украинская политическая социальная сеть politiko.com.ua, в которой созданы условия для политической и общественной деятельности в режиме онлайн: общение в группах, ведение блога, дискуссия на дебатах, высказывание полезных идей, возможность оценить деятельность партий и политиков. На портале каждый желающий может зарегистрировать собственный профиль, который позволит ему выражать мнения о действиях политиков, искать единомышленников. С середины 2000-х годов действует форум Министерства финансов Украины (<http://forum.minfin.gov.ua/index.php>), на котором после регистрации можно обсуждать различные экономические темы по рубрикам «новости» (опровержение, официальные мероприятия, важная информация), «ответы и вопросы», «точка зрения». Со времени своего существования на форуме зарегистрировались 753 участника, которые в целом обсудили более 300 актуальных тем. В 2010 г. заработали аккаунты МИД Украины на Facebook, Twitter и YouTube.

Однако социальные медиа и их влияние на внутреннюю и внешнюю политику государства нельзя оценить однозначно положительно, существует перечень реальных угроз, с которыми может столкнуться политическая власть любой страны мира, а именно:

- использование социальных сетей для популяризации не только идей мира и безопасности, но и для объединения лиц с экстремистскими взглядами (мобилизация и организация этнических конфликтов или террористических атак);

— соблюдение безопасности защиты персональных данных в социальных сетях является не совершенным, несмотря на встроенные возможности защиты собственного профиля от «нежелательных гостей»;

— нарушение авторских прав на контент, размещенный в социальных сетях (не ограничено распространение аудио- и видеоинформации);

— распространение информации в социальных сетях и создание групп по интересам позволяют распространять мгновенно сообщения, дискредитирующие политическую власть государства, или наоборот, поддерживают решительные шаги правительства (при этом сложно предсказать «силу» обратной связи);

— «вмешательство» во внутренние дела государства неправительственными организациями или отдельными ли-

цами достаточно легко скрыть с помощью создания профиля в социальной сети и размещение на нем комментариев для политической элиты или правящей власти (с помощью подобной активной виртуальной деятельности можно осуществлять давление на правительственные институты власти).

Социальные медиа как инструмент внешнеполитической коммуникации позволяют не только информировать об успехах и достижениях государственных институтов, но и осуществлять «максимально скрытое манипулирование» общественным мнением для давления на органы власти или организации различных выступлений. Сейчас исследователи могут лишь описать феномен «социальные медиа», но прогнозировать его развитие, а следовательно, и управлять этим процессом нелегко.

Литература

1. Brown R. Diplomacy, Public Diplomacy and Social Networks // Institute of Communications Studies, University of Leeds. February 2010, New Orleans [Электронный ресурс]. URL: http://www.allacademic.com/meta/p_mla_apa_research_citation/4/1/3/0/7/pages413076/p413076-1.php
2. Facebook diplomacy [Электронный ресурс]. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Facebook_diplomacy
3. Facebook diplomacy: peace may be just a click away [Электронный ресурс]. URL: http://www.enews.mafacebook-diplomacy_i110442_7.html
4. Cheng A., Evans M. An In-Depth Look Inside the Twitter World / By Sysomos Inc. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sysomos.com/insidetwitter/>
5. Васильев А. CNN: 43% новостей передается по социальным медиа [Электронный ресурс]. URL: <http://www.publiciti.ru/ru/news/1cnn-43-novostei-peredaetsya-po-sotsialnym-media11>
6. В Україні відкривається політична соціальна мережа «Politiko» [Электронный ресурс]. URL: <http://novynar.com.ua/politics/63764>

Социальные медиа в современных геополитических процессах

Пипченко Наталья Александровна, Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко, Институт международных отношений, кафедра международной информации, доцент, кандидат политических наук
E-mail: nataliyapo@gmail.com

***Аннотация.** Появление социальных медиа привело к формированию современных форм внешнеполитической коммуникации, которая трансформирует современную систему*

международных отношений, влияет на деятельность государственных институтов, формирует представления и отношение к стране в целом. Социальные медиа как инструмент внешнеполитической коммуникации позволяют не только информировать об успехах и достижениях государственных институтов, но и осуществлять «максимально скрытое манипулирование» общественным мнением для давления на органы власти или организации различных выступлений.

Ключевые слова: социальные медиа, внешнеполитический процесс, имидж государства.

Social Media in Contemporary Geopolitical Processes

Pipchenko Natalia Aleksandrovna, Taras Shevchenko Kiev National University, Institute of International Relations, Department of International Information, Associate Professor, PhD
E-mail: nataliyapo@gmail.com

Abstract. Social media emerging has led to shaping contemporary forms of foreign policy communication, transforming the contemporary system of international relations. It impacts the activity of state institutions, shapes state image and attitudes to a country in general. Social media as an instrument of foreign policy communication make possible not only informing about state's successes and achievements, but public opinion concealed manipulating to press on the government bodies or to organize various presentations.

Key words: social media, foreign policy, state image.

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ФАКТОР В ДИНАМИКЕ СОВРЕМЕННЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Виловатых А.В.

Роль информации, в частности ее целевого применения, возрастает: отрабатывается мастерство манипуляций информацией, появляются концепции ведения информационных войн, совершенствуется информационное оружие. Последствия информатизации оказывают значительное влияние на функционирование общественных организмов, что влечет конструирование социальных и политических технологий деформации окружающего мира. В развитии геополитических процессов данные технологии зачастую приобретают ведущее значение: системы ценностей легко выстраиваются и так же легко рушатся в соответствии с целями субъектов управления. В условиях активизации целенаправленных попыток трансформации геополитической картины мира стремительно возрастает проблема значимости межнациональных, межрелигиозных, межэтнических отношений, поскольку в турбулентной социальной реальности традиционные устои преобразуются, приобретают непредсказуемые, новые черты и формы. Социокультурные ценности стали активно использоваться как предмет манипуляций, которые, в частности, инициируются в социальных сетях, что порождает геополитические процессы, функционирующие как особые формы международной напряженности, искусственно разжигаемые до уровня исламофобии, ксенофобии и антисемитизма, в результате чего региональные проблемы раздуваются до

уровня глобальных. Все это влечет определенные бенефиции субъектам, профинансировавшим искажение.

В свете обозначенной мысли представляется важным учитывать тенденцию вмешательства во внутренние дела государств внешних субъектов управления. Сегодня активизирована работа по созданию иницируемых и управляемых извне противоречий и конфликтов для последующего инициирования и обоснования легитимных действий в форме силового вмешательства. В настоящее время геополитическое пространство «переформатируется», учитывая ситуацию на Ближнем Востоке и в странах Северной Африки, процесс подпитки антигосударственных идей, как идеологически, так и материально, ведется постоянно со стороны неправительственных и даже государственных структур при определенной поддержке спецслужб. Процессы дестабилизации геополитической реальности, обусловленные внешними игроками, В.В. Путин назвал «ракетно-бомбовой демократией»¹. Представляется, что стремление «внедрить» демократию в таких случаях находит отражение в серьезных потерях нации — в культурном, территориальном, экономическом пространствах. Проблема заключается и в том, что неоднозначность такой демократии ставит вопрос о ее общечеловеческой ценности.

¹ См.: Путин В.В. Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://xn--d1abbgf6aiiy.xn--p1ai/news/17118>

Однако любые значительные изменения в социальной, политической, экономической системах будут эффективны при условии, если это результат естественного исторического развития. Автор полагает, что фундаментом геополитической мощи государства от внешнего вмешательства в данном случае может являться социально-психологическая сила нации, базирующаяся на сплоченности, самоидентификации, понимании своего исторического прошлого, чувстве патриотизма и гражданской ответственности.

На основании данных фактов автор полагает, что применение современных информационно-телекоммуникационных технологий в попытках (большой частью успешных) трансформации геополитического пространства необходимо изучать с позиций международного развития. Интернету присущ трансграничный характер, поэтому действия участников Сети должны рассматриваться через призму международно-правовых норм, которые на современном этапе еще не выработаны. Если для государства характерно наличие четко установленных границ, в рамках которых осуществляется его юрисдикция, то в ходе формирования глобального информационного общества эти границы размываются и переходят в разряд условных.

Поэтому одной из задач, стоящих перед современной политологией как научным инструментом в ракурсе построения эффективной системы государственной власти, является разработка теоретического и практического инструментария для урегулирования взаимоотношений участников информационных отношений как внутри государства, так и за его пределами.

Итак, роль информационного фактора в трансформации геополитической обстановки видится как явление, требующее внимания научного и экспертного сообществ, поскольку влияние, которое оказывают внешние субъекты в угоду своим политическим предпочтениям, формирует векторы общественно-политического развития государства. Автор полагает, что турбулентность современного мира основывается на технологиях управления социальной действительностью, что требует принципиально новой методологии в оценке и прогнозировании геополитических процессов. Сегодня имеет смысл говорить об информационном факторе геополитической динамики, который формирует новое качество геополитического пространства. При недостаточном внимании к данной проблеме оказывается под угрозой национальная безопасность России.

Информационный фактор в динамике современных геополитических процессов

Вилловых Анна Вячеславовна, Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, преподаватель кафедры социологии, руководитель военно-научного общества социологов
E-mail: vilkavulkan@yandex.ru

Аннотация. Роль информационного фактора в трансформации геополитической обстановки видится как явление, требующее внимания научного и экспертного сообществ, по-

сколько влияние, которое оказывают внешние субъекты в угоду своим политическим предпочтениям, формирует векторы общественно-политического развития государства. Турбулентность современного мира основывается на технологиях управления социальной действительностью, что требует принципиально новой методологии в оценке и прогнозировании геополитических процессов. Сегодня имеет смысл говорить об информационном факторе геополитической динамики, который формирует новое качество геополитического пространства.

Ключевые слова: информационный фактор, геополитическая обстановка, информационные технологии, национальная безопасность.

Information Factor in the Dynamics of Contemporary Geopolitical Processes

Vilovatykh Anna Vyacheslavovna, Military University of the Russian Ministry of Defense, Assistant Professor at the Department of Sociology, Chair of Military and Scientific Society of Sociologists
E-mail: vilkavulkan@yandex.ru

Abstract. *The role of information in shaping geopolitical situation needs a greater academic attention, because the influence of external actors in favour of their political preferences forms the vectors of state development. Modern world's turbulence is based on technologies of managing social reality. It requires a principally new methodology in evaluating and forecasting geopolitical processes. Nowadays it makes sense to speak of information factor of geopolitical dynamics, which shapes a new quality of geopolitical space.*

Key words: *information factor, geopolitical situation, information technology, national security.*

УГРОЗЫ БЕЗОПАСНОСТИ УКРАИНЫ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Братина Д.Н.

Украинское информационное пространство формируется в сложных условиях, вызванных как трудностями внутреннего характера государственного строительства, так и мощным воздействием внешних факторов. Прежде всего это касается асимметрии информационных потоков: речь идет о мощном информационном воздействии стран-соседей на национальное информационное пространство и отсутствии адекватных информационных потоков из Украины на зарубежные сообщества. По данным аналитических исследований, в Украине около 80% эфирного времени телетрансляций заполнено продуктом неукраинского происхождения.

Важным достижением информационной политики нашего государства стало утверждение в 2009 г. Доктрины национальной безопасности Украины. Основной целью реализации положений Доктрины является создание в Украине развитого информационного пространства, обеспечение информационного суверенитета государства, обеспечение экономического и научно-технологического развития Украины, формирование положительного имиджа Украины, интеграция Украины в мировое информационное пространство [1]. В отдельных положениях Доктрины изложены реальные и потенциальные угрозы информационной безопасности Украины, среди которых: информационная экспансия иностранных государств (увеличение присутствия иностранных СМИ в ин-

формационном пространстве Украины, рост количества отечественных СМИ, которые принадлежат иностранным собственникам, противоправный сбор, получение, использование и распространение информации с целью дискредитации международного имиджа Украины, провокации с целью обострения внутренних противоречий и напряжения в обществе); мероприятия иностранных государств относительно радиоэлектронного влияния и радиоэлектронного подавления средств массовой информации в Украине, развязывание противостояния в информационно-компьютерных сетях (нарушение эффективности функционирования средств телевидения и радиовещания, особенно в пограничных районах страны, целенаправленное распространение компьютерных вирусов и специальных программ перехвата информации в глобальных и локальных компьютерных сетях и т.п.). Следует отметить, что, несмотря на актуальность информационной составляющей национальной безопасности Украины, сегодня в отечественном законодательстве отсутствует норма, которая бы содержала четкую дефиницию понятия *информационная безопасность*. Так, Закон Украины «Об основах национальной безопасности Украины» (2003), Доктрина информационной безопасности Украины (2009) и другие базовые нормативно-правовые акты в сфере информационных отношений юридически не закрепляют названное понятие.

Единственное полное определение понятия «информационная безопасность» содержится в Законе Украины «Об основных принципах развития информационного общества в Украине на 2007–2015 годы», где указано, что это — состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства, которое предотвращает причинение вреда вследствие неполноты, несвоевременности и недостоверности используемой информации; негативного информационного влияния; негативных последствий применения информационных технологий; несанкционированного распространения, использования и нарушения целостности, конфиденциальности и доступности информации (ч. III, п. 13) [2].

Актуальной проблематике информационного пространства Украины посвящено немало научных трудов отечественных исследователей. В частности, следует назвать прежде всего фундаментальные монографии Г.Г. Почепцова, Е.А. Макаренко, Е.В. Зернецкой, Н.А. Ожевана, В.М. Бебика, А. Литвиненко. Отдельных аспектов темы касались в своих работах молодые украинские ученые А. Андреева, Д. Дубов, В. Парфенюк, А. Шинкарук и др. В частности, исследователи отмечают существующие и потенциальные угрозы в отечественной информационной сфере: несбалансированность политико-правовой базы, отсутствие необходимой информационной инфраструктуры, проблемы вхождения украинского государства в мировое информационное пространство, внешняя информационная экспансия и т.д. [3].

Формирование национального информационного пространства связано

со многими проблемами как внутреннего, так и внешнего характера. Интересные аспекты информационной безопасности Украины затрагивает «Доклад СНБО Украины по вопросам обеспечения национальной безопасности в информационной сфере» [4].

Документ обращает внимание на потенциал и эффективность информационной экспансии других государств, способной деструктивно влиять на формирование общественного мнения в Украине и дестабилизировать внутреннюю ситуацию. Было отмечено, что отдельные части территории государства, особенно пограничные, недостижимы для отечественных вещателей, поскольку находятся под информационным влиянием соседних стран. Это предопределяет распространение в информационном пространстве Украины и на международном уровне тенденциозного освещения внутривнутриполитических процессов и внешнеполитических акций государства.

Кабельными сетями распространяются программы многих иностранных телекомпаний. В частности, в эфире западного региона Украины (на границе установлено шесть иностранных мощных теле- и радиопередатчиков) активно присутствуют польские, венгерские, румынские телерадиокомпании. В Закарпатье свободно распространяют свои информационные продукты, фактически вне конкуренции, 83 радиостанции трех соседних стран — Словакии, Польши и Венгрии. Возможность приема государственных украинских телерадиопрограмм на территории Российской Федерации значительно меньше, чем российских программ на Востоке Украины из-за отсутствия адекватной мощной технической базы для распространения

украинских телерадиопрограмм в РФ. Присутствие «Голоса России» и радиоконпании «Содружество», транслируемых Концерном РРТ, в информационном пространстве Украины как по объемам вещания, так и по мощности сети в несколько раз превышает наличие в эфире программ украинского государственного радиовещания [3, с. 118].

Асимметрия информационных потоков не в пользу Украины усилилась в связи с ликвидацией в 1990-х годах Быковнянского радиопередающего центра, передатчики которого работали на Западную Европу, юго-запад Африки и Западную Европу, запад и центр России. На повестке дня полное закрытие Броварского радицентра, отдельные передатчики которого транслировали программы Национальной радиоконпании Украины. 12 июня 2013 г. была демонтирована 180-метровая вышка передающего центра в Броварах (раньше использовалась для СВ-вещания; до 1 января 2013 г. транслировалась единственная оставшаяся радиостанция «Проминь» на 549 кГц). До 1988 г. броварские радисты глушили все «вражеские» тогдашней общественной системе голоса. Среди них были — «Голос Америки», «Радио Свобода», «Радио Би-Би-Си», «Немецкая волна», «Свободная Европа» и другие ведущие международные радиостанции. (В 90-е годы упомянутые станции предоставляли услуги распространения ранее запрещенных программ.) Остановлена также работа передатчика Львовского РТПЦ, который работал на юго-восток Африки и Австралии с объемом вещания 2 часа в сутки, мощностью 1000 кВт и охватывал США, Великобританию, Францию с объемом вещания 5 часов/сутки и восток и юг Южной Америки — 6 часов/

сутки; не работают передатчики Николаевского РЦ, осуществлявшие трансляцию на восток Канады и США с объемом вещания 24 часа сутки, мощностью 1000 кВт [3, с. 118].

Вещание за границу с помощью мощных радиопередатчиков — затратная отрасль, она требует миллионы киловатт часов электроэнергии, дорогостоящих радиоламп и других материальных средств, которые сложно выделить из скромного украинского бюджета. Если до 1995 г. программы Всемирной службы радио Украины принимались практически в каждой точке земного шара, то сегодня радиус охвата национальными программами ограничен в десятки раз, и это уже — проблема национальной безопасности страны.

При этом необходимо отметить, что Украина выступает перманентно объектом информационного влияния, прежде всего Российской Федерации. Этому способствует языковой фактор — русский язык понимает более 90% населения Украины. В результате целенаправленной работы российской стороны на сегодняшний день в кабельных сетях Украины осуществляют ретрансляцию «Первый канал», «НТВ-мир» и другие. «Первый канал» имеет приоритет на российском ТВ в распространении критических высказываний и сюжетов в адрес украинской государственности, официального языка, граждан Украины. Так, в художественных фильмах производства РФ, которые демонстрируются на российских и украинских каналах ТВ, украинцы представлены в негативном образе. В фильме «Брат 2» персонажи неоднократно называют украинцев «хохлами», выражают в их адрес презрительные оскорбительные выражения.

В фильме «Матч» отрицательные герои почему-то разговаривают на украинском языке и носят желто-голубые повязки.

Следующим по значению средством влияния на широкие массы населения в государстве со стороны РФ является пресса, в частности газеты. Сегодня в Украине издаются общенациональные украинские версии российских изданий — «Комсомольская правда», «Коммерсантъ», «Известия», «Аргументы и факты» и других. Этот фактор используется в полной мере, ведь в информационной войне аналитический или развлекательный материал может иметь влияние на аудиторию не менее, чем прямая политическая реклама. При этом российский капитал входит не только в сферу телерадиовещания и печатных СМИ, но и в сегмент розничной продажи прессы, где создаются условия для вытеснения отечественной периодики в пользу российских и пророссийских изданий.

В качестве средства информационного воздействия широко используется Интернет. При этом применяются как имеющиеся, так и специально созданные интернет-ресурсы. Подавляющее большинство таких ресурсов расположено за пределами Украины на зарубежных серверах, сохраняя лишь принадлежность к украинскому сегменту глобальной сети (URL-адреса). Такие интернет-издания («Новый регион», «Регнум», «Провокация» и др.) популяризируют среди украинской аудитории идеи сепаратизма и несут элементы угрозы территориальной целостности государства. Политическое давление играет в данном спектре особую

роль: делается акцент только на минусах присоединения Украины к Зоне свободной торговли с Евросоюзом и плюсах — к Таможенному Союзу России, Белоруссии и Казахстана, аналогично односторонне освещаются историческая, экономическая и геостратегическая тематики. При этом к таким интернет-ресурсам невозможно применить правовые механизмы наказания в виду неопределенности в отечественном законодательстве правового статуса интернет-изданий и отсутствия механизмов государственного контроля над распространением информации с их использованием.

Существует реальная опасность преимущественного информационного влияния на Украину иностранных информационных центров. Тенденциозное освещение политических процессов зарубежными телерадиостанциями деформирует образ Украины как общества и государства, негативно влияет на международный авторитет и на защиту национальных интересов. Обеспечение эффективного присутствия Украины в мировом информационном пространстве требует таких действий со стороны государства в международной сфере: финансовая и правовая поддержка создания и распространения украиноязычной информационной продукции, распространение в мире отечественной культурно-художественной и печатной продукции, соблюдение принципов Европейской конвенции прав человека, международных документов в области межгосударственного информационного сотрудничества.

Литература

1. Доктрина інформаційної безпеки України (2009 р.). [Електронний ресурс]. URL: <http://zakon1.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=514%2F2009>.

2. Закон Украины «Об основных принципах развития информационного общества в Украине на 2007–2015 годы» № 537-V от 9 января 2007 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://zakon.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=537-16>.
3. Інформаційна політика України: європейський контекст : монографія / Л.В. Губерський, Є.Є. Камінський, Є.А. Макаренко. — К. : Либідь, 2007. 360 с.
4. Доклад Секретаря СНБОУ Р. Богатирьовой о вопросах обеспечения национальной безопасности в информационной сфере [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rainbow.gov.ua/news/662.html>

Угрозы безопасности Украины в информационном пространстве

Братина Дмитрий Николаевич, Институт мировой экономики и международных отношений Национальной академии наук Украины, соискатель
E-mail: dbratina87@gmail.com

Аннотация. Проведен анализ ситуации в информационном пространстве Украины и определены проблемы в сфере защиты национальной информационной безопасности. Прежде всего это касается асимметрии информационных потоков: большая часть национального информационного пространства заполнена продукцией неукраинского происхождения при отсутствии адекватных информационных потоков из Украины на зарубежные сообщества.

Ключевые слова: информационная безопасность, информационное пространство, информационное влияние.

Ukraine's Security Threats in Information Space

Bratina Dmitry Nikolaevich, Institute of World Economy and International Relations of the Ukrainian National Academy of Sciences, PhD Student
E-mail: dbratina87@gmail.com

Abstract. The article analyzes the situation in the information space of Ukraine and indicates problems in the protection of national information security. First of all, it concerns the asymmetry of information flow: a large part of national information space is filled with the non-Ukrainian information products and the adequate information flows from Ukraine to the foreign community are absent.

Key words: information security, information space, information influence.

РОЛЬ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРОСТРАНСТВА В ФОРМИРОВАНИИ ИДЕНТИЧНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКО-ЕВРОПЕЙСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ)

Окунев И.Ю.

В октябре 2013 г. наша исследовательская группа провела экспедицию в три города российско-европейского пограничья: Санкт-Петербург, Выборг и Кронштадт. В ходе исследования мы пытались ответить на вопрос, как приграничное положение влияет на идентичность людей, проживающих в данных городах. При этом мы исходили из аксиомы, что идентичность в той или иной мере способна влиять на политические процессы в данных городах. В частности, мы предполагаем, что разная идентичность (например, европейская, российская, финская, ингерманландская) определяет разницу в политической культуре и идеологических предпочтениях избирателей, что не может не отражаться на политическом процессе.

Тем не менее вопрос, как разные идентичности формируют разные политические практики, остался за скобками нашего исследования. Нам было важно показать, как пространство влияет на формирование таких идентичностей. Следуя традиционной логике геополитики, особое пространство должно было сформировать особый тип пространственной идентичности, который различался бы лишь своей интенсивностью в зависимости от интенсивности пространственного признака. Скажем, в пограничном пространстве российско-финской границы должен был сфор-

мироваться более европейский (или смешанный) тип пространственной идентичности. В таком случае степень пространственной идентичности Выборга, Кронштадта и Санкт-Петербурга отличалась бы лишь степенью влияния пограничного признака на их идентичность.

В ходе экспедиции мы решили проверить данный тезис. Нашей исходной гипотезой, почерпнутой из критической геополитики, было предположение, что само по себе пространство не рождает конкретную идентичность. Между собственно пространством и идентичностью в причинно-следственной цепочке находится дополнительно звено — интерпретация пространства. Любое пространство дает широкие возможности для интерпретаций, в том числе, противоположных. Если наша гипотеза верна, в схожем (пограничном в нашем случае) пространстве должны были родиться разные интерпретации такого пространства, которые должны были привести к разным идентичностям.

Для подтверждения нашей гипотезы мы выбрали города, расположенные в схожем пограничном пространстве (недалеко от российско-финской границы) — Санкт-Петербург, Выборг и Кронштадт. Мы решили использовать комплекс исследовательских методов:

- опрос на улице;

- глубинные интервью с представителями фокусной группы (работники музеев, информационных туристических офисов, продавцы сувенирной продукции);

- дискурс-анализ письменных источников (туристические путеводители, книги по краеведению, туристические сайты);

- сбор, систематизация и интерпретация символов города;

- статистический анализ географических элементов в названиях улиц и предприятиях города.

Подробные отчеты о применении различных методов, полученных результатах вы найдете в работах членов группы.

Общим итогом исследования можно считать подтвердившуюся гипотезу о важности интерпретации пространства в процессах формирования идентичности.

В ходе исследования было выявлено два типа признаков, подвергающихся интерпретации.

Первый тип включает признаки, которые интерпретировались по-разному в разных городах:

пограничность может интерпретироваться через барьерную функцию границы, ведущую к охранительной и традиционной идентичности города-крепости, стоящего на охране рубежей страны (Кронштадт) или через контактную функцию границы, ведущую к смешанной, поликультурной идентичности города-моста, связывающего территории по обе линии границы (Выборг, Санкт-Петербург);

периферийность может интерпретироваться как отсталость от центра, усиливающее присутствие общенациональной идентичности (Кронштадт, Санкт-Петербург) или как возможность формирования собственных локальных историй, дополняющих общенациональную идентичность (Выборг).

Второй тип включает признаки, которые либо участвуют, либо нет в формировании идентичности:

морское положение (интерпретируется в Санкт-Петербурге и Кронштадте и нет в Выборге);

близость к Европе (интерпретируется в Санкт-Петербурге и Выборге и нет в Кронштадте);

изоляция (интерпретируется как исключительность, требующая от страны особого отношения к территории, только в Кронштадте).

Таким образом, мы можем говорить об особом звене в цепочке формирования пространственной идентичности — интерпретации пространства (выражающемся в пространственных мифах, образах, воображении и представлениях). Данное звено оказывается ключевым, поскольку позволяет в одном и том же пространстве сформировать разные, вплоть до противоположных, идентичности. А это, в свою очередь, доказывает роль географических переменных в политических процессах не как детерминирующую, но лишь как обуславливающую, или, иными словами, задающую коридоры, вероятностные сценарии протекания таких процессов.

Роль интерпретации пространства в формировании идентичности (на примере российско-европейского пограничья)

Окунев Игорь Юрьевич, МГИМО (У) МИД России, факультет
политологии, кафедра сравнительной политологии, старший
преподаватель
E-mail: okunev_igor@yahoo.com

Аннотация. Исследование показало, как различные представления о пространстве на одной территории действуют в качестве промежуточных переменных между территориальными характеристиками и идентичностью местного населения.

Ключевые слова: пространство, идентичности, российско-европейское пограничье.

Role of Spatial Interpretations in Identity Imposing in Border Cities of EU-Russia

Okunev Igor Yurievich, Moscow State Institute
of International Relations (MGIMO University), School of Political Affairs,
Department of Comparative Politics, Assistant Professor
E-mail: okunev_igor@yahoo.com

Abstract. The study shows how different images of space on the same territory act as intermediate variables between objective territorial characteristics and citizens' identities. As the geographical position at the border of Russia provides the citizens with geopolitical alternatives to identify their location as a fortress defending the nation (as in the case of Kronstadt) or a bridge between cultures, the given study allows us to compare reasons for these geopolitical choices of inhabitants.

Key words: space, identity, EU-Russia borderlands.

ЕВРОПЕЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНАХ СЗФО (КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ)

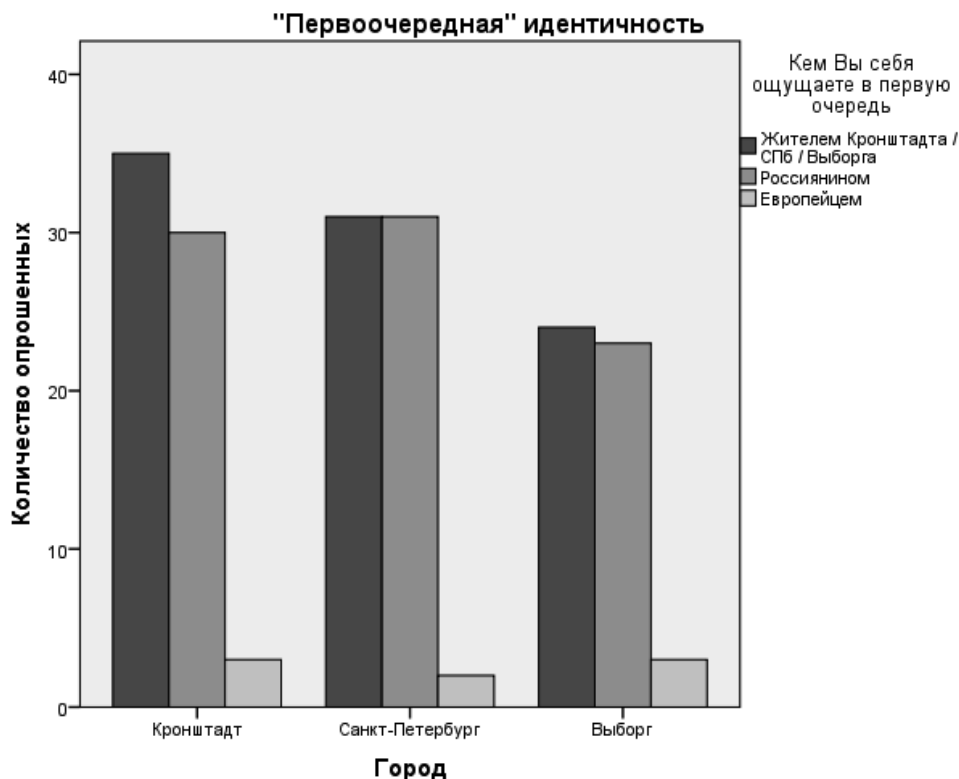
Доманов А.О.

Исследовательские вопросы: можно ли считать СПб «нашей заграницей»? Чувствуют ли себя выборжцы «на оккупированной территории»? Привязаны ли жители Кронштадта больше к своей местности, чем к России и Европе (что для них более важно)?

Описательная статистика

В первую очередь европейцами во всех трех городах себя ощущали 4,4% опрошенных (8 человек), россиянами — 46,2%, а локальная идентичность преобладала у 49,5% респондентов.

В этих городах были замечены значимые различия музыкальных предпочтений: в Санкт-Петербурге европейскую музыку слушали 47,3% опрошенных, в Кронштадте — 36,7%, а в Выборге — лишь 17% (значимость коэффициента Хи-квадрат .005). Значимо различалось и количество предпочитающих ездить в страны зарубежной Европы, но в этом случае последним оказался Кронштадт (31,3% против 50% в Выборге и 61,3% в Санкт-Петербурге, значимость .003). Видимо, это говорит об объективной географической изоляции Кронштадта.

Но поскольку вопрос касался предпочтений, а не реальных возможностей заграничных поездок, весьма вероятно и наличие психологии «осажденной крепости» (даже если бы была возможность, люди не хотели бы ехать за границу).

Анализ

Признаки, значимо связанные с упоминанием европейской идентичности или с расположением европейской идентичности. На первом месте среди идентичностей респондента оказались несколько признаков, можно объединить в три группы¹.

А. Любимые практики (предпочтения продуктов питания, товаров длительного пользования, музыки и поездок).

Установлена связь между предпочтением европейских продуктов питания и упоминанием европейской идентичности: европейцами себя считают покупатели российских продуктов и покупателей европейских продуктов (при этом значимость коэффициента Хи-квадрат .017).

Еще больше оснований говорить о связи этой практики с объявлением европейской идентичности своей главной идентичностью. Так, «европейцев» больше среди покупающих не российские, а европейские продукты питания (1,9% против 10,2%, при этом значимость еще более надежная: меньше .001).

Также замечена связь «первоочередной» европейской идентичности с

предпочтением товаров длительного пользования (1,9% против 5,8%) и музыкальными предпочтениями (2,9% и 9,1%). Но об этих зависимостях можно говорить с меньшей уверенностью (значимость хуже: по .077). Кроме того, люди могли не отличить европейские товары от товаров другого производства (просто импорта), а европейскую музыку — от американской (чаще всего такую ошибку, видимо, допускали люди с невысоким уровнем образования).

Была обнаружена интересная связь, которая может пролить свет на психологию «осажденной крепости», которую мы ожидали найти только в Кронштадте. Оказалось, что среди любителей европейских продуктов питания, товаров длительного пользования и музыки во всех трех городах увеличена доля не только людей с главной европейской идентичностью, но и с главной локальной идентичностью (63,3% против 39,8%, 54,8% против 40,4% и 52,7% против 43,8%). Возможно, чем больше практик связывает людей с зарубежной Европой, тем чаще они чувствуют себя обособленными от России, поэтому их главной идентичностью становится если не европейская, то локальная.

Продукты питания влияют и на упоминание евроидентичности (среди предпочитающих российские 61,3% европейцев, среди предпочитающих европейские — 87,5% при значимости 0,017).

Возможно, предпочтение ездить в страны зарубежной Европы также связано с объявлением европейской идентичности первой в списке (среди людей с такими предпочтениями в два раза больше «европейцев», чем среди предпочитающих ездить по России: 6,1% против 3,2%). Однако о такой связи пре-

¹ Учитывая размер выборки, статистически незначимый коэффициент обычно означает не отсутствие зависимости, а необходимость провести больше наблюдений.

Таблица 1. Сравнение доли людей с «первоочередной» европейской и локальной идентичностью в разных категориях

	Продукты питания		Товары длительного пользования		Музыка	
	россий-ские	европ.	россий-ские	европей-ские	росс.	евр.
Европейская идентичность	1,9%	10,2%	1,9%	5,8%	2,9%	9,1%
Локальная идентичность	39,8%	63,3%	40,4%	54,8%	43,8%	52,7%

Таблица 2. Корреляция «европейских» социальных практик (в скобках показан коэф. значимости p)

	Продукты пи-тания	Товары дли-тельного поль-зования	Музыка	Поездки
Товары длительного пользования	.51 (<.001)	1	.183 (.03)	.242 (.003)
Музыка	.243 (.004)	.183 (.03)	1	.163 (.042)
Поездки	Незначима	.242 (.003)	.163 (.042)	1

ждевременно говорить, анализируя такую маленькую выборку (видимо, именно из-за малого количества наблюдений значимость коэффициента Хи-квадрат составила .652).

Сами практики коррелируют между собой: если человек любит один вид «европейского», он с большой вероятностью полюбит и другой вид.

Однако попытки найти общий латентный фактор, который бы определял «европейский характер» этих практик, оказались не очень успешными: этот фактор объясняет изменения измеряемых переменных только на 20,34% (объясняет 20,34% дисперсии этих переменных). Однако нагрузки наилучшего «кандидата» на роль этого латентного фактора, выделенные методом максимального правдоподобия (maximum likelihood), выглядят неплохими (дру-

гими словами, значения этого латентного фактора довольно тесно коррелируют с наблюдаемыми переменными):

— предпочтение ездить в страны зарубежной Европы: 0.463;

— предпочтение покупать европейские товары длительного пользования: 0.522;

— предпочтение слушать европейскую музыку: 0.351.

Б. Когнитивная мобилизация² (в нашем случае — уровень образования и частота обсуждения событий в зарубежной Европе).

Уровень образования связан с «первоочередной» евроидентичностью: количество людей, поставивших европей-

² Термин Рональда Инглхарта: Inglehart R. Cognitive Mobilization and European Identity // Comparative Politics. 1970. № 3. Pp. 45–70.

скую идентичность на первое место, растет от 51,4% у людей с полным средним образованием до 72,4 у людей с высшим образованием (хотя значимость 0,197). Простое упоминание европейской идентичности и уровень образования коррелируют с коэффициентом 0.174 (значимость немного переходит 5-процентный порог: $p = .057$).

Европейская идентичность чаще упоминается теми, кто чаще обсуждает события в зарубежной Европе. Так, ее упоминают 56,5% респондентов, никогда не обсуждающих эти события, 64,9% респондентов, иногда обсуждающих эти события, и 70% часто обсуждающих. Однако значимость этих различий из-за размера выборки неудовлетворительна и составила .558.

В свою очередь, частота обсуждения событий в зарубежной Европе связана с наличием друзей или родственников в зарубежной Европе (коэффициент корреляции 0.112 при значимости 0.129, которая могла быть более приемлемой, если бы наблюдений было больше), а также с уровнем образования (коэффициент корреляции 0.156 при значимости 0.034).

В. Доверие власти.

Выявленные связи европейской идентичности с доверием федеральной власти наиболее неожиданны. Можно было ожидать, что на Европу обращен взор тех людей, которые не хотели бы жить при нынешней российской власти (наподобие русских эмигрантов в европейские страны 1990-х годов). Однако по результатам опроса среди не-

доверяющих власти больше людей, поставивших на первое место локальную и европейскую идентичность, чем среди доверяющих: соответственно 41,8% и 50% людей с локальной и 1,8% против 6,2% людей с европейской идентичностью. Однако нельзя говорить о том, что зависимость между доверием и идентичностью точно присутствует, поскольку эта зависимость не вписывается в общепринятые рамки значимости (в данном случае значимость коэффициента Хи-квадрат равна .196).

В то же время наличие связи между доверием и упоминанием европейской идентичности более вероятно (значимость .075). Чаще упоминали европейскую идентичность именно респонденты, доверяющие федеральной власти (75,8% против 58%). Между упоминанием европейской идентичности и доверием федеральной власти наблюдается даже линейная корреляция с коэффициентом —0.167 (значимость которого также в пределах 10%, допускаемых многими исследователями: $p = .076$).

Заключение

Таким образом, с разной степенью уверенности можно говорить о том, что предпочтения социальных практик (покупок европейских продуктов питания и товаров длительного пользования, прослушивания европейской музыки, поездок в страны зарубежной Европы), степень когнитивной мобилизации (уровень образования и частота обсуждения событий в зарубежной Европе) и доверие федеральной власти действительно связаны с чувством европейской идентичности.

Европейская идентичность в приграничных регионах СЗФО (количественный анализ)

Доманов Алексей Олегович, магистрант МГИМО(У) МИД России по направлению «Зарубежное регионоведение»
E-mail: domanov.aleksey@gmail.com

Аннотация. Количественный анализ результатов опросов общественного мнения, проведенных в октябре 2013 г. в трех городах, расположенных вблизи российско-финской границы (Санкт-Петербург, Кронштадт, Выборг) отображает европейскую идентичности их жителей. Данные города были выбраны для того, чтобы благодаря применению критической геополитики, продемонстрировать особое значение интерпретации пространства в процессе формирования пространственной идентичности. Исследование показало, как различные представления о пространстве на одной территории действуют в качестве промежуточных переменных между территориальными характеристиками и идентичностью местного населения. Предпочтения социальных практик (покупок европейских продуктов питания и товаров длительного пользования, прослушивания европейской музыки, поездок в страны зарубежной Европы), степень когнитивной мобилизации (уровень образования и частота обсуждения событий в зарубежной Европе) и доверие федеральной власти действительно связаны с чувством европейской идентичности.

Ключевые слова: российско-финская граница, европейская идентичность, пространственное воображение, критическая геополитика.

European Identity in Russian Regions Bordering on Finland: Quantitative Analysis

Domanov Alexey Olegovich, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), Master's Student in Regional Studies
E-mail: domanov.aleksey@gmail.com

Abstract. The quantitative analysis of an opinion poll conducted in October 2013 in three Russian cities located near Finnish border (St-Petersburg, Kronstadt and Vyborg) explores European identity of their citizens. This area was chosen to illustrate the crucial importance of space interpretation in spatial identity formation by using critical geopolitical approach. The study shows how different images of space on the same territory act as intermediate variables between objective territorial characteristics and citizens' identities. As the geographical position at the border of Russia provides the citizens with geopolitical alternatives to identify their location as a fortress defending the nation (as in the case of Kronstadt) or a bridge between cultures, the given study allows us to compare reasons for these geopolitical choices of inhabitants. Furthermore, the research aims at bridging the gap in the studies of European and multiple identity in Russian regions and provides Northwest Russian perspective on the perpetual discussion about subjective Eastern border of Europe.

Key words: Russia-Finland border, European identity, space imagination, critical geopolitics.

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ВОООБРАЖЕНИЕ И ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ МИФЫ В УСТНЫХ СВИДЕТЕЛЬСТВАХ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА КРОНШТАДТ)

Савин С.О.

Гипотеза: у жителей Кронштадта под влиянием исторического развития и объективной географической изолированности возникла «доминирующая черта оторванности от земли» или пространственное восприятие «осажденной крепости», проявляющееся в особом понимании своей исторической миссии, ментальной изолированности и т. д.

Метод исследования: исследование оформленных пространственных мифов в устных источниках путем проведения опросов и глубинных интервью с жителями исследуемого города (хранители музеев, экскурсоводы, старожилы).

PRO

Смыслы, которыми жители Кронштадта наделяют пространство, формировались в ходе исторического процесса и эволюционировали со временем, наслаиваясь друг на друга и приобретая все новые формы. На современном этапе хорошо различимы признаки тех функций, которыми некогда было наделено это пространство.

Во-первых, один из наиболее старых мифов — это *пространственный миф «морской столицы»*. Морская тематика всячески подчеркивает инаковость восприятия пространства. Так,

например, наиболее значимым залом в краеведческом музее города является зал корабельной славы. Также в этой связи нельзя не упомянуть хорошую историческую память жителей города, в особенности в отношении периода царской России, который, по их признанию, был временем военно-морской славы Кронштадта. В ходе опроса респонденты легко вспоминали «морскую базу Петра», Цусимское сражение и героический подвиг 2-й Тихоокеанской эскадры, действия моряков в июле и октябре 1917 г., в 1921 г., их значимое место в революции. Слова «сейчас почти не осталось ни военных, ни флота» произносятся с горечью.

Во-вторых, жители придают особое значение городу в послереволюционный период, с ностальгией вспоминая *времена советской «закрытости»* города, когда «шел постоянный обмен специалистами» (корабельные инженеры). «Спокойнее было, хотя и строже». В этом люди видели свою особую миссию, подчеркивая то обстоятельство, что «у многих родственники жили в Санкт-Петербурге, но в связи с режимными ограничениями встречаться могли редко». Более того, особый психологический подъем, патриотизм и воодушевление респонденты испытывают, рассказывая о «героизме Крон-

штадта» и его особой роли в Великой Отечественной войне и во время блокады Ленинграда.

В-третьих, на современном этапе особенно выделяется *обособленность и «непохожесть»*, что проявляется в темпе города. «Жизнь течет по-другому: размеренно, медленно». Респонденты признают, что этот город подходит для пенсионеров в силу хорошей экологии, живописных пейзажей, большого количества парков и исторических мест. Непонимание вызывает поведение более молодого поколения, среди представителей которого есть те, кто предпочитает Кронштадту Северную столицу. Руководитель дома культуры вспоминает, что в 90-е в стране и городе происходили крупные изменения, однако «в своем коллективе мы сохранили прежние традиции и стали своего рода «Ковчегом».

Данный тезис косвенно иллюстрируют статистика и количественные измерения: именно в Кронштадте наибольшее число жителей проявляют локальную первичную идентичность (более половины опрошенных) и ментальную изолированность (дистанцирование от Европы проявляется в том, сто кронштадтцы предпочитают путешествовать по России или вообще не выезжать, даже в Санкт-Петербург).

CONTRA

С другой стороны, одновременно с вышеизложенным имеет место быть *окраинное или пригородное восприятие* пространства. Такое пространственное позиционирование проявляется, в

частности, в том, что жители больше не ощущают «закрытости», часто ездят «в город» (имея в виду Северную столицу). Молодому населению свойственно регулярно ездить на место работы, учебы или даже «в магазин» в Санкт-Петербург, а следовательно, сложилось восприятие Кронштадта как «части Петербурга административно и не только». Кроме того, для молодых людей характерна плохая историческая память, что нивелирует влияние исторических мифов и представлений. Дополнительный импульс придают «объединенные туристические маршруты», постепенное включение города в жизнь Санкт-Петербурга.

Во многом на это повлияли строительство дамбы и открытие прямого сообщения с «большой землей» в 2011 г. Любопытно, что дамба и Кронштадт (остров Котлин), так же как и прежде — город-база ВМФ, выполняют защитную функцию, препятствуя на этот раз затоплению Санкт-Петербурга. Меняются формы, но неизменно воспроизводится сходное функциональное наполнение пространства.

Вывод: у жителей Кронштадта наблюдается диффузия двух пространственных восприятий: обособленного города-крепости, имеющего свой нрав и порядки, и пригорода крупного центра. Ввиду того что постоянное сообщение с «материком» стало возможным относительно недавно, можно наблюдать в динамике влияние новых транспортных путей на то, какими мифами и свойствами наделяется пространство Кронштадта.

Географическое воображение и пространственные мифы в устных свидетельствах (на примере города Кронштадт)

Савин Сергей Олегович, МГИМО(У) МИД России, студент факультета политологии
E-mail: savinsergeys@gmail.com

Аннотация. В данной статье представлены результаты исследования оформленных пространственных мифов в устных источниках путем проведения опросов и глубинных интервью с жителями города Кронштадта. У местных жителей наблюдается диффузия двух пространственных восприятий: обособленного города-крепости, имеющего свой нрав и порядки, и пригорода крупного центра. Ввиду того что постоянное сообщение с «материком» стало возможным относительно недавно, можно наблюдать в динамике влияние новых транспортных путей на то, какими мифами и свойствами наделяется пространство Кронштадта.

Ключевые слова: географическое воображение, пространственная идентичность, пространственные мифы, Кронштадт, критическая геополитика.

Space Imagination and Space Myths in Verbal Sources: The Case of Kronstadt

Savin Sergey Olegovich, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), School of Political Affairs, Student
E-mail: savinsergeys@gmail.com

Abstract. The article demonstrates the results of research of formed space myths in verbal sources by conducting polls and in-depth interviews with the citizens of Kronstadt town. There is a diffusion of two space perceptions among the inhabitants: as an isolated fortress with its own temper and rules and as the suburbs of the big center. Given that the permanent connection with the "continent" has become possible quite recently, one can follow the dynamical influence of new transport routes on the myths and attributes of Kronstadt's space.

Key words: space imagination, space identity, space myths, Kronstadt, critical geopolitics.

ОСОБЕННОСТИ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ Г. ВЫБОРГ)

Бахчиванжи В.П.

Выборг расположен на западе Карельского перешейка в 27 км от Финляндии, на берегу Финского залива. Город лежит на полуострове, изрезанном глубокими бухтами, и на нескольких мелких островах. Является крупным экономическим, промышленным и культурным центром Ленинградской области, портом на Балтике, а также важным узлом шоссейных и железных дорог. История его возникновения во многом предопределила современное положение города. Город был основан шведами в Средние века, с 1710 г. являлся частью России вплоть до начала XX в., когда перешел в состав Финляндии. Однако в 1944 г. город с другими территориями Карельского перешейка был передан из Карело-Финской ССР в состав Ленинградской области РСФСР. Учитывая особенности исторического развития (в частности, тот факт, что Выборг за свою более чем 700-летнюю историю неоднократно менял свою государственную принадлежность), а также географическое положение (приграничный город, а значит, это место пересечения смыслов, идей, стремлений), мы можем выдвинуть следующую гипотезу: пространственное восприятие жителей Выборга будет сводиться к осознанию себя частью европейской территории, противопоставленной России.

Согласно гипотезе исследуемые нами города (Выборг, Санкт-Петербург и Кронштадт), находясь примерно в одном территориальном районе, могут быть

наполнены при этом разными смыслами (или мифами). Это позволяет нам сделать вывод о том, что пространственная «схожесть» не говорит об идентичности этих мифов, поскольку в рамках одного и того же пространства может существовать несколько вариантов его интерпретации. В качестве источников интерпретации выступают результаты устных опросов местного населения и глубинных интервью. Основываясь на собранном материале, представляется возможным составить более или менее целостные, уже сложившиеся пространственные стереотипы, закрепленные в массовом сознании, культуре. Любопытно, что мнения респондентов варьируются в независимости от уровня образования, возраста и т.п. Итак, среди самых распространенных пространственных представлений можно выделить три:

Выборг — европейский (финский/шведский) город. Город-крепость. Действительно, архитектурно-планировочный облик города по большей части схож со странами Скандинавии: в центре города, что свойственно многим европейским городам, расположены городская ратуша, центральная площадь; рядом с привокзальной площадью возвышается жилой комплекс, имеющий название «Малая Финляндия»; количество построек советской эпохи незначительно. Местные жители часто называют Выборг «городом-крепостью»: эту роль город сохранил еще со дня своего основания (1293 г.), что является причи-

ной для особой гордости горожан. Однако в настоящее время Выборг уже не отстаивает оборонную функцию. Вероятно, произошло (или происходит) переосмысление городом своего положения из *пограничного* в *связующее*. В этой связи уместно вспомнить функции границ (по И.М. Бусыгиной: барьерные и контактные), которые в данном контексте в большей степени близки к контактным. Часть опрошенных убеждены в принадлежности города к шведской культуре, так как он «был основан шведами, и именно при них Выборг достиг своего наивысшего расцвета», поэтому ему свойственен «дух Запада», а чего-то истинно «русского» городу присуще крайне мало. Более того, следует учитывать то, что подавляющее большинство населения — переселенцы, велико число приезжих, что, в свою очередь, определяет недостаточную глубину исторической памяти и редуцированность пространственных мифов. Примечательно, что знание прежнего финского названия города «Viipuri» продемонстрировали далеко не все респонденты, но при этом им свойственна европейская идентичность.

«Мультикультурный» город. Довольно часто встречалось упоминание о Выборге как о «многонациональном» городе, в котором ощущается одновременное существование разных культурных пластов. Город представляет собой некую точку, связывающую две не похожие друг на друга культуры. Как уже отмечалось, на его историю и архитектуру оказали в свое время влияние шведская, немецкая, финская и русская культуры. Так, например, жители города имеют традицию отмечать как российские государственные праздники, так и финские; свадебные традиции также очень разно-

образны. При этом респонденты не могли отнести себя к одной идентичности, ощущая себя частью нескольких культур, причем ни одна из них не является доминирующей.

Городу присуща **«особая исключительность»** в силу особой роли и места как в истории государства, так и на карте России. Понятие эксклюзивности и обособленности наполнено позитивным смыслом и понимается жителями города как положительная черта, что во многом обусловлено отведением городу роли «русской заграницы», «единственного средневекового города России». Выделяя эти уникальные особенности города, респонденты нередко называют себя «русскими европейцами», подчеркивая свой особый статус.

Интересно отметить, что Выборг является городом-портом, однако восприятие себя жителями города-порта не наблюдается или проявляется крайне редко.

В заключение следует сказать, что результаты глубинных интервью в целом подтвердили выводы количественного анализа, показав разброс мнений. Среди уникальных смыслов и образов, которыми наполняется пространство Выборга его жителями, можно выделить как минимум три, причем они успешно сосуществуют друг с другом. Иными словами, пространство Выборга уникально, в нем представлено несколько типов идентичности, хотя локальная идентичность превалирует. За прошедшие десятилетия произошла переинтерпретация пространства: оборонные функции города (или исключительно города-крепости) перешли в связующие, контактные, что, в свою очередь, выражается в том, что Выборг представляет собой некое пограничье культур, традиций и ценностей.

Особенности пространственной идентичности (на примере г. Выборг)

Бахчиванжи Валерия Петровна, МГИМО(У) МИД России, студентка
факультета политологии
E-mail: valeria.bah@yandex.ru

Аннотация. Среди уникальных смыслов и образов, которыми наполняется пространство Выборга его жителями, можно выделить как минимум три — европейский город, «мультикультурный» город и город с «особой исключительностью», причем они успешно сосуществуют друг с другом. Иными словами, пространство Выборга уникально, в нем представлено несколько типов идентичности, хотя локальная идентичность превалирует. За прошедшие десятилетия произошла переинтерпретация пространства: оборонные функции города (или исключительно города-крепости) перешли в связующие, контактные, что, в свою очередь, выражается в том, что Выборг представляет собой некое пограничье культур, традиций и ценностей.

Ключевые слова: пространственная идентичность, пространственное воображение, Выборг, критическая геополитика.

Space Identity: The Case of Vyborg

Bakhchivanzhi Valeria Petrovna, Moscow State Institute of International
Relations (MGIMO-University), School of Political Affairs, Student
E-mail: valeria.bah@yandex.ru

Abstract. Among the unique meanings and images which form the Vyborg space by the citizens one can distinguish at least the images — an European town, a multicultural town and a town with the special exclusiveness, moreover so, they coexist successfully. In other words, although local identity prevails in Vyborg, its space is unique because there are several types of identity. Over the recent decades the space has been re-interpreted: defense functions of the town (or solely of the fortress town) have evolved into connecting, contact, which is demonstrated by the fact that Vyborg represents a borderzone between cultures, traditions and values.

Key words: space imagination, space identity, Vyborg, critical geopolitics.

ОСОБЕННОСТИ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ — САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Талыбов П.З.

Санкт-Петербург был основан в 1703 г. на прилегающем к устью реки Невы побережье Невской губы Финского залива. Занимая многочисленные острова Невской дельты, город является крупнейшим транспортным узлом северо-запада России. Пробыв столицей России более двухсот лет, этот «вечно столичный» город пережил множество триумфов и потрясений, что привело к формированию особой ментальности у жителей Петербурга, а она, в свою очередь, породила уникальную геополитическую идентичность горожан, а именно осознание петербуржцами себя жителями уникальной агломерации — «нашей заграницы». Изначально городу, построенному в тренде открытия «окна в Европу», было предназначено иметь особую судьбу. Таким образом, представляется возможным выдвинуть следующую гипотезу: *восприятие петербуржцами себя и своего города в пространстве и времени состоит в позиционировании себя в качестве обитателей особой европейской культурной столицы.*

В анализе пространственной идентичности петроградцев использовались блицопросы и глубинные интервью с горожанами, причем как с обывателями, так и с экспертами-краеоведами и культурологами. Можно выделить следующие ключевые пространственные представления, распространенные среди разных социальных слоев и возрастов населения Санкт-Петербурга:

Петербург — самобытная культурная столица России. В Северной Паль-

мире, помимо высокой концентрации архитектурных памятников и различных носителей культурного наследия имперской столицы России, до сих пор высокая доля интеллигенции среди населения города (не считая окраины агломерации Большого Петербурга). И опросы общественного мнения, проведенные во время экспедиции в Санкт-Петербурге, позволяют судить о том, что жители довольны тем, что город утратил статус политической столицы, и категорически возражают против переноса столицы обратно в Санкт-Петербург, мотивируя это тем, что у Петра Великого были другие соображения для переноса столицы. Теперь же обстоятельства изменились, и перенос столицы принес бы только неприятности. Горожане также полагают, что в нынешних реалиях Петербургу вполне достаточно его статуса культурной столицы, а перенос официальной столицы понизил бы средний уровень жизни и привлек бы слишком много приезжих. Примечательно, что петербуржцы внимательно следят за процессами, происходящими в соседней Москве и считают текущие миграционные тенденции, имеющие место в Москве и других крупных центрах России, недопустимыми.

Петербург — *европейский* мегаполис, проводник общеевропейских ценностей и западного стиля жизни в российские массы. Несмотря на то что Петербург не является самым молодым из российских городов-миллионеров,

среди них он является, пожалуй, самым европейским и современным во всех отношениях. Ссылаясь на недавнее введение Центробанком специального символа **Р**, стоит отметить, что впервые коммерческие организации начали использовать этот европеизированный знак в рекламе именно в Петербурге, причем это приобрело массовый характер (по состоянию на октябрь 2013 г.) еще до официального утверждения нового дизайна символа национальной валюты. Это, как и анализ системы мировоззрения петербуржцев и названий рекреационных заведений в городе, позволяет полагать, что, несмотря на советское прошлое, с приходом капиталистических отношений, активизацией панъевропейских транспортных потоков, бурным всплеском торговых отношений и культурного обмена между Россией и европейскими странами влияние европейской цивилизации вновь стало преобладающим в Санкт-Петербурге.

Петербург — элитарный город. Если посмотреть на бэкграунд номенклатурных работников высшего ранга и

нынешних влиятельных федеральных чиновников, то становится очевидным, что Петербург — это не только город образованных масс, но и прежде всего *родина* элит (как политических, так и экономических, военных и научных). Быть может, именно поэтому ни один из опрошенных не назвал себя питерцем, предпочитая этому и другим названиям (ленинградец/ленинградка, петроградец и др.) самое солидное и современное, отражающее нынешнее мироощущение горожан — а именно этнохороним петербуржец/петербурженка.

Принимая все вышеперечисленное во внимание, хотелось бы добавить, что в Санкт-Петербурге наличествует большое число пространственных мифов разного масштаба, что указывает на несомненную глубину исторической памяти у горожан. Таким образом, в целом итоги опросов общественного мнения были подтверждены также и анализом пространственных мифов Петербурга непосредственно в городских локациях, что только подтверждает верность каждого из пунктов нашей гипотезы.

Особенности пространственной идентичности — Санкт-Петербург

Талыбов Полад Захид оглы, МГИМО(У) МИД России, студент факультета политологии
E-mail: polad.zt@gmail.com

Аннотация. Санкт-Петербург был основан в 1703 г. на прилегающем к устью реки Невы побережье Невской губы Финского залива. Занимая многочисленные острова Невской дельты, город является крупнейшим транспортным узлом северо-запада России. Пробыв столицей России более двухсот лет, этот «вечно столичный» город пережил множество триумфов и потрясений, что привело к формированию особой ментальности у жителей Петербурга, а она, в свою очередь, породила уникальную геополитическую идентичность горожан, а именно осознание петербуржцами себя жителями уникальной агломерации — «нашей заграницы». Изначально городу, построенному в тренде открытия «окна в Европу», было предначертано иметь особую судьбу. В анализе пространственной идентичности петроградцев

использовались блицопросы и глубинные интервью с горожанами, причем как с обывателями, так и с экспертами-краеоведами и культурологами.

Ключевые слова: пространственная идентичность, пространственное воображение, Санкт-Петербург, критическая геополитика.

Space Identity: The Case of St. Petersburg

Talybov Polad Zakhid ogly, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), School of Political Affairs, Student

E-mail: polad.zt@gmail.com

Abstract. *St. Petersburg was founded in 1703 on Neva Bay of the Gulf of Finland. Staying on the numerous islands of Neva delta, the city is the biggest transportation hub of North-Western Russia. Having been Russia's capital for more than 200 years, it has witnessed a lot of triumphs and crises, which resulted in the formation of specific citizen's mentality. This mentality has created a unique geopolitical identity as a unique agglomeration — "internal overseas". From the beginning the city, built during opening a 'window to Europe', was predetermined to have the special destiny. In order to analyze the space identity of St. Petersburg inhabitants there were conducted polls and in-depth interview with the citizens, including inhabitants, as well as experts in local history and cultural studies.*

Key words: *space imagination, space identity, St. Petersburg, critical geopolitics.*

ИДЕНТИФИКАЦИЯ КРОНШТАДТА ЧЕРЕЗ ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ АЛЛЮЗИИ ПРОШЛОГО

Басова Д.В.

Кронштадт, в сущности, представляет собой уникальное пространство, которое, находясь в географических координатах на водном разделе России и Европы, сохраняет в большей степени «внутреннее» направление — иными словами, устремленное на свою обособленность, чем внешнее. Такое исторически сформированное пространственное восприятие влияет на устойчивость основ локальной идентичности у населения. Несмотря на потерю статуса закрытого города в 1996 г., черты изолированности и особенности до сих пор остаются присущи Кронштадту. Эти характеристики можно проследить на уровне письменных источников, которые хорошо демонстрируют маркеры данной «самобытности» города. Итак, попытаемся дать анализ тех письменных источников, которые были собраны нами во время проведения исследований в Кронштадте в октябре 2013 г.

Прежде всего, ключевым моментом в понимании Кронштадта является синкретизм культурных пластов, а именно царской России, Советской России и западного. Нужно сразу оговориться, что западный пласт является скрытым, и никакого воздействия на сознание жителей города не оказывается, потому что выражен он только на метауровне и упоминается в предлагаемых туристических буклетах лишь отсылками на имена известных иностранцев, которые так или иначе внесли вклад в развитие этого города (например, И.Ф. Браунштейн,

построивший Итальянский дворец для А.Д. Меншикова). Более того, в Историческом архитектурно-художественном музее г. Кронштадта оказались материалы круглого стола на тему «Роль иностранных граждан в становлении и развитии города Кронштадта»¹, в которых дается исторический обзор иностранного влияния в «модернизации» города. В основном эти материалы обращены к эпохе становления города, во время правления Петра I, а также зарождения и упрочения славы Балтийского флота России. Соответственно и персоналии здесь фигурируют такие, которые непосредственно связаны с военно-морской сферой: К. Крюйс, Э. Лейн, И. Люберас, Т. Сандерс, И. Брандт, Т. Трейден и многие другие. Однако эта информация распространена лишь в узком кругу специалистов, занимающихся данной проблемой. На массовом уровне отсутствуют ассоциации города с чем-то западным, за исключением того, что «именами немцев названы кронштадтские военно-инженерные сооружения: «редут Ден», «батарея Граббе», «люнет Швебс»...»²

Что касается двух остальных культурных элементов, то они находятся в тесной взаимосвязи, что само по себе

¹ Роль иностранных граждан в становлении и развитии города Кронштадта: материалы круглого стола. Кронштадт : СПбГУ «Исторический архитектурно-художественный музей г. Кронштадта.

² Роль иностранных граждан в становлении и развитии города Кронштадта. С. 15.

вступает в противоречие, так как советская и царская идентичности по направленности противоположны. Во-первых, явно присутствует стремление возродить идентичность царской России посредством символов, популярных образов или иллюстраций прошлой эпохи. Так, главная газета города носит название «Кронштадтский муниципальный вестник»³ с подчеркнутыми дореволюционным написанием, а основной научно-публицистический журнал называется «Цитадель». Вообще морская тематика встречается часто и направлена на то, чтобы воспроизвести былое величие русского флота и, следовательно, связанную с ним исключительную важность Кронштадта как города-крепости для России. В туристско-информационном центре Кронштадта не встречается ни одного буклета, брошюры или карты города, где не было бы изображения либо Петра I, либо Николая II, а также атрибуты кораблей и суровых морских пейзажей. Рекламные объявления пестрят предложениями об экскурсионных прогулках на форту «Константин»⁴. Опираясь на карту города⁵, мы можем видеть, что главная площадь Кронштадта названа Якорной, и из центральных объектов выделяются Морская библиотека, Морской собор, Адмиралтейство Петра Великого, Макаровский мост, Летний сад, Петровская пристань и другие. Если обратиться к районной газете «Кронштадтский», то можно заметить, что заголовки статей в большинстве сво-

ем также отсылают читателя к подчеркнуто морской и индивидуалистической черте Кронштадта. Например, в одном номере встречаются следующие названия статей: «Фортуна» собрала более 6 тысяч зрителей», «Морфест прошелся по Кронштадту», «Ковчег» нуждается в поддержке», «Александр Мариненко — подводник № 1», «Стрелец» просит о помощи» [старейший корпус бывшего монитора «Стрелец». — Прим. авт.]⁶. Кроме того, часто в массовых СМИ обсуждается преемственность поколений, а значит, и передача вот этого самобытного духа молодежи, потому что «...Кронштадту присуща подлинность, кронштадтцам — дружелюбность»⁷.

Тем не менее наряду с «царским элементом» остается и советский. В письменных источниках он выражен через изображения улицы Советской, на которой расположен комплекс Офицерских и служительских флигелей, фотографий памятника Морзаводцам и территории Морского завода, на котором, как сообщается в путеводителе по Кронштадту, в годы Великой Отечественной войны выполнялись многочисленные заказы для фронта. Кроме того, в общей информации о городе обязательно присутствуют упоминания о таких памятниках, как линкору «Октябрьская революция», борцам за дело революции, революционным морякам Балтики, то есть сохраняется историческая связь с революционными событиями, в которых активное участие принимали моряки Кронштадтского флота.

³ Кронштадтский муниципальный вестник: газета муниципального образования город Кронштадт. К.: ООО «ИД «Сатори». 2013. № 12 (69) 19 сентября.

⁴ URL:www.forthotel.ru

⁵ Кронштадт: план центральной части города. К.: СПбГУ «Музей истории Кронштадта», 2011.

⁶ Кронштадтский: официальная газета Кронштадтского района. СПб.: ООО «ИД «КУРЬЕР-МЕДИА». 2013. № 1 (49). 25 сентября.

⁷ Кронштадтский Вестник: городская газета. К.: НП «Редакция газеты «Кронштадтский вестник». Год? № 40 (24526).С. 2.

Таким образом, мы наблюдаем наложение нескольких идентичностей в нечто единое и цельное. Но в таком случае резонен вопрос об определении пространственного восприятия жителей Кронштадта. На основании анализа письменной базы, распространенной в городе и обращенной к туристам, можно говорить об особом пространственном восприятии города своими жителями, а значит, и об абстрагировании как от России, так и от Европы. Попытки культивирования этой исключительности и «самости» Кронштадта как раз и выражаются в смешении нескольких идентификационных маркеров. Но про-

блема такого отстранения заключается в следующем: осознание своей самобытности с особым островным положением порождает неприятие чего-то инородного на уровне ментальности. Это может довольно существенно тормозить процесс превращения Кронштадта в открытый туристический и культурный центр, что было заявлено в программе местных властей. Возможно, необходимо относится к Кронштадтской идентичности не как к устоявшемуся факту, а как к инструменту формирования новых подходов к созданию привлекательного имиджа города, который составлял бы альтернативу как России, так и Европе.

Идентификация Кронштадта через пространственные аллюзии прошлого

Басова Дарья Владимировна, МГИМО(У) МИД России, студент
факультета политологии
E-mail: daryara@yandex.ru

Аннотация. Кронштадт, в сущности, представляет собой уникальное пространство, которое, находясь в географических координатах на водном разделе России и Европы, сохраняет в большей степени «внутреннее» направление — иными словами, устремленное на свою обособленность, чем внешнее. Такое исторически сформированное пространственное восприятие влияет на устойчивость основ локальной идентичности у населения. Несмотря на потерю статуса закрытого города в 1996 г., черты изолированности и особенности до сих пор остаются присущи Кронштадту. Эти характеристики можно проследить на уровне письменных источников, которые хорошо демонстрируют маркеры данной «самобытности» города.

Ключевые слова: пространственная идентичность, пространственное воображение, Кронштадт, критическая геополитика.

Kronstadt Identification via Spatial Allusions of the Past

Basova Daria Vladimirovna, Moscow State Institute of International Relations
(MGIMO-University), School of Political Affairs, Student
E-mail: daryara@yandex.ru

Abstract. As a matter of fact, Kronstadt is a unique space: geographically situated on the watershed between Russia and Europe, it mostly preserves “internal” orientation — in other words, aimed at its insulation, than external. Such historically formed space perception impacts the immunity of the bases

of local identity among the citizens. Despite the loss of a forbidden city status in 1996, the features of isolatedness and peculiarity are still typical for Kronstadt. It is possible to follow these characteristics on the level of written sources, which clearly demonstrate the markers of this city's «uniqueness».

Key words: *space identity, space imagination, Kronstadt, critical geopolitics.*

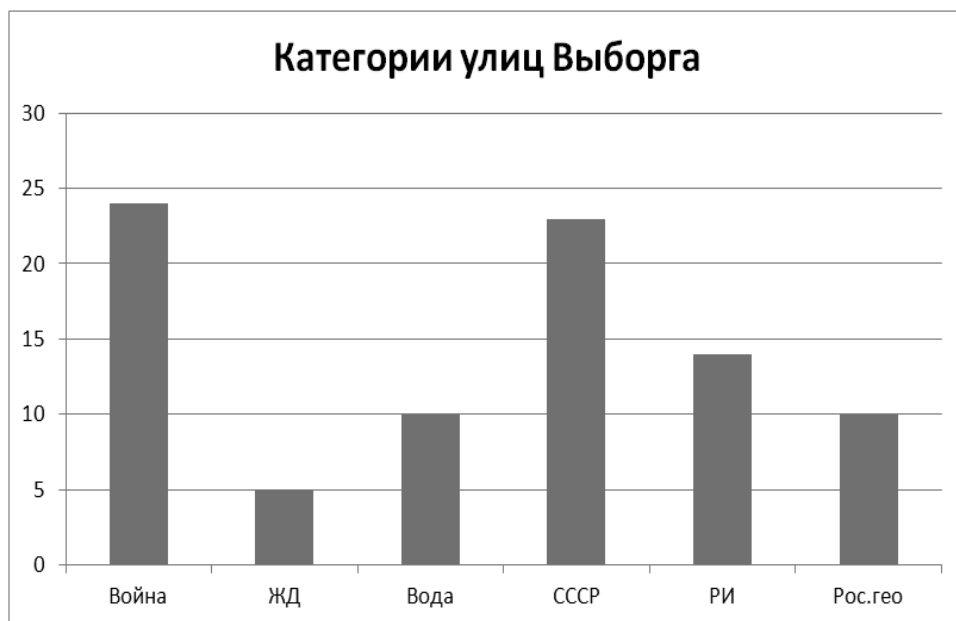
ОСОБЕННОСТИ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В Г. ВЫБОРГ (НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА НАЗВАНИЙ УЛИЦ И ПРЕДПРИЯТИЙ ОБЩЕПИТА)

Жирнова Л.С.

Ввиду повсеместного роста региональной идентичности в современной России, а также поиска основ для консолидации российского общества изучение пространственной идентичности приграничных регионов становится особенно актуальным. При этом методы изучения идентичности не исчерпываются анализом результатов социологических опросов. Напротив, для выявления глубинных параметров самоидентификации членов регионального сообщества необходимо анализировать косвенные источники данных, в

которых идентичность проявляется неосознанно.

По нашему мнению, в российских условиях для этой задачи оптимально подходит анализ названий улиц, с одной стороны, и названий предприятий общественного питания — с другой. Действительно, название улицы — это тот естественный маркер, который присущ человеку практически с рождения, названия улиц не могут не отразиться на его самоидентификации. В отличие от улиц названия кафе и ресторанов отражают не только имеющуюся самоиден-

тификацию, но и представления об идентичности желаемой, престижной. Таким образом, анализ обоих этих факторов позволяет сформировать комплексную картину пространственных идентичностей и их наложения.

В ходе анализа названий улиц Выборга были сделаны следующие выводы. Наибольшая доля названий (13 и 12,5% соответственно) связана с военной или советской тематикой. Что касается большого числа названий, связанных с войной, оно может объясняться не столько исторической традицией (действительно, подобных названий много во всех российских сторонах), сколько отражать богатую военную историю этого приграничного города, неоднократно менявшего государственную принадлежность. Примерно в полтора раза меньше названий, связанных с культурой и историей досоветской России. Значимые категории — это также названия, связанные с водой (вероятно, здесь сыграла роль близость Балтийского моря) и с другими топонимами России. Ряд названий объединяет железнодорожная тематика, что может также отражать важность города как транзитного пункта. Все финские названия улиц были изменены после присоединения Выборга к СССР. Так что названия улиц напоминают жителям об их принадлежности к России, а также отражают особенности пространственного положения города как приграничного, прибрежного и транзитного.

Таблица 1. Улицы Выборга

Категория	Число	Доля в %
Военная тематика	24	13
Советская тематика	23	12,5
Россия — до СССР (история, культура)	14	7,5

Водная тематика	10	5,5
Россия (география)	10	5,5
Железнодорожная тематика	5	3
ВСЕГО	184	100

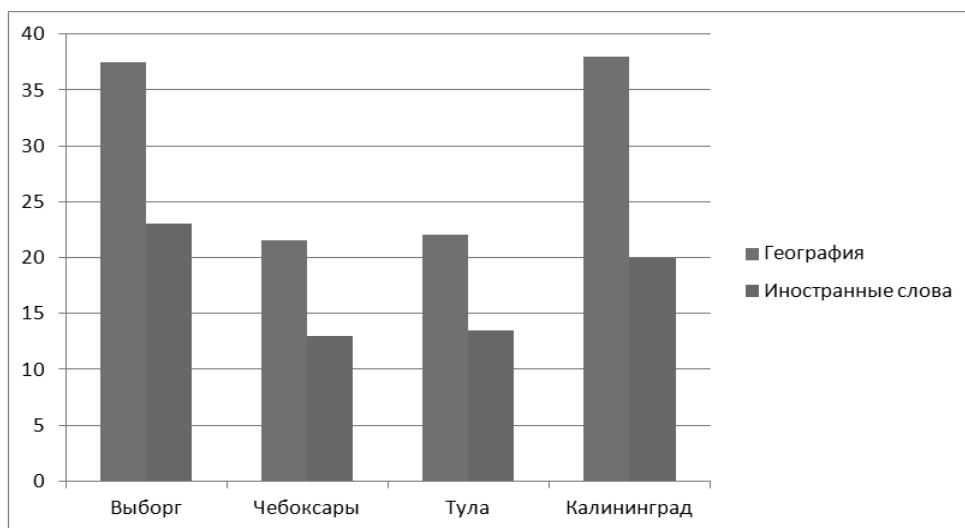
Что касается названий кафе и ресторанов Выборга, можно отметить большое число названий с использованием иностранных слов или латиницы (их чуть меньше четверти) — т.е. жители Выборга готовы воспринимать иностранные названия, показывая большую глобализованность города. Кроме того, почти каждое четвертое название имеет отсылку к какой-то географической зоне, что может отражать важность геостратегического положения региона (в этом Выборг схож с эксклавом Калининградом и значительно отличается от лежащих в глубине страны Тулы и Чебоксар). То есть уже при первом приближении очевидна важность географического фактора в названиях предприятий общепита.

Таблица 2.

Кафе и рестораны Выборга

Категория	Число	Доля в % от общего
Иностранные слова	16	23
Географические названия	26	37,5
Всего	69	100

Весьма любопытные результаты даёт разбивка условно географических названий по региональным зонам. Подавляющее большинство (больше половины) названий связано с Европой — здесь, вероятно, влияет как

ощущение принадлежности к Европе, так и осознание европейской идентичности как наиболее престижной. То есть можно подтвердить предположение о том, что выборжцы чувствуют тесную связь с Европой и в значительной степени ощущают себя европейцами. Опять же, названий, связанных с Россией, в три раза меньше. Любопытно, что несколько названий, как и в случае с улицами, объединяет водная тематика. То есть и в этом сегменте очевидно отражение геостратегического положения города.

Таблица 3.

Отсылки к географическим названиям

Категория	Число	Доля в % от геогр. назв.
Европа	14	54
В том числе Швеция/Финляндия	4	15
Россия	5	19
Азия	2	7,5
Местное	1	3,5
Морское	3	11,5
Латинская Америка	1	3,5
Всего географических	26	100

Итак, можно заключить, что и в названиях улиц, и в названиях предприятий общепита в большой степени отражены особенности геостратегического положения Выборга. При этом названия улиц, утверждённые государством, напоминают выборжцам в первую очередь о военном прошлом города и его принадлежности России, а в названиях кафе и ресторанов в большинстве случаев есть от-

сылка к Европе, что может указывать на восприятие жителями города европей-

ской идентичности как наиболее предпочтительной.

Особенности пространственной идентичности в г. Выборг (на основе анализа названий улиц и предприятий общепита)

Жирнова Лидия Сергеевна, магистрант МГИМО(У) МИД России по направлению «Зарубежное регионоведение»
E-mail: lidia.zhirnova@yandex.ru

Аннотация. В названиях улиц и предприятий общепита в большой степени отражены особенности геостратегического положения Выборга. При этом названия улиц, утверждённые государством, напоминают выборжцам в первую очередь о военном прошлом города и его принадлежности России, а в названиях кафе и ресторанов в большинстве случаев есть отсылка к Европе, что может указывать на восприятие жителями города европейской идентичности как наиболее предпочтительной.

Ключевые слова: пространственная идентичность, пространственное воображение, Выборг, критическая геополитика.

Space Identity in Vyborg: Analysis of Street and Food Services Names

Zhirnova Lidiya Sergeevna, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), Master's Student in Regional Studies
E-mail: lidia.zhirnova@yandex.ru

Abstract. The names of streets and food services mostly reflect the peculiarities of geostrategic location of Vyborg. Government-appointed street names remind the citizens of the military past and its belonging to Russia, and the names of cafes and restaurants refer to Europe, which indicates that European identity is the most preferable for inhabitants.

Key words: space identity, space imagination, Vyborg, critical geopolitics.

ОСОБЕННОСТИ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В Г. КРОНШТАДТ (НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА НАЗВАНИЙ УЛИЦ И ПРЕДПРИЯТИЙ ОБЩЕПИТА)

Манжина Н.А.

Пространственная идентичность является важным элементом самосознания как отдельной личности, так и населенных пунктов в целом. Она формирует представление человека о самом себе, а следовательно, определяет перспективы не только личного, но и, в некоторой степени, политического, а также экономического развития всей исследуемой территории. Зная, каким образом идентифицируют себя жители той или иной территориальной единицы, можно предположить, какой выбор в той или иной сфере они будут совершать, какие товары будут пользоваться у них особой популярностью, а возможно, и какую политическую партию они будут поддерживать на выборах.

В данном исследовании в качестве метода исследования пространственной идентичности будет использоваться анализ неформальных источников, а именно анализ названий улиц, кафе, ресторанов, закусочных и т.д. Подобное исследование поможет выявить несознательную самоидентификацию населенного пункта.

Объектом исследования является г. Кронштадт.

Предмет исследования — названия улиц и предприятий общественного питания.

Как показал анализ, военная специализация Кронштадта отражена в на-

званиях улиц — 26% названий связаны с военной и военно-морской тематикой. Кроме того, более половины всех названий имеют отношение к Советскому Союзу, а часть из них напрямую связаны с революциями, что говорит о том, что именно в этот период в городе больше всего ощущалась причастность к процессам, происходящим в масштабах всего государства.

Что касается названий мест общественного питания, то можно отметить, что они представляют более современную идентичность, поскольку многие из них открылись только за последнее десятилетие.

Вывески практически половины из них (47%) отсылают нас к российской тематике, но уже более четверти заведений носят европейские названия, что косвенно свидетельствует о постепенной деизоляции и сближении с европейской культурой. 9% названий отсылают нас к Азии и Закавказью, однако, учитывая, что в количественном выражении эта цифра весьма незначительна, можно утверждать, что в этом случае речь скорее идет о растущей популярности китайской и кавказской еды, а не о самоидентификации.

Кроме того, число названий заведений, написанных латиницей (или с использованием как латинского алфавита, так и кириллицы) не превышает 16%, что

может свидетельствовать о том, что уровень глобализованности города достаточно невелик.

Таким образом, в результате проведенного анализа можно сделать вывод, что, несмотря на то что сейчас г. Крон-

штадт уже является открытым, ему еще не удалось изменить самовосприятие в качестве отдельно существующей территориальной единицы, отличной от других и огражденной от контактов с внешним миром.

Особенности пространственной идентичности в г. Кронштадт (на основе анализа названий улиц и предприятий общепита)

Манжина Надежда Андреевна, магистрант МГИМО(У) МИД России по направлению «Зарубежное регионоведение»
E-mail: vesperr08@mail.ru

Аннотация. В данном исследовании в качестве метода исследования пространственной идентичности будет использоваться анализ неформальных источников, а именно анализ названий улиц, кафе, ресторанов. Подобное исследование поможет выявить несознательную самоидентификацию населенного пункта. Несмотря на то что сейчас г. Кронштадт уже является открытым, ему еще не удалось изменить самовосприятие в качестве отдельно существующей территориальной единицы, отличной от других и огражденной от контактов с внешним миром.

Ключевые слова: пространственная идентичность, пространственное воображение, Кронштадт, критическая геополитика.

Space Identity in Kronstadt: Analysis of Street and Food Services Names

Manzhina Nadezhda Andreevna, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), Master's Student in Regional Studies
E-mail: vesperr08@mail.ru

Abstract. This article is focused on space identity by analyzing informal sources such as the names of streets, cafes and restaurants. The research reveals unconscious self-identification of Kronstadt. Despite the fact that the town has the status of an opened city, it has not changed its self-perception as a separated territorial unit, distinct from others and secured from the contacts with the external world.

Key words: space identity, space imagination, Kronstadt, critical geopolitics.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Петербургская экспедиция Клуба геополитических исследований НСО

С 10 по 13 октября Клуб геополитических исследований НСО МГИМО — Университета и Исследовательская группа по политической географии и геополитике МО РАПН при поддержке гранта Фонда развития МГИМО провела исследования в Санкт-Петербурге и Ленинградской области.

В рамках поездки 10 октября группа студентов — членов геополитического клуба МГИМО приняла участие во II ежегодной конференции отделения прикладной политологии НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге «Октябрьские чтения — 2013», посвященной на этот раз теме «От России к России за 100 лет: современные исследования социальных и политических изменений».

Доклады студентов 3-го курса факультета политологии В. Бахчиванжи и С. Савина, а также студентов 2-го курса магистратуры по направлению «Зарубежное регионоведение» Н. Манжиной, А. Доманова и Л. Жирновой были представлены на секции «Новые тенденции в системе международных отношений». Студенты 2-го курса факультета политологии Д. Басова и П. Талыбов выступили в дискуссионной части секции. Доклады и выступления затронули широкий круг вопросов и вызвали оживленное обсуждение в аудитории.

11–13 октября участники экспедиции провели полевые исследования пространственных мифов и идентичностей в городах Санкт-Петербург, Кронштадт и Выборг. В рамках исследования фиксировались как осознаваемые, так и не-

осознаваемые проявления пространственного воображения, проводился сбор письменных и устных материалов, которые в дальнейшем будут подвергнуты более тщательному анализу.

Статья экспертов МГИМО в журнале Human Geographies

Совместная статья научного руководителя Клуба геополитических исследований И. Окунева и соискателя кафедры европейской интеграции А. Доманова опубликована в престижном журнале Human Geographies.

Журнал Human Geographies выходит два раза в год на английском языке и входит в библиографическую и реферативную базу данных Scopus.

В работе освещены итоги количественного анализа социологических опросов, проведенных членами клуба в ходе экспедиции в Санкт-Петербург, Кронштадт и Выборг в октябре 2013 г. Поездка состоялась на средства студенческого гранта Фонда развития МГИМО.

Статье предшествовала апробация ее результатов в ходе доклада на Всемирной конференции Ассоциации исследования границ и выступление авторов на регулярном семинаре Лаборатории сравнительных социальных исследований НИУ ВШЭ. Текст доклада был также опубликован в Social Science Research Network (SSRN).

Исследовательская модель клуба также стала основой для формирования схожих площадок на базе Высшей школы экономики (Клуб по геоэнергетической

политике) и Северо-Восточного федерального университета (Якутская школа критической геополитики). Площадкой для межрегионального сотрудничества центров эмпирических исследований в области критической геополитики стала исследовательская группа по политической географии и геополитике молодежного отделения Российской ассоциации политической науки.

В 2015 г. Клуб планирует продолжить активную исследовательскую работу. В январе при поддержке студенческого гранта Фонда развития МГИМО

состоится экспедиция клуба в Молдавию. В случае победы в конкурсе поддержки молодых ученых Российского гуманитарного научного фонда планируются экспедиции в Ярославскую, Рязанскую и Ленинградскую области. Также клуб планирует организовать секции на VIII Всероссийской ассамблее молодых политологов (Пермь, апрель 2015 г.) и VII Всероссийском конгрессе политологов (Москва, ноябрь 2015 г.). К концу года планируется выпуск второго номера сборника «Критической геополитики».

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

При направлении материалов в журнал просим вас соблюдать следующие требования.

Редакционный совет и редакция журнала рассматривают материалы оригинального характера, не публиковавшиеся ранее и не принятые к публикации другими журналами. Они должны быть присланы по электронной почте (предпочтительно) или представлены в редакцию на бумажном носителе вместе с электронным носителем в следующих объемах:

- статья — 20000–75000 печатных знаков со всеми сносками и пробелами;
- обзор, рецензия, информация — не более 3 страниц;
- иные материалы — по согласованию с редакцией.

При определении объема материала просим исходить из таких параметров:

- текст печатается на стандартной бумаге А-4 через 1,5 интервала;
- размер шрифта основного текста — 14;
- сноски можно печатать через 1 интервал, размер шрифта 12;
- поля: слева 3 см, сверху, справа и снизу — 2 см.

Для рассмотрения редакции просьба направлять два файла статьи — один, содержащий информацию об авторе (см. структуру статьи), один — без идентификации автора. Все материалы направляются на анонимное рецензирование, поэтому любая идентификация автора в тексте или ссылках должна быть убрана в одном из файлов.

При оформлении статьи просим авторов проверять их на соответствие следующей структуре:

1. Заглавие статьи на русском языке прописными (заглавными) буквами (должно быть коротким, отражать суть исследовательской проблемы).

2. Инициалы и фамилия автора(ов).

3. Название учреждения, где работает автор и адрес, включая почтовый индекс.

4. Резюме статьи на русском языке (200–250 слов).

5. Ключевые слова (10–12 слов на русском языке).

6. Основной текст.

7. Список литературы (составленный по алфавиту и пронумерованный).

8. Об авторе (ФИО полностью, научные звания, должность, место работы и его почтовый адрес, научная специализация, e-mail).

9. Заглавие статьи на английском языке прописными буквами.

10. Инициалы, фамилия (английская транскрипция).

11. Название учреждения, где работает автор и адрес на английском языке, включая почтовый индекс.

12. Abstract (резюме на английском языке, 200–250 слов).

13. Key words (ключевые слова на английском языке).

14. References (список должен соответствовать пронумерованному списку литературы, но названия книг и статей на русском языке транслитерируются латинскими буквами и переводятся на английский язык. Иностранные источники на латинице оставляются без изменения).

15. About author (об авторе на английском языке).

Ссылки оформляются в основном тексте статьи путем указания в конце

предложения в квадратных скобках [] порядкового номера упоминаемого произведения из «Списка литературы» и в случае цитаты номера страницы цитируемого произведения, через запятую после порядкового номера [3, с. 5].

«Список литературы» оформляется в соответствии с ГОСТ 7.1 и ГОСТ 7.82. Второй список, «References», оформляется в соответствие с требованиями журналов, включенных в систему «Scopus». Нумерация в двух списках должна полностью совпадать. Они должны быть идентичными по содержанию, но разными по оформлению.

Требования к оформлению References: названия статей, монографий и журналов на русском языке должны быть транслитерированы латиницей и переведены на английский язык. Например: Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны (1945–1995) / А.Д. Богатуров. М. : Конверт-МОНФ, 1997 (описание в «Списке литературы» согласно ГОСТУ) в References

описывается как Bogaturov A.D. Velikie derzhavy na Tikhom okeane. Istoriia i teoriia mezhdunarodnykh otnoshenii v Vostochnoi Azii posle vtoroi mirovoi voiny (1945–1995) [Great Powers on the Pacific Ocean. History and theory of international relations in East Asia after World War II (1945–1995)]. Moscow: Konvert-MONF, 1997). Транслитерировать можно автоматически с помощью translit.ru, режим транслитерации следует выбрать LC (Library of Congress). При ссылке на переводную литературу в References следует указывать оригинальное издание.

Статьи аспирантов принимаются при наличии рецензии или рекомендации соответствующих кафедр вузов, отделов, секторов научно-исследовательских учреждений либо научного руководителя.

Статьи необходимо направлять на e-mail по двум адресам: sravnitpolit@mail.ru и avtor@lawinfo.ru или по адресу: 125057, г. Москва, а/я 15

При несоблюдении перечисленных требований присланные материалы не рассматриваются.